

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ
Материалы докладов и сообщений
VIII международной научной конференции
28–30 октября 2016 года

МОСКВА
2016

УДК 81'34
ББК 81

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
М.Л. Каленчук (отв. ред.), Р.Ф. Касаткина,
Т.Н. Коробейникова (отв. секр.), Д.М. Савинов,
Е.С. Скачедубова, А.Е. Сомова

*Конференция проведена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда
(проект 16-04-14035г)*

Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII междуна-
родной научной конференции 28–30 октября 2016 года — М.; СПб. :
Нестор-История, 2016. 136 с.
ISBN 978-5-4469-0971-1

ISBN 978-5-4469-0971-1

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

Текст настоящего издания
приводится без издательского редактирования
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *А.А. Крыласов*

Подписано в печать 00.00.2016. Формат 84×108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 7,14. Заказ № 681
Тираж 70 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

А. В. Андронов (Санкт-Петербург)

О ПРИРОДЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СЕГМЕНТОВ И МИНИМАЛЬНЫХ ЛИНЕЙНЫХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ¹

Фонологические сегменты разных уровней (линейные единицы), наблюдаемые в тексте, обладают разной протяженностью, начиная с нулевой с «фонологической точки» — минимальной линейной единицы, характеризующейся фонологическими признаками оппозитивного типа. Главной процедурой при выявлении минимальных сегментов является установление их границ. Более протяженные сегменты приобретают статус языковых единиц (и образуют свой, более высокий, уровень) благодаря характеризующим их фонологическим признакам контрастивного типа, предполагающим наличие в составе такого сегмента нескольких последовательных элементов, но принадлежащим именно множеству этих элементов как целостному единству. При выявлении таких составных сегментов главным вопросом становится определение создающего их фонологического признака, который одновременно обычно указывает на их центр (гласный для слога, ударный слог для фонологического слова и т. д.) и нередко оставляет в тени границы.

Морфологический критерий в фонологической сегментации позволяет установить минимальную линейную фонологическую единицу (МЛФЕ), характер которой служит для типологической классификации языков на языки «фонемного» и «слогового» строя. Совпадение в термине «слог» двух разных единиц («фонологической точки» языков типа китайского и «фонологической последовательности» языков типа литовского) может служить причиной недоразумений и нестрогих описаний. Действительно, почему мы называем слогом минимальную линейную фонологическую единицу китайского языка? Ведь она получается в результате той же исследовательской процедуры, что

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-02042.

и фонема. Получается, что одинаковым способом установленную минимальную единицу в русском языке мы называем фонемой, а в китайском — слогом. Возникает подозрение, что эти единицы называются по-разному из «общих соображений», из-за того, что китайские минимальные единицы внешне (фонетически) похожи на то, что в европейских языках называется слогом, хотя функционально китайские «слоги» кардинально отличаются.

Представляется, что описание должно строиться следующим образом:

1) в результате теста на морфемную границу выделяется МЛФЕ (при этом пока нет фонологической разницы между двумя типами языков);

2) далее анализируются и сопоставляются поведение и свойства этих получившихся МЛФЕ в разных языках, выявляются их функциональные различия, которых несколько.

Так, МЛФЕ языков типа русского исчисляются десятками, а МЛФЕ языков типа китайского — тысячами. С этим связано то, что МЛФЕ первого типа образуют хорошо организованную систему — благодаря богатым парадигматическим отношениям (чередованиям), выявляющим их оппозитивные признаки, а система МЛФЕ второго типа организована слабее (в частности, ее организуют тоны, выступающие в функции оппозитивного признака).

С другой стороны, МЛФЕ первого типа не поддаются дальнейшей функциональной сегментации, а МЛФЕ второго типа функционально могут быть разделены на инициаль и финаль.

Вероятно, есть еще какие-то системные различия. Например, не все МЛФЕ русского языка могут образовывать самостоятельное (знаменательное, ортотоническое) слово, а в китайском все МЛФЕ потенциально могут быть самостоятельными словами.

После установления таких функциональных различий появляются основания утверждать, что анализируемые единицы, хоть они и выделены посредством одинаковой процедуры, — разные (и определяют разный тип языка) и должны, соответственно, обозначаться разными терминами. Термин «силлабема» этимологически заключает в себе ту же идею составности, хотя ее можно понимать и как потенциальную функциональную членимость китайских МЛФЕ на инициаль и финаль. Более удобный термин необходим и для МЛФЕ.

ИНОСТРАННЫЙ АКЦЕНТ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОНЕТИКИ РОДНОГО И ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКОВ

Анализ иностранного акцента в русской речи позволяет получить важные результаты не только для практики преподавания русской звучащей речи, но и для фонетической теории. Теоретическое значение исследования иностранного акцента определяется тем, что в нем проявляются скрытые характеристики фонетических систем родного и изучаемого языков. В связи с этим можно вспомнить, какую серьезную роль в области лингвистического анализа отводил Л. В. Щерба «отрицательному» языковому материалу — ошибкам как носителей языка (детей и взрослых), так и иностранцев, изучающих данный язык [Щерба 2002: 71].

Есть немало примеров того, как иностранный акцент подобно «лакусовой бумаге» проявляет черты фонетики родного языка. В частности, отклонения в интерферированной речи учащихся могут выявить позиционные закономерности родного языка, которые не замечаются самими носителями, а иногда и не отражены в лингвистической литературе.

В описаниях звукового строя японского языка, например, обычно указывается, что твердая и мягкая плавные фонемы реализуются ударными, или хлопковыми звуками [г] и [г']. В фонетической системе русского языка ближе всего к этим звукам дрожащие. Боковые плавные звуки согласно различным исследованиям фонетической системы японского языка в ней отсутствуют. Между тем в японском акценте эти звуки регулярно встречаются: слова *лак* и *рак*, *лук* и *рук*, *лучей* и *ручей*, как правило, произносятся японцами одинаково, причем похоже на первое слово каждой из пар. Основная позиция, в которой происходит ошибочная замена дрожащих на боковые, — позиция абсолютного начала слова. В остальных позициях как на месте [л] — [л'], так и на месте [р] — [р'] чаще всего произносятся [г] и [г']: в парах *столы* — *стары*, *получил* — *поручил* «выбирается» второе слово. Фонетический акцент показывает, что японские плавные фонемы могут реализоваться не только звуками [г] — [г'], но и звуками, похожими на русские боковые.

Нередко «отрицательный материал» дает возможность разграничить то, что «фонетически невозможно» и «лексически не представлено» в языке, то есть определить, случайно ли отсутствие того или иного явления (о понятиях «фонетически невозможно» и «лексически не представлено» см. [Панов 2009: 141–142]). Так, фонетический акцент испаноговорящих в русской речи говорит о фонетической невозможности сочетаний шумных согласных в абсолютном начале слова. Даже двухкомпонентные начальные сочетания русских слов в испанском акценте либо упрощаются, либо произносятся с предшествующей ошибочной гласной вставкой: *[s]ихология (*психология*), *[t]оро-*степенный* (*второстепенный*), *[e]скажет, *[e]вторник.

Выше приведены примеры, показывающие, что результаты изучения характеристик иностранного акцента в русской речи позволяют дополнить знания о фонетике родного языка учащихся. В то же время анализ иностранного акцента дает возможность увидеть целый ряд особенностей фонетической системы русского языка, которые отличают ее от других языков. Например, отклонения в произношении русских носовых согласных, которые типичны для интерферирующей речи иностранцев, указывают на своеобразие функционирования носовых в русском языке. Во многих иноязычных системах носовые подвергаются ассимиляции по месту образования перед последующими шумными, а иногда — и перед последующими сонорными согласными. В акценте носителей испанского, итальянского, венгерского, сербского, китайского, японского и других языков возможны ошибки *ко[m]верт (*конверт*), *и[m]вариант (*инвариант*), *ри[n]ский (*римский*), *ло[n]тик (*ломтик*), *ра[η]ка (*ранка*), *са[m]бат (*санбат*) и другие подобные. На фоне обозначенных отклонений очевидна устойчивость русских носовых, которые почти не вступают в позиционные чередования по месту образования.

Характерный для интерферирующей речи носителей большинства языков медленный темп речи и отчетливое произнесение гласных после мягких согласных в конечных заударных слогах заставляет вспомнить положение Р. И. Аванесова об особенностях реализации русских гласных во флексиях [Аванесов 1972: 69–71]. Если звук [и] отчетливо произносится во флексии,

то он воспринимается как реализация только фонемы <и>: ср. *Здесь нет* [пóл'и] — последнее слово однозначно соотносится с женским именем, а не с участком земли. В других позициях восприятие той же реализации иное: ср. *Там* [л'исá] — без контекста нельзя сказать, какую словоформу озвучил говорящий — *леса* или *луса*. Таким образом, отклонения в иностранном акценте представляют собой важный материал, на основе которого можно судить об особенностях звукового строя родного и изучаемого языков.

Литература

- Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1972.
Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для вузов. 2-е изд., стереотипное. М., 2009.
Щерба Л. В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб. пособие для студ. филол. фак. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

С. Ф. Барышева (Москва)

МУТАБИЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЦЕРКОВНО-БОГОСЛОВСКОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ)

М. В. Панов в монографии «История русского литературного произношения XVIII — XX вв.» писал: «В языках существуют «мутабельные», изменчивые фонемы» [Панов 1990: 198]. Мутабельной фонемой М. В. Панов называл единицу из нескольких фонем, чередующихся в одной и той же морфеме в зависимости от ситуативно-прагматических факторов. Например, «в начале — середине XIX века мутабельной была фонема <о>. После мягких согласных под ударением она реализовалась гласным [о], но в той же позиции, в высоком стиле, гласным [э]» [Панов 1990: 196].

«Мутабили», как называл их М. В. Панов, — это явление прежде всего первой половины XIX века, и тогда их было три:

«Мутабельная единица <о/э> существовала только для поэтической речи. В бытовой ее не было.

Мутабельная единица <г/γ> была безразлична и для поэтической, и для книжно-научной, и для бытовой речи, и в быту надо было выбирать, как говорить: [г]осподин или [γ]осподин...

Наконец, мутабельная единица <ш/ч> (перед [н], [н']) именно для бытовой речи и была в первую очередь актуальна <...>.

Все эти мутабили жили в голубой системе [период начала–середины XIX века в классификации М. В. Панова — С. Б.] и постепенно снижали в последующих...» [Панов 1990: 201].

Рассмотрим функционирование этих единиц в современной подсистеме церковно-богословской речи. Материалом послужили передачи православной радиостанции «Радонеж» в период за февраль–март 2016 года. Объектом стали передачи разных жанров.

По нашим данным, в православном радиовещании функционируют все три мутабельные единицы, но их функционирование стало предельно лексикализированным.

I. Единица <о/э> в современной православной радиоречи используется и как стилевой маркер, и как смысловоразличитель в словах церковной тематики.

1) Стиливым маркером церковно-богословской речи является форма слова *сёстры* как [с'э]стры. Функционирование этой единицы практически в одной языковой единице — обращении **братья и сестры** — подтверждает лексикализацию мутабельных единиц.

При этом, по нашим данным, вариант [с'э]стры не является: а) ни социально закрепленным, потому что варьируется в речи и священнослужителей, и журналистов-ведущих; б) ни жанрово закрепленным (например, оба варианта фиксируются в одном и том же жанре — объявлении).

2) Семантические различия проявились в паре *смиренный* — *смирённый*, употребленной протоиереем Даниилом Каменским в одной фразе для противопоставления этих единиц друг другу: *будучи сми[р'э]нным и сми[р'о]нным* (эфир 02.03.2016).

II. Мутабельная единица <ч/ш> в описываемой подсистеме функционирует, в отличие от данных М. В. Панова, не перед звуком [н], а перед [т] в словах *что* и *чтобы*.

«Книжно-буквенный» вариант [ч'т] был свойствен речи патриарха Алексия II, нередок он и в речи патриарха Кирилла, известный церковный проповедник владыка Антоний Сурожский в проповедях произносил и [ч']то, и [ш]то, отдавая явное предпочтение варианту [ч'т]. Многочисленные примеры и из передач современного православного радиоэфира.

Показательно соотношение вариантов в речи известного профессора Московской духовной академии И. А. Осипова (эфир 06.02.2016). Варианты могут существовать в пределах одной фразы: *Все [ш]то называется грехом есть не [ч]то иное, как рана человеку //*. Обратим внимание на фонетический стиливой диссонанс во фразе *А [шас]-то [ч]то творится*.

III. Мутабильная единица <т/γ> менее активна в церковно-богословской речи. Уже в конце XX века М. В. Панов писал: «Даже в формах одного-единственного слова, где <γ> нашла последнее пристанище, слышится она все реже. Стало распространенным произношение: бо[х], бо[г]а, бо[г]у и т. д.» [Панов 1990: 28]. В современной речи вариант [γ] практически отсутствует не только у мирян, но и у священнослужителей. Словоформы *Бога, Богу, с Богом, слово Господь* звучат со взрывным [г].

Таким образом, мутабильные единицы могут трактоваться как фоностилистический показатель церковно-богословской речи, но их число сократилось до двух — <о/э> и <ч/ш> — и стало лексикализованным. Функционирование мутабильных единиц — пусть и ограниченное — в церковно-богословской речи, в частности в православном радиовещании, может служить одним из аргументов выделения этого вида речи в особый стиль современного русского литературного языка.

Литература

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII — XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1990. 456 с.

ВАРЬИРОВАНИЕ ЗВОНКИХ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ИДИОЛЕКТА

Способ образования звонких заднеязычных согласных — вариативный параметр общенародного русского языка. Возникает вопрос о его отражении на уровне идиолекта. Материал для ответа на этот вопрос дают идентификационные исследования речи 69 дикторов, проводившиеся в 2003–15 гг. в Тульской ЛСЭ Минюста России. Вариативными оказались все исходные и сравнительные материалы (образцы), содержащие более 10 примеров. Учитывались аллофоны в сильных и слабых по глухости/звонкости позициях: взрывные $[\gamma^{(v)}]||[к]/$ щелевые $[\gamma^{(v)}/h^{(v)}]||[х]$.

Для каждого диктора определялись доли преобладающих в исходном и сравнительном материале вариантов, и вычислялось относительное отклонение ОО (отношение модуля разности между исходной и сравнительной долями к среднему значению доли). Разбиение множества идиолектов по величине ОО, %:

0–1	1,1–2	2,1–3	3,1–4	4,1–6	6,1–8	8,1–12	12,1–15	15,1–22	22,1–100
21	19	14	6	3	3	0	2	0	4

(Сумма по нижней строке = 72, т. к. в трех случаях из последнего столбца происходит бифуркация речевого поведения.)

Между строками таблицы наблюдается обратная корреляция. В 66 случаях ОО находится в пределах 0,0–7,1 %, что намного меньше среднестатистической внутридикторской вариативности (15 %). В двух случаях оно приближается к этой величине (12,7 %, 15,0 %), и лишь в четырех случаях значительно превосходит ее (22,6–99,4 %). Таким образом, исследуемое варьирование является достаточно стабильным параметром идиолекта и сильным идентификационным признаком.

В речи 38 дикторов преобладают щелевые варианты, у 31 — взрывные. Для 54 человек имеются данные о происхождении:

$[\gamma^{(v)}/h^{(v)}] [х]$	Тульская обл. (24)	Брянск, Смоленск, Рязань, Владивосток (2)
$[\gamma^{(v)}] [к]$	Тульская обл. (12)	Москва (2), Псков, Самара, Магадан, Калуга, Минск, Гомель, Краснодар, Черкасы, Одесса, Крым, Баку

(Вариант $[h^{(v)}]$ преобладает в речи СВЕ, уроженца Брянска, и САА, уроженца Смоленска.)

Региональное разнообразие идиолектов с преобладанием взрывных говорит о доминантной роли этих вариантов во внешнем языковом пространстве. О том же свидетельствует характер соотношения между исходными фонограммами и образцами. Официальный характер образца (открыто фиксируемое следственное действие) чаще всего стимулирует повышение доли взрывных вариантов:

Официальные образцы (51)			Неофициальные образцы (18)	
$[r^{(v)}][k] > (40)$	$[r^{(v)}][k] < (9)$	$[r^{(v)}][k] = (2)$	$[r^{(v)}][k] > (7)$	$[r^{(v)}][k] < (11)$

Кардинальное расхождение между исходным и сравнительным материалом (6 аномальных случаев) обусловлено спецификой коммуникативных ролей или физическим состоянием дикторов. Три случая понижения доли щелевых вариантов:

1) Сотрудник милиции БРВ. Исходный материал — переговоры о фабрикации уголовного дела. В официальном диалоге со следователем играет роль интеллектуала, знатока древней истории и философии (ОО = 12,7%).

2) Бизнесмен, депутат региональной думы ФСМ. Исходный материал — остро конфликтный разговор с бывшим партнером. В официальном образце целенаправленно строит образ respectable политика (ОО = 22,6%).

3) Телефонный мошенник СМК. Образец — неофициальная беседа с работником СИЗО. В исходном разговоре играет роль менеджера автосалона (ОО = 15,0%).

Три случая внутридикторской дифференциации исходных фонограмм:

1) Адвокат ЛОА. Посредник в вымогательстве денег у предпринимателя. Варьирование заднеязычных в переговорах близко к официальному образцу (преобладают взрывные варианты, ОО = 2,0%). Однако в разговоре, сопровождающимся застольем, под воздействием алкоголя артикуляция теряет четкость, доля взрывных убывает, ОО = 28,3%).

2) Телефонный мошенник КСВ. Выступает в роли следователя. Исходные разговоры распадаются на две группы: с сообщником, и с жертвой вымогательства. В первой доля взрывных вариантов несколько меньше, чем в официальном образце (ОО = 2,9%). Во второй она значительно больше (ОО = 32,7%).

3) Телефонный мошенник ИДА. Виртуозно играет роль менеджера автосалона. Исходные разговоры также образуют две группы: с сообщниками, и с жертвами обмана. В первой преобладают щелевые варианты, доля которых практически идентична образцу — неофициальной беседе с работником СИЗО (ОО = 0,3 %). Во второй группе, напротив, господствуют варианты взрывные (ОО = 99,4 %!).

Внутри текстов происходит нерегулярное усиление/ослабление контакта языка с небом, иногда даже в рамках одного слова: [г']e[γ]ама, [γ]осэ[г]замены, [γ]ос[г]арантия, педа[г]о[γ']ическое, [г']еоло[х]. Могут действовать различные экстрафонологические факторы: употребительность лексики ([γ]отов он [г]арцевать); ослабление при повторе (недол[г]о, Андрюш... недол[γ]о; ле[к]че, ле[х]че...); усиление после переспроса (Ты Ожо[γ]а знаешь? — Кого? — Ожо[г]а. С [γ]ри[γ]орьевой там чо? — Чо? — С [г]ри[г]орьевой там чо?); усиление в ходе саморедактуры (у ФСМ: *сиплость в [γ]о... в [γ]олосе, в девяносто восьмом [γ]о... [г]оду, мно[γ]о-мно[г]о лет*).

В фонологическом пространстве исследованного материала отсутствует позиционная обусловленность или прикрепленность вариантов. Они являются свободными и образуют фонемы <г/γ>, <г'/γ'>, лишенные ДП способа образования. В варьировании участвуют также гиперфонема <^{v/γ}/_к> и фонема <к> (единицы типа *экзамен, где, как бы, и так далее, так же, также*).

Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург)

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ТЯНИ-ТОЛКАЙ: О ДВУХ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПОСТРОЕНИИ УСТНОГО ТЕКСТА

Что может быть банальнее утверждения, что главной движущей силой эволюции языка является *принцип экономии*? Ср.: в работе языка как живого организма заметно «стремление к экономии сил и нерастрачиванию их без нужды» [Бодуэн де Куртене 1963: 226]; в процессе развития, следуя «естественным законам эволюции», язык движется от более сложных к более простым

способам выражения того же содержания [Спенсер 1986: 172]; «для языковой деятельности характерна тенденция к бережливости», «в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания» [Пауль 1960: 302]; язык постоянно стремится освободиться от лишнего [Passy 1990: 229]; и т. д., и т. п.

О принципе экономии писали многие, отмечая, в частности, его двойственный характер: лингвистическая экономия, являясь, по сути, *деструктивной*, оказывается в то же время и *созидательной*. Именно так, можно предположить, возникли в языке такие явления, как неполные и нечленимые предложения, аббревиатуры и сложносокращенные слова, многие лексические единицы (*Публичка, Ленинка, нетленка*), в том числе маркеры-аппроксиматоры, заменяющие ряд перечисления (*и так далее, и все дела, пятое-десятое*) или чужую речь (*бла-бла-бла, ля-ля-тополя*).

На лексическом и синтаксическом уровнях закон экономии в русском языке действует особенно активно и плодотворно, порождая в результате сжатия, редукции, компрессии звуковой формы одних единиц — другие, новые, находящиеся на разных этапах своего пути к признанию системой языка (деструкция → созидание). На фонетическом уровне наиболее ярким примером такого созидания являются практически лексикализованные редуцированные формы типа *здасьте, щас, тыща* и под.

На текстовом же, дискурсивном, уровне нашей устной речи обнаруживаются явления диаметрально противоположного толка, а именно — абсолютно неэкономное расширение, приращение звуковой формы без всякого приращения смысла («сокращаясь» в одних сферах, язык обычно «расширяется» в других — [Будагов 1972: 17]). Анализ материала Звукового корпуса русского языка позволил выявить разные способы такого приращения, связанные прежде всего с общей неподготовленностью (спонтанностью) устной речи:

1) чисто фонетические средства:

- неречевые фрагменты звуковой цепи (*э-э, м-м*);
- паралингвистические элементы (смех, вздох, кашель, цоканье языком, причмокивание, хлюпанье и под.);
- растяжки гласных и согласных (*у-у нас, н-не надо*);

- скандированное произнесение слов или частей слов (*ска- зал*);
 - чрезмерная паузация, не связанная с синтагматическим членением речевого потока;
- 2) лексико-дискурсивные средства (вербализация самого процесса порождения речи):
- вербальные хезитативы разного типа (*это самое, как его, я не знаю*);
 - метакоммуникативы (*знаешь, понимаешь, смотри*);
 - рефлексивы (*скажем так, что называется, или как это*);
 - явления самокоррекции (ср.: «Устная речь необратима — такова ее судьба. Однажды сказанное уже не взять назад, не приращивая к нему нового; “поправить” странным образом значит здесь “прибавить”» — [Барт 1989: 541]);
 - ритмообразующие единицы (*он там сидит там; он вот вышел там*);
 - дискурсивы (*значит, короче, ну вот*); и ряд др.

Особый интерес представляет немотивированное на первый взгляд дублирование синонимичных дискурсивных единиц, приводящее к появлению протяженных хезитационных цепочек или комбинаций близких по функции прагматем (обычно ксенопоказателей или аппроксиматоров):

- *а / всё ...а у меня на да... д... дача на этом / как его / на Дунае;*
- *И он тоже там за мной ухлёстывал и появлялся / и так и сяк и так подкатывал и пятое и десятое;*
- *про этого самого (...) (э-э) как его ? (...) (м-м) (э-э) судью Ди;*
- *колёса раскрутились / и свой в резину выскочил // *В этот / о / вот мол типа этот / Шумахер(:) / там ну этот / Якоб Мюллер-то.*

Эти две разнонаправленные тенденции — сокращение и приращение — обеспечивают устной речи ту специфику (своеобразный речевой *Тяни-Толкай*), которая требует постоянного исследовательского внимания.

СЛОГ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО И ОБЫДЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Исследования совокупного представления рядовых людей о своем языке начаты сравнительно недавно. Ученые пытаются выяснить, какие лингвистические особенности подвергаются коллективному осмыслению, и с какими истинами это осмысление связано. Существенной представляется и задача определения факторов детерминированности обыденных убеждений о родном языке: являются ли они следствием интуитивного постижения лингвистических закономерностей или имеют социокультурную причину?

Понятие «слог» свойственно русскому обыденному метаязыковому сознанию. Любой человек готов поделить слово на слоги и опирается он при этом на интуитивные ощущения. Алгоритм выбора (при наличии соответствующего вопроса) или не окажется сформулирован вовсе, или сведется к задаче разбить рядом стоящие согласные, или будет подкреплён ссылкой на особенности переноса слова. Последние два довода на самом деле обнаруживают один и тот же навык, просто осмысленный абстрактно или же с прикладной точки зрения: *мос-тик* почему-то нравится больше, чем *мо-стик*, поэтому и переносим так. Реальные правила переноса эту ситуацию никак не регламентируют, но мысль о них вдруг возникает в памяти в виде сакраментального утверждения «слова переносятся по слогам и с учетом...» (с учетом чего именно, большинство из пишущих по-русски не помнит, — вполне достаточно и базового «по слогам»).

Известно, что выбор между *мо-стик*/*мос-тик* зависит от возраста. Если маленькие дети делают слог открытым, то дети постарше и абсолютно все взрослые — закрытым. Переломным в плане смены предпочтений описывается возраст в 4.5–5.5 лет. Анализ шкалы возрастных предпочтений с точки зрения социокультурных факторов позволяет выявить некоторые особенности формирования обыденного метаязыкового сознания.

В возрасте около пяти лет дети начинают читать. Соответствующий навык формируется постепенно и требует значительных усилий, которые определяют невольное и прочное усвоение

всей фоновой информации, сопровождающей процесс. Чтобы помочь ребенку справиться с длинными словами, включающими скопления согласных, его учат дробить консонантный кластер, — насаждается модель типа *мос-тик*. Наши слоговые предпочтения появляются не просто так: они подкреплены визуально (в детских книжках слова печатаются с черточками), артикуляционно-акустически (ребенок читает слитно до черточки, где делает паузу: [мос // т'ик]) и терминологически (в жизнь носителя языка входит новое слово, повторяемое в настойчивой рекомендации «Читай медленно, по слогам!»). Когда чтение становится беглым, умение делить слово на слоги не утрачивает актуальности: оно используется при переносе слов на письме.

В обыденное метаязыковое сознание слог входит как единица графическая и «склонная к закрытости», и это представление на уровне языкового коллектива практически не корректируется, несмотря на обязательное изучение сонорной теории слога в школьном курсе фонетики.

Наивно-обыденный навык делить на слоги буквенную запись по привычной с детства модели оказывается сильнее не только школьных, но и профессиональных установок: студенты филологических вузов с трудом привыкают отмечать слоговые границы именно в транскрипции, задача переставить местами слоги в слове *коза* приводит к ответам типа *зако* вместо [за-ка], при наличии альтернативы предпочтение отдается закрытым слогам. Существует, однако, ситуация, опровергающая последнее наблюдение: предложение проскандировать слово тут же рождает сомнение в совершенном было выборе. Причины данного феномена еще только предстоит понять и описать.

Существующие научные теории предлагают различные определения слога. При всей несхожести решений между ними есть общая черта: изучаемая сущность описывается как звуковая по своей природе, а не как графическая. Следовательно, предмет научных исследований принципиально отличается от наивно-обыденного слога, хотя и обозначается тем же термином.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Изучая звуковую сторону языка, фонетисты-исследователи анализируют речь разных и достаточно ограниченных по числу участников групп носителей языка: носителей литературной нормы (чаще всего — петербуржцев и москвичей), носителей диалектов, представителей различных социальных групп. В качестве речевого материала чаще всего используются записи прочитанных письменных текстов, а в последние годы и спонтанная речь. Результатом исследований являются параметры речи усредненного представителя каждой такой группы, и они-то и принимаются в качестве “нормы” для каждой из этих групп.

В условиях естественного речевого общения слушатель имеет дело с акустическим речевым сигналом конкретного носителя языка, и параметры этого сигнала чаще всего существенно отличаются от усредненных характеристик, полученных в экспериментальных условиях.

Таким образом, фонетика и психолингвистика (?) имеют дело с разными объектами исследования: первая изучает человека говорящего, вторая — человека слушающего.

К этому надо добавить, что фонетист-исследователь анализирует речевой сигнал постфактум и имеет возможность при необходимости многократно обращаться к одному и тому же сигналу, используя разные средства анализа. Система восприятия речи работает с акустическим сигналом онлайн и лишена возможности “повторно прослушать” прозвучавшую речь. Соответственно, при создании функциональной модели такой системы приходится учитывать это обстоятельство: все необходимые признаки должны извлекаться из речевого сигнала текущим образом, а объем доступной анализу акустической информации ограничен длительностью сигнала в 200–250 мс.

Экспериментально-фонетические исследования ведутся методом “сверху-вниз” — от значения к форме. Исследователь заранее “знает”, где в анализируемом сигнале возникают явления,

обеспечивающие адекватное понимание речи (позиции словесного и фразового ударения, положение интонационного центра и синтагматической границы и т. д.), и измеряет физические параметры сигнала, соответствующие этим явлениям.

Восприятие речи происходит “снизу-вверх”, т. е. информация для принятия лингвистических решений извлекается только из исходного акустического сигнала. Другими словами, позиция словесного и фразового ударения, тональный акцент и положение интонационного центра, наличие или отсутствие пограничных маркеров могут быть установлены только на основании анализа выделенных из речевого сигнала признаков.

Экспериментальная фонетика оперирует данными инструментального анализа речевого сигнала, т. е. набором физических характеристик, точность измерения которых ограничивается только точностью используемых “приборов”. Результаты измерений соотносятся с “заранее известными” коммуникативно значимыми событиями в сигнале. Полученные сведения позволяют с успехом решать задачи обучения правильной речи, их использование при создании систем синтеза речи по тексту обеспечивает повышение качества и естественность синтезированной речи.

При восприятии речи когнитивная система человека работает не непосредственно с физическими параметрами сигнала, а с результатами их субъективного преобразования периферическими уровнями слуховой системы, причем в правилах принятия решений учитываются имеющиеся у слушателя знания о языке. Соответственно, во внимание принимаются только те изменения в исходном сигнале, которые способна обнаружить слуховая система.

Следствием описанных особенностей этих систем является тот факт, что с использованием результатов экспериментально-фонетических исследований не удастся адекватно описать предполагаемые процессы в системе восприятия речи.

**РОЛЬ ФОНОЛОГИИ И МОРФОЛОГИИ
В ФОРМИРОВАНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ
ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Лингвисты хорошо знают, что при изучении любого языка необходимо в первую очередь исследовать внутренние языковые закономерности, однако нельзя не учитывать и внешние по отношению к языку факторы. Смена государственного строя, политические и экономические преобразования, новые социокультурные условия жизни могут привести к некоторым внутрисистемным изменениям.

Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов доказали, что язык органично связан с жизнью народа. «Язык принадлежит обществу; язык принадлежит людям как членам того или другого общества; язык в числе других элементов сам образует и поддерживает связи между членами общества, — писал Ф. Ф. Фортунатов, — язык с течением времени изменяется, язык имеет свою историю, но эту историю он имеет в обществе, т. е. как язык членов общественного союза, и этот общественный союз с течением времени изменяется сам, имеет свою историю» [Фортунатов 1898: 10].

В период бурных преобразований даже кодифицированный литературный язык подвергается серьезному воздействию экстралингвистических факторов настолько, что языковая норма становится неустойчивой, а способы речевой реализации задуманного неэффективны.

Вхождение в литературный язык новых элементов может быть и оправданным, и полезным, но в периоды социальных, культурных бурь и натисков мы сталкиваемся с их явной избыточностью, поскольку «языковой вкус эпохи», призванный быть неким фильтром, с этой ролью не справляется.

Утрачен высокий стиль, средний занял его место, а низкий, вульгарный стиль занял место среднего, традиционно являвшегося источником поступления в нормативный язык элементов его системы.

Перестройка принесла вседозволенность, речевая культура резко упала. Средства массовой информации буквально

захлестнул поток просторечных, жаргонных, а нередко — просто непристойных слов.

Вхождение огромного количества заимствованных слов привело к созданию сложной сети неопределенных терминов, которые постепенно вытесняют традиционные слова.

Постоянное развитие, изменение языка создает большие трудности для описания современной языковой нормы.

Правильность речи в первую очередь определяется соблюдением норм произносительных. Произносительная норма формируется и изменяется в рамках фонологической системы. Изменения в ней потенциально заложены. При этом важно подчеркнуть, что фонологическая система — это не только инвентарь фонем, но и определенные отношения, в которые они вступают, и функциональная нагрузка фонемы, и сочетаемость фонем, и закономерности их чередования.

Возникшая в XVIII веке вариантность произносительных норм была разрешена фонологической системой. Так, например, произнесение мягкого /s'/ петербуржцами и твердого /s/ москвичами в возвратных глаголах (*учусь* как /u'çus'/ и /u'çus/) возможно было потому, что в конце слов в русском языке может произноситься и /s'/, и /s/ (*ось* и *ос*).

При этом норма является дальнейшим ограничением возможностей системы. Норма живет в своих вариантах, они борются друг с другом, архетип сменяется неотипом. Еще недавно московский вариант с твердым /s/ был ведущим вариантом нормы /b'irus/, а сегодня ведущим стал петербургский /s'/ /b'irus'/, несмотря на то, что произношением управляет закон экономии произносительных усилий. Исходя из действия этого закона победить должен был бы московский вариант, т. к. мягкий согласный — маркированный и артикуляторно более сложный (дополнительный подъем средней части языка).

Аналогично обстоит дело и с выбором варианта произнесения прилагательных мужского рода единственного числа — *тихий*: /t'ix'ij/ — петербургский вариант, [t'ix'j] — московский. Победил вариант с мягким заднеязычным.

Вместе с тем, в позиции абсолютного конца слова мягкий /m'/ заменяется на твердый: произнесение слов *семь*, *восемь* как /s'em/, /vos'im/ уже не оценивается как отклонение от нормы.

Следует иметь в виду, что и в этом случае возникшая вариантность была разрешена системой: в конце слов в русском языке могут употребляться и твёрдый /m/, и мягкий /m'/, — *сом* /som/ и *впрямь* /fpr'am'/.

Интересны и процессы, происходящие в сочетаниях двух согласных, второй из которых мягкий. Московский вариант произношения требовал обязательного смягчения первого согласного, независимо от того, какие именно согласные входили в сочетание. Так, например, в словах *твёрдый, дверь, конфеты, ставки, снять* первый согласный должен быть мягким. В петербургском произношении — твёрдый. И в этом случае система разрешает обе возможности: *банки* /nk/ и *баньки* /n'k/. Современная норма в качестве ведущего, а в ряде случаев единственного варианта рекомендует вариант с первым твёрдым согласным: /dv'er'/, а не /d'v'er'/, /stafk'i/, а не /staf'k'i/. Обязательное произнесение первого мягкого согласного сохранилось только в тех случаях, когда оба согласных, входящих в сочетание, — переднеязычные: *степень* /s't'ep'in'/, *здесь* /z'd'es'/, *винтик* /v'in't'ik/, *венчик* /v'en' č'ik/, *бензин* /b'in'z'in/, *бантик* /ban't'ik/, *бандит* /ban'd'it/, *пенсия* /p'en's'ija/.

Можно предполагать, что определенную роль играет маркированность мягкого согласного.

Появление возможности произнесения твердого согласного перед гласным переднего ряда /e/ в заимствованных словах определяется, безусловно, тем, что в фонологической системе есть согласные, не имеющие соответствующих мягких и сочетающиеся с /e/. Это /š/, /ž/, /c/ — например, *шесть* /šest/, *жест* /žest/, *цех* /cex/.

При этом важно подчеркнуть, что противопоставление твердых согласных мягким, так широко реализуемое в русском языке, возникло именно перед гласным переднего ряда /e/. Появление минимальных пар типа *сэр* — *сер* /ser — s'er/, *мэр* — *мер* /mer — m'er/, *бэл* — *бел* /bel — b'el/ и других сделало возможным утверждение в качестве ведущего варианта нормы произнесение твердого согласного, например, *дельта* /del'ta/, *сервис* /serv'is/, *темн* /temp/ и т. д.

Хотелось бы обратить внимание на то, как тонко действует система. Ведь если проанализировать все заимствованные слова

с твердыми или мягкими согласными перед гласным переднего ряда /e/, то окажется, что в 80 % слов с переднеязычными — согласные твердые (имеющиеся в системе /š/, /ž/, /c/ — переднеязычные). Слов с твердыми губными и заднеязычными — всего 20 %. Здесь можно говорить не только о влиянии фонологической системы, но и о более глубоких факторах развития языка и времени смягчения групп согласных разных активных артикулирующих органов.

Действие закона экономии произносительных усилий приводит и к упрощению сочетаний согласных в конце слов: *звезда* произносится как /gvos'/, а не /gvos't'/, *жизнь* — /žys'/ а не /žyz'n'/, т. е. к изменению смысла слов это не ведет.

В тех же случаях, когда фонологическая система не защищает свои элементы, они подвергаются значительным изменениям. Так, отсутствие дифференциальных признаков у фонемы /j/ приводит в ряде случаев к ее исчезновению, аффрикат /č'/ и /c/ — к их замене на щелевые, отсутствие противопоставления по способу образования у фонемы /g/ — к ее замене на щелевой [ɣ].

Важно подчеркнуть, что есть особенности, которые объясняются факторами более высокого уровня, факторами морфонологическими. Исследование произношения сочетаний *чи* показывает, что произнесение /čn/ или /šn/ зависит именно от этих факторов. Так, в том случае, когда есть чередование *к//ч* — в 80 % случаев утвердилось произношение /čn/, в остальных — /šn/. Так, например, *булочная* и *москвичами*, и *петербуржцами* произносится как /bulačnaja/, а не /bulašnaja/, *яблочный* — как /jablačnyj/, а не /jablašnyj/, *порядочный* — как /par'adačnyj/, а не /par'adašnyj/ (*яблоко*, *булка*, *порядок*). В словах *горчичник*, *скворечник*, *яичница*, как и в словах *конечно*, *скудно*, *нарочно* сочетание *чи* произносится как /šn/.

При рассмотрении проблемы нормы и ее вариантов можно подчеркнуть необходимость различения нормы как внутриязыковой категории, присущей языку как системе, и нормы кодифицированной, являющейся результатом исследования нормы внутриязыковой и рекомендуемой как образцовой в словарях, справочниках и пособиях разного рода.

При описании нормы следует представлять два ее аспекта: орфоэпию, устанавливающую нормативный фонемный облик

слова, и орфофонию, занимающуюся нормативной реализацией фонем.

Так, решение вопроса о том, какой заднеязычный согласный — твердый или мягкий — следует произносить в слове *тихий* — /t'ix'ij/ или [t'ixʲ] — дело орфоэпии (для сторонников Щербовской фонологии), а определение качества гласных в первом и во втором предударных слогах в слове *потакать* [pʲɪtakatʲ], например — дело орфофонии.

Хотелось бы, чтобы в нормативных словарях были представлены оба аспекта нормы.

Говоря об основных чертах современного русского литературного произношения, нельзя не говорить о необходимости различения двух типов произнесения: полного и неполного [Бондарко, Вербицкая и др. 1973]. При полном типе произнесения определение фонемного состава слова не вызывает трудностей. Все фонемы четко артикулируются и соответственно воспринимаются слушающими. Так, например, как бы ни было произнесено слово *часы* — /čisy/, /č'esy/ или /č'asy/ — гласный 1-го предударного слога (/i/, /e/ или /a/) произнесен четко. При неполном типе произнесения определить фонемный состав слова трудно, а без применения экспериментальных методов исследования — невозможно. Каков, например, состав слов *добрая* и *доброе*? Только специальное исследование показало, что в заударной флексии 1-го и 2-го слов одни и те же аллофоны фонем — /ai/. По-видимому, невозможно представить себе текст, реализованный только в полном типе произнесения (это была бы совершенно неестественная речь), так же, как и целиком в неполном. Любой текст в зависимости от цели, конкретных обстоятельств реализации представляет собой сочетание полного и неполного типов произнесения, причем их процентное соотношение может быть очень разным.

Так, например, лекция студентам 1 курса, только начинающим проникать в сложный языковой материал, будет отличаться более высоким процентом наличия полного типа произнесения, чем спонтанная беседа с этими же студентами.

Если же попытаться рассмотреть взаимодействие стилей произношения и типов произнесения на фонетическом уровне, то, по-видимому, можно считать, что в полном (по Л. В. Щербе)

стиле больше реализаций полного типа произнесений, а в разговорном — неполного.

Как же с этой точки зрения ведет себя норма? Вероятно, следует различать норму кодифицированного литературного произношения (большой процент реализаций полного типа произнесения) и норму разговорной речи, речи спонтанной, не подготовленной заранее (большой процент реализаций неполного типа).

К сожалению, фонетические характеристики спонтанной речи изучены еще недостаточно.

В фонологической системе русского языка наметился ряд закономерностей, определенных внутренних перестроек, которые могут привести и к некоторым изменениям в норме. В противопоставлении твердых согласных мягким не все потенциальные возможности этой системы исчерпаны. Еще может произойти увеличение числа пар согласных, противопоставленных по твердости/мягкости, может увеличиться или уменьшиться число позиций, в которых это противопоставление реализуется. Процесс увеличения числа позиций, в которых твердые и мягкие дифференцируются, происходит в современном языке за счет расширения противопоставления твердых мягким перед гласным переднего ряда /e/.

Намечается дальнейшее ограничение в употреблении гласных в безударной позиции. Если до сих пор это ограничение касалось только двух фонем из 6 — /e/ и /o/, гласных среднего подъема, то в настоящее время наблюдается тенденция к ослаблению функциональной нагрузки /u/. В неполном типе произнесения часто происходит утрата противопоставления /u/ — /ы/ после твердых (произнесение *бюро* как /b'iró/, *разума* как [ráz'ma]). Следует отметить, что произношение это пока еще оценивается как просторечное.

Вероятно, в определенной связи с этим явлением стоит и распространение варианта /xód'at/ и даже /xód'it/ вместо широко распространенного в Москве еще 30 лет назад /xód'ut/.

Норма — это идеал, к которому должны стремиться все говорящие. От успешной реализации этого стремления зависит не только чистота русской речи, но и будущее равновесие звуковой системы языка.

Литература

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. и др. О типах произнесения и стилях произношения // Вопросы языкознания. 1973, № 3.

Фортунатов В. В. Сравнительное языкознание. Лекции, читаемые в 1895–1896 гг. М., 1898.

Н. С. Вербич (Киев)

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ЗВОНКИХ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ГЛУХИМИ В СЕРЕДИНЕ СЛОВА В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ

Среди фонологических оппозиций консонантной системы украинской диалектной речи доминирует корреляция по звонкости/глухости. Исследователи давно обратили внимание на возможность оглушения звонких не только перед следующим глухим, но и в позиции перед гласным или сонорным (вопреки нормативному украинскому литературному произношению) в украинских юго-западных говорах, что в частности подтвердил еще в 40-х гг. XIX века Я. Головацкий.

Современные диалектологи, основываясь на собственных исследованиях, анализе фонозаписей, текстотек, а также карт «Атласа украинского языка», определили ареалы ассимиляции по звонкости/глухости, охватывающие надсянские, лемковские, северо-западную часть бойковских, юго-западную часть закарпатских, подляские, холмские говоры; частичные изменения (в частности сохранение звонкости согласных в абсолютном конце слова) зафиксированы в гуцульских, западно-подольских, покутско-буковинских и вольнских говорах.

Большинство исследователей соотносят степень ассимиляции по глухости/звонкости не только с положением конкретного согласного в слове, но и с влиянием суперсегментных факторов (в первую очередь, темпа речи и ударения). Необходимо отметить, что утверждение о зависимости степени ассимиляции звонких в различных позициях от ускорения темпа речи часто звучит как общепринятая константа, не требующая проверки на материале конкретных говоров. Для определения влияния

интонационных и просодических факторов на степень оглушения звонких в середине слова (на стыке приставки и корня) перед глухим, то есть в наиболее сильной позиции для ассимиляции по глухости/звонкости, сравним записи диалектных текстов западноволынских и средненадднепровских говоров.

Результаты слухового анализа свидетельствуют об оглушении звонких перед глухими в позиции внутреннего сандхи в обоих говорах. При этом экспериментально-фонетический анализ показывает частичную ассимиляцию в средненадднепровском говоре со значительным преимуществом «полноценного» произношения звонкого перед следующим глухим. В речи носителей западноволынского говора большинство звонких перед глухими на стыке приставки и корня не просто частично изменяют свои качественные характеристики, а переходят в соответствующие глухие.

В результате анализа выявлены акустические признаки, позволяющие воспринимать различные варианты звонких перед глухими в средненадднепровском говоре. Установлена взаимосвязь между интонацией фразы и наличием/отсутствием ассимиляции. Определены позиции, в которых звонкие перед глухими на стыке приставки и корня не изменяются:

1. Звонкий перед глухим в начальных словах фразы/синтагмы. Интонационные рисунки проанализированных фраз указывают на усиление частотного и динамического компонентов в начале звуковых сегментов, что и определяет четкое произношение всех звуков.

2. Акцентируемые слова со звуко сочетанием звонкий+глухой независимо от их места во фразе.

3. Речевые сегменты, произнесенные в замедленном темпе.

Примечательно, что в речи представителей западноволынского говора ни расположение слова в сильной фразовой позиции, ни акцентное выделение лексемы, ни замедление темпа речи не влияет на сохранение качества звонкого перед глухим в позиции внутреннего сандхи.

Таким образом, в средненадднепровском говоре реализацию звонких согласных перед глухими в середине слова на стыке приставки и корня в значительной мере определяет фонетический контекст, то есть изменения в речи диалектоносителя

происходят не постоянно, а зависят от определенных условий (места слова во фразе, наличия/отсутствия акцентного выделения, изменения темпа). Этот фактор не является определяющим для речи носителей западноволынского говора: ассимилятивные процессы в указанной позиции не обусловлены фонетически контекстом.

И. А. Вежинова (Москва)

«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» В ОРФОЭПИИ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СМИ

Наметившийся в последней трети XX века научный интерес к произносительной составляющей телевизионной речи (далее — ТВР) как лингвистическому и культурному феномену вполне закономерен и объясняется положением СМИ в системе литературного языка, ТВР — в массмедиа и телевизионного произношения — в современной орфоэпической ситуации.

Теоретическое осмысление ТВР с позиций орфоэпии началось сравнительно недавно, хотя эмпирическое представление о ней сложилось ещё на рубеже 50-60-х годов XX века. Первый шаг на этом пути был ознаменован публикацией «Словаря ударений для работников радио и телевидения» Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарвы (1-е изд. — 1960; далее — СУ) и дополняющим его пособием «Произношение в радио- и телевизионной речи» М.В. Зарвы (1976), в которых был предложен вариант решения двух основополагающих вопросов. Первый касается границ ТВР: данная сфера бытования литературного языка, говоря словами М.В. Зарвы, включает в себя, с одной стороны, речь дикторов, с другой — «радио- и телекомментаторов, корреспондентов, репортёров, очеркистов, артистов — всех, кто выступает как представитель советского радиовещания и телевидения». Второй относится к содержанию орфоэпического медиастандарта: профессионально ориентированные (vs академические) словари полагают оптимальной для телерадиоэфира установку на единообразие, подразумевающую отказ от вариантов «как в плане хронологическом... так и в плане стилевом».

Этот принцип был принят как аксиома, никогда не подвергался проверке и не пересматривался.

Между тем все лингвисты, обращающиеся к телевизионной реальности, неизменно отмечают широкий спектр используемых в ней орфоэпических вариантов и несводимость их к кругу предписываемых СУ. Естественно, что этот факт — зазор между видением составителями СУ идеального произношения в условиях СМИ и реальной практикой работающих в эфире — нуждается в изучении. Специального внимания при этом требуют по крайней мере два вопроса, один из которых касается систематизации круга используемых вариантов, другой — анализа и осмысления причин гетерогенности орфоэпии ТВР. В ходе решения этих задач и воссоздания контуров целостной картины мы считали обязательным придерживаться следующих принципов.

1. Орфоэпический анализ должен строиться с учетом сложносоставности телевещания; отправной точкой логично считать разграничения, установленные в теории журналистики и базирующиеся на понятиях амплуа, жанр и т. п.

2. Необходимым условием адекватной интерпретации фактов является сопоставительное изучение текстов двух произносительных эпох. В противном случае недостижим ответ на вопросы: а) что является правильным и уместным, а что ошибочным, нежелательным, б) что признаётся традиционным, а что инновациями, в) что следует считать «своим», а что «чужим» в ТВР.

3. Эмпирический материал целесообразно представлять в системе нескольких координат, устанавливая тенденции реализации двух слагаемых нормы — кодифицированной и некодифицированной, а также каталогизируя «отрицательный материал». Формальный анализ, предусматривающий оценку употребляемых в эфире произнесений только сквозь призму предписаний СУ и квалифицирующий отступление от них как «чужое», не позволяет увидеть некоторые существенные свойства орфоэпии ТВР.

Исследование телереальности разных эпох заставляет размышлять над целесообразностью обсуждения и уточнения нормативных предписаний для СМИ. Представляется, что говорить о правильности, уместности (и наоборот) выбора конкретного варианта в ТВР без учета амплуа, жанра, формата и др. не вполне

корректно. Материал, отражающий реальное развитие ТВР, говорит о том, что орфоэпический медиастандарт далеко не элементарен и представлен разными моделями, а в наблюдаемой нетождественности произносительной стороны разных сегментов ТВР нет противоречия и конфликта.

Н. Б. Вольская, Т. В. Качковская (Санкт-Петербург)

ПРИНЦИПЫ ПРОСОДИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКИ В НОВОМ КОРПУСЕ РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ CORUSS¹

В данной работе представлено описание принципов просодической разметки в новом аннотированном корпусе спонтанной русской речи CoRuSS, созданном на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. Корпус включает студийные записи спонтанных диалогов с многоуровневой разметкой. Объем аннотированной части корпуса — 14 часов; в записи принимали участие 60 дикторов.

Уровень просодической разметки основан на орфографической расшифровке речи дикторов. Орфографическая расшифровка выполнялась вручную и включает сведения об ударении (символ «1» после гласного для основного/сильного ударения и «2» — для побочного/слабого ударения), паузах хезитаций («э-»), затяжках («:» после растягиваемого звука), неречевых явлениях (символ «9»), фальстартах и самокоррекциях («*» после прерванного слова или фразы).

Просодическая аннотация включает в себя членение на синтагмы, указание просодически выделенных слов и типа мелодического движения в интонационном центре (ИЦ); при этом допускаются синтагмы без интонационного центра — это, как правило, оборванные синтагмы.

Тип мелодического движения указывается перед лексическим словом, несущим синтагматическое ударение, по системе, предложенной Н. Б. Вольской [Volskaya, Skrelin 2009: 249–260].

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда: проект № 14-18-01352.

Система представляет собой расширенный и дополненный вариант системы интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика 1980] и состоит из 13 основных типов, для большинства из которых выделяется несколько подтипов. Для слов, несущих дополнительную просодическую выделенность, используется знак «[+]».

Основными отличиями от системы Е. А. Брызгуновой является ее большая степень подробности, предполагающая несколько вариантов реализации «классических» моделей. Так, для интонации завершенности с нисходящим движением тона выделяются 3 подтипа: 01 — очень глубокое падение, конец абзаца; 01a — глубокое падение, конец фразы; 01b — неглубокое падение с выравниванием тона в постцентральной части, подчеркивающие связь с последующей фразой.

Ряд частотных мелодических типов, предложенных Н. Б. Вольской, не был описан ранее в работах по русской интонации. Сюда относится особый тип интонации незавершенности с восходяще-нисходящим движением тона, в котором мелодический пик сдвинут на заударный слог (подтипы 11a и 11b) — интонация, широко распространенная в речи молодежи [Вольская 2013: 53–62]. Кроме того, в особую группу выделяются мелодические типы, характерные для комментариев или слов автора в прямой речи, которые произносятся на низком тональном уровне — как правило, с ровным тоном (тип 09a) или с небольшим понижением (09) или повышением тона (09b) в ИЦ. Еще один тип, не описанный ранее — ровный тон, использующийся при незавершенности, реализующийся как переход с высокого уровня в предупредительной части на средний уровень в интонационном центре (12a).

Предложенная система может быть также использована для просодической аннотации экспрессивной речи, где необходимо более детально обозначать характер движения тона в пределах акцентных групп предцентра: нисходящего — по типу ИК-2 и ее вариантов, восходящего — по типу ИК-3 и ее вариантов, ИК-4 либо низкого ровного тона.

Ниже приведен пример аннотации корпуса:

и они1 совершенно [+]маленькую [+]крошечную т* [11]
talkcy / э- / я1 уж не [09]по1мню ско1лько / ме1сяца три1 [09]
четы1ре е2й бы1ло / 9 / э- / во2т на1м [10]предложи1ли / и ка2к

то1лько во2т э1то [+]ма1ленькое э- [10]живо1тное во2т / то1лько
 [+]побежа1ло э- [11]по1 полу / с* э- и ста1ло всё1 круго1м [11]
 обно1хивать / ста1ло поня1тно что2 [10]всё1 / с м* с ней уже2
 не [12]расста1немся / [11]та1к / 9 / э- / та1к оно1 и [01b]слу-
 чи1лось¹//

Литература

Volskaya N. B., Skrelin P. A. «Prosodic model for Russian» // Proceedings of Nordic Prosody X. Helsinki: Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009, pp. 249–260.

Вольская Н. Б. Конфликт поколений в зеркале русской интонации // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики. Сборник к юбилею О. Ф. Кривновой, Москва, 2013. с. 53–62.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980.

О. М. Горбачёва, Н. А. Любимова (Санкт-Петербург)

ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЭМОЦИИ УДИВЛЕНИЕ В ОБЩЕМ И СПЕЦИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Удивление, будучи универсальной эмоцией, в различных языках имеет специфические способы интонационного оформления, которые могут быть установлены путем фонетического эксперимента по выявлению вариативности интонационного оформления эмоции *удивление* носителями языка в высказываниях различной коммуникативной направленности.

Обработка данных фонетического эксперимента проводилась по двум направлениям.

- I. Слуховой фонетический анализ экспериментатора: 1) выявление акцентов, сделанных испытуемыми в нейтральных и эмотивных высказываниях; 2) коннотаций эмоции *удивление*; 3) различных стадий возникновения и развития эмоции *удивление*.

¹ 11 — незавершенность по типу ИК-3, 12 — незавершенность по типу ИК-6; 10 — нисходящее движение при сочинительной связи

II. Компьютерная обработка данных заключалась в анализе:

- 1) изменения частоты основного тона ударного гласного слова-акцента¹ и ударного гласного конечного слова синтагмы (далее — ЧОТ);
- 2) изменения уровня интенсивности ударного гласного слова-акцента и ударного гласного конечного слова синтагмы;
- 3) изменения длительности ударного гласного слова-акцента и ударного гласного конечного слова синтагмы;
- 4) Направления движения основного тона голоса в синтагме.

Полученные данные позволяют выявить основные изменения интонационного оформления предложения, маркирующие удивление.

Специальный вопрос (*Очутившись в крытом брезентом кузове, фельдшер удивился: куда он попал?*)

Значимые изменения параметров: 1) увеличение длительности ударного гласного слова-акцента; 2) понижение показателей ЧОТ ударного гласного слова-акцента и повышение показателей ЧОТ ударного гласного конечного слова синтагмы.

Мелодическое оформление: слово-акцент имеет относительно ровный тон произнесения, регистр — средний. Конечное слово синтагмы в эмоциональных реализациях характеризуется ровным тоном произнесения в среднем регистре. При этом в отличие от нейтральных реализаций, не наблюдается значительное понижение основного тона голоса на конечном слове синтагмы по сравнению со словом-акцентом.

Общий вопрос (*Он пришел с Вами? — удивился Степан*)

Значимые изменения показателей: 1) увеличение длительности ударного гласного слова-акцента и конечного слова синтагмы; 2) показатели ЧОТ слова-акцента в зависимости от его места в синтагме.

Мелодическое оформление: 1) Слово-акцент находится в начале или середине синтагмы: значимых изменений мелодического рисунка не обнаружено, конечное слово синтагмы, значимое для оформления удивления, характеризуется нисходящим тоном голоса.

¹ Под словом-акцентом понимается интонационно выделенное слово синтагмы

2) Слово-акцент совпадает с конечным словом синтагмы: ровный тон голоса на ударном гласном, восходящий тон на заударных гласных с последующим падением основного тона.

Таким образом, значимыми для оформления эмоции *удивление* являются показатели ЧОТ и длительности ударных гласных слова-акцента и конечного слова синтагмы, а также направление движения основного тона в синтагме. Показатели интенсивности не выявили значимых для разграничения нейтральных и эмоциональных высказываний изменений.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов (Махачкала)

К ГЕНЕЗИСУ ШЕПЕЛЯВЫХ СОГЛАСНЫХ <с''> И <з''> В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Мягкие шепелявые согласные фонемы <с''> и <з''> (однофусные, с артикуляцией, смещенной в сторону альвеол) отмечаются главным образом в северо-западной части среднерусских говоров вокруг Пскова и Великих Лук, южнее в узкой полосе на границе с белорусским языком. Считаются принадлежащими исконно нерусскому, но затем обрусевшему населению, результатом действия языкового субстрата — балтийского (латышского) и финно-угорского (эстонского). Говоры с шепелявыми <с''>, <з''> представлены и в других местах, где наблюдалось в прошлом (а частью имеет место и теперь) соприкосновение с иноязычным населением (например, на Средней Волге). Здесь соответствующие звуки известны в мари́йских диалектах и мордовских языках.

Иной генезис имеет аналогичное шепелявое произношение <с''> и <з''> в Рязанской Мещере, где под воздействием мигрировавших сюда носителей средневековых тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана разовьется также цоканье, аналогично в территориально смежных воронежских говорах и на Дону. Оно, особенно в последнем регионе, могло быть обусловлено опосредованным воздействием древнебулгарских (до IX в.) диалектов, на основе которых сформировалась речь ареально смежной с ним болгарской по происхождению

половецкой группировки Бурчевичей (Шаруканидов), известной здесь с XII века.

Речь идет о первоначально аффицированных позднепатрурских смычных типа современных русских ть [тс'] и дь [дз']. Они были известны древнебулгарскому языку до прихода предков чувашей-булгар на Волгу в IX веке, когда в их языке еще сохранялись восходившие к данным согласным соответствующие свистяще-шипящие +č и +ž. При этом появление носителей булгарских диалектов было обусловлено их продвижением с вышеупомянутой территории Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в ареалы, территориально смежные с областью распространения (поздне)праславянских диалектов — Восточную Европу.

На их пребывание в рассматриваемых пределах указывает общность ойконимики соответствующего региона, которая является наследием булгарских племен, представленных в прошлом на пространстве от Крыма до Дербентского (Каспийского) прохода еще в эпоху Хазарского каганата. В ее состав входит ряд топонимов, представленных, в частности, в области распространения Салтово-Маяцкой культуры (середина VIII — начало X вв.). Она охватывала степное Подонье, Приазовье, Тамань, Восточный Крым, Нижнее Поволжье и Прикаспийский Дагестан. К их числу относится также наименования реки Вороны и расположенного на ней города Воронежа, в ареале местных говоров которых представлены (см. выше) рассматриваемые звуки.

К. И. Долотин (Москва)

АНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИСКУРСА

Актуальность разработок параметрических методов анализа дискурса обусловлена особым интересом теоретического языкознания к изучению механизмов речевого взаимодействия людей в естественных условиях конкретного дискурса. В прикладном языкознании эти разработки связаны с определением средств устранения перегрузок у участников дискурса, из-за которых нарушается стационарность его процесса.

Проблемы, которые возникают при этом, связаны с выбором параметров речевых сигналов, которые могут служить в качестве динамических объектов в выбранной модели дискурса.

Концептуально предполагается, что механизм речевой коммуникации между участниками дискурса связан с интенсивностью входного трафика («пакетов, передаваемых данных») и интенсивностью потока его обслуживания диктором (говорящим), а также с последующим разветвлением этого потока между остальными участниками дискурса аудиторами (слушающими).

Допускается, что среднестатистические величины параметров входного трафика у дикторов включают: 1) временные интервалы поступления «пакетов данных» — T_i , отражающих процесс эмоциональной регуляции механизма речепроизводства, и 2) время обслуживания этих «пакетов» — t_2 . В первом приближении эти величины могут быть определены по временным характеристикам квазисегментной структуры речевого сигнала диктора (подробнее см. [Бархударова, Долотин 2013]).

В статье исследована аналитическая модель дискурса, который проходил в рамках обсуждения фильма режиссера К. Лопушанского «Гадкие лебеди». В дискурсе участвовали 16 человек. Среди них были критики, поэт, философ, психолог, космонавт, футуролог, культуролог, режиссер, продюсер. Каждый участник дискурса был представлен в нем в двух ипостасях: диктором, «передатчиком» входного трафика, обусловленного внешними и внутренними факторами речепроизводства, и аудитором, «приемником» трафика, поступающего от диктора.

Ниже приведен пример параметрического анализа дискурса, который был проведен на основе аналитического метода моделирования сетей массового обслуживания запросов (СеМО). В частности, была применена топология графа для разомкнутой сети массового обслуживания (РСеМО) с шестнадцатью узлами S_i (где $i = 1, 2, 3 \dots 16$) (по количеству участников дискурса), объединенных векторами связи (см. рис. 1).

Расчет узловых и сетевых характеристик модели проводился для стационарного режима функционирования сети, который можно представить, например, следующим образом: на вход узла сети S_1 , который обозначает диктора № 1, поступает входной трафик. Этот поток с интенсивностью λ_0 обрабатывается

первым диктором и далее распределяется по входам остальных пятнадцати узлов S_i (где $i = 2$ -й, 3-й....16-й аудиторы) и выходу из сети. Интенсивность входного трафика первого диктора определяется по среднестатистической величине периодов импульсов квазисегментной структуры его речевого сигнала — T_i (секунд):

$$\lambda_{o1} = 1 / T_1 \text{ (1/сек)} \quad (1)$$

Интенсивность обработки этого трафика первым диктором определяется формулой:

$$\lambda_1 = \lambda_{o1} / p_{10} \quad (2)$$

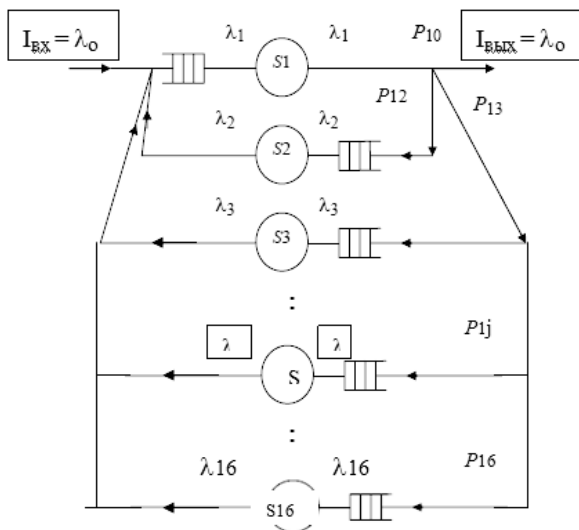

Рис. 1.
Сетевая модель дискурса (стационарный режим)

Как видно из рисунка 1 для первого блока модели дискурса интенсивность потока обработки λ_1 входного трафика (λ_{o1}) для первого диктора распределяется между входами узлов ($S_2, S_3...$

S16, аудиторы) в соответствии с матрицей вероятностей переходов потока λ_i между всеми парами узлов (подробнее см. [Долотин, Красных 2014]).

Подобным же образом распределяются потоки обслуживания входных трафиков λ_{oi} для дикторов с номерами $i = 2, 3 \dots 16$:

$$\lambda_j = p_{ij} * \lambda_i, \quad (3)$$

где i — номер диктора (говорящего), узла-передатчика (S_i), j — номер аудитора (слушающего), узла-приемника (S_j), p_{ij} — вероятность перехода «пакетов» с выхода узла-передатчика S_i на вход узлов-приемников S_j (при этом $i \neq j$).

Расчетные данные узловых и сетевых характеристик модели дискурса позволили определить «узкие места» РСемо, то есть те ее узлы, в которых возникает перегрузка, когда при небольшом увеличении интенсивности входного трафика длина очереди «пакетов», ожидающих обслуживания в этих узлах, увеличивается до бесконечности, что приводит к нестационарному режиму работы сетевой модели дискурса. Был предложен ряд мер для исправления такой ситуации. Например, необходимо понизить приоритет дисциплины обслуживания входного трафика для этих узлов, уменьшить его интенсивность или блокировать соответствующего участника дискурса.

Литература

Бархударова Е.Л., Долотин К.И. К проблеме изучения русской звучащей речи в лингводидактическом аспекте // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей. Вып. 47. М., 2013. С. 45–57.

Долотин К.И., Красных В.В. Экспериментальные исследования дискурса: анализ информационных характеристик и психолингвистическое портретирование. Часть I. Анализ информационных характеристик дискурса // Stephanos: мультиязычный научный журнал. Электронный проект филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2014. № 4. С. 45–60.

О МУРОМСКОМ ЁКАНЬЕ

В докладе будет рассмотрено явление ёканья в восточном среднерусском говоре деревень Татарово, Ожигово и Нула Муромского р-на Владимирской обл.: этимологические и фонетические позиции произношения [о] в 1-м предударном слоге после мягких и шипящих согласных; условия, ограничивающие ёканье; степень сохранности ёканья в зависимости от социальных характеристик говорящих. Материалом послужили полные подборки примеров, содержащих [о] и [е] в 1-м предударном слоге, из записей речи четырёх местных жителей 1921–1939 гг. р. (экспедиция 2014 г.).

1. Ёканьем называют произношение [о] в безударных слогах после мягких согласных и после твердых шипящих, обычно перед твердыми согласными и на конце слова, встречающееся в севернорусских говорах и в среднерусских говорах с неполным оканьем (*н'осла́, з'орновóйю, б'одá, жонá* и под.). Позиции такого произношения и его регулярность в говорах не одинаковы. Во многих среднерусских говорах, в частности в муромских, ёканье представлено в 1-м предударном слоге на месте *е, *ь, *ё перед твердыми согласными: *с'остра́, в'орну́т, б'одá*, однако в этих позициях [о] варьирует с [е]. Муромское ёканье равномерно затронуло *е, *ь и *ё и свидетельствует о старом неразличении этих гласных в предударной позиции. По данным ДАРЯ, предударное среднерусское ёканье отличается регулярностью [ДАРЯ I, карты 3, 4; Захарова 1981: 39], в отличие от севернорусского, что объясняется различной ритмической структурой слова в говорах [Высотский 1977: 29–31].

2. При известных морфологических и фонетических условиях ёканье в русских говорах отсутствует: в частице *не* (в Татарове *н'е на́ды, н'е зна́йу*), предлогах и приставках *без, перед, через* (*н'ир'едва́м'и, о́къл н'ир'ехо́т, б'ес са́хъру, б'ездóмны, ч'ир'ездва́*); в корнях структуры *тыт с твердым губным или заднеязычным ауслаутом (*св'ерка́ит, фп'ервóйе, с'ерпóм, с'ерпы́*, им. мн. *в'ерха́*, но в двух примерах ёканье: *св'орка́ет, зьм'орклó*); в корнях структуры *тыт с твердым дентальным ауслаутом ёканье вполне регулярно (*зьм'орза́йу, пьм'орла́, н'ир'в'орну́, д'оржа́л'и*

наряду с *зѣд'ержѣлса* и под.). В говоре ёканья нет в корнях итеративов типа — *берать* (*нѣб'ерѣйу, уд'ерѣт', зѣн'ерѣимсѣ, ус'т'елѣит*).

3. Муромское ёканье, помимо исконной лексики, охватывает старейшие заимствования — имена собственные церковнославянского происхождения (*Йогѣор'ий, П'отрѣ, П'отрѣв д'ен', Ст'опѣн* и *Л'ексѣандр, Йегѣор'ий*). Говор обнаруживает тонкую дифференциацию традиционных употреблений этой лексики — личных имен, названий церковных праздников, в которых ёканье представлено вполне последовательно, — и сравнительно недавно вошедших в употребление слов, содержащих церковнославянские по происхождению морфемы: фамилий, названий отдаленных городов, им ёканье не свойственно (*Дн'епрѣн'етрѣфск*). Ёканье отсутствует в заимствованиях из западноевропейских языков: *нѣп'ерѣцѣйу, ф'ид'ерѣл'нѣя, ар'естѣнтѣф, д'ил'егѣтка, д'ежур'ный, м'едѣл'и, г'ерѣи, из ыл'ектрѣдѣ, т'ерѣскѣ*; в исконных морфемах в составе поздних образований: *д'едѣом*; в ругательствах: *х'ерѣв'инѣ, хр'енѣч'ут* и под.

4. Твердые шипящие ведут себя в отношении ёканья как мягкие согласные: ёканье регулярно после твердых шипящих (*т'ижѣлѣ, жѣнѣ*, но и тв. ед. *шѣстѣм*), ср. наблюдение К. Ф. Захаровой о том, что в русских говорах после твердых шипящих ёканье гораздо более последовательно, чем после парных мягких [Захарова 1984]; ёканье отсутствует перед *ж, ш* (*м'ешѣл, п'ешѣм, п'ешѣч'към, б'ир'ежѣт, м'ешѣк, -иѣи, йежѣй, -ѣ, рѣзр'ешѣл*). Исключением является глагол *лежать* (*л'ожѣ, -ѣт, -ѣт, -ѣла, -ѣч'им* и *л'ежѣ, -ѣла*): ёканье объясняется выравниванием фонемного состава корня по *л'ок, л'оглѣ/л'еглѣ* (ср. *л'ажѣицѣ, с'ад'ицѣ* по аналогии с *ѣду, л'ѣгу*; однако *лѣжѣт', садѣт'*).

5. Ёканье практически не имеет морфонологических, в том числе связанных с акцентными типами слов, или морфологических ограничений, вопреки [Захарова 1984], о чем говорит состав словоформ и лексем с ёканьем. *е: род. -ч'ѣвѣ, йѣвѣ, н'ѣвѣ, дат. йѣмѣ, с'ѣвѣдн'е, жѣнѣ, -ѣи, с'ѣстрѣ, род. -ѣи, вин. -ѣ, л'ѣб'ѣдѣ, -ѣи, им. мн. б'ир'ѣгѣ, род. м'ѣтѣ, м'ѣдѣваи, къл'ѣсѣ, б'ѣдрѣ, ч'ѣтѣр'и, ч'ижѣлѣ, фч'ѣрѣ, н'ѣдѣл'ѣкѣ, -б'ѣрѣ, -ѣт,

сѣб'орѹцѣ, д'орѹцѣ, -гр'облѣ, -в'озѹ, -ѹт, -ла, -н'осѹ, -лѣ, -лѡ, м'олѣ, -в'олѣ, -п'окѹ, -ла, т'окѹт, -л'оглѣ, б'ир'огѹ, -лѣ, йолѡжу, -з'ила, -ит', нѣч'овѣт', -ѣлѣ, вѣйовѣл'и, л'ожѹ, -ѹт, -ѣт, -ѣлѣ, -ѣл'и, -ѣч'им, выл'отѣй, -ѣѹт, -ѣла, м'отѣт', пѣдм'отѣйет, -ѣт', от'окѣѹт, выгр'обѣт', -ѣлѣ; *ѣ: бр'овнѡ, с в'отлы, т'омнѡ, пѣм'орлѣ, п'ир'в'орнѹ, зѣм'орклѡ, св'оркаѣт, д'оржѣл'и, зѣм'орзѣѹ, -ѣим; *ѣ: йодѣ, в л'осѹ, п'осѡк, -скѹ, -сѡчкѣм, б'огѡм, в'одрѡ, -ѣ, сл'опѣѣа, дв'онѣц коп'ѣик, б'огѹ, утр'озѣй, уб'огѣл'и, ндѣйодѣит, усп'овѣлѣ, -д'овѣт', уд'овѣн'иѣѣ. Явления морфонологизации в системе муромского ёканья: отсутствие перед [ж], [ш] и последовательный характер после [ж], [ш] — свидетельствуют о консервации в этих позициях состояния до отвердения шипящих. Инновационные явления лексикализации и морфологизации сводятся к ёканью в корне глагола *лежать* и в окончании тв. п. формы *тр'ом'и*.

6. В Татарове, Нуле и Ожигове ёканье свойственно речи людей 1920–30-х гг. р., однако и у них в позиции ёканья встречается как [о] (182 примера), так и [е] (190 примеров). В речи родившихся в конце 1940-х гг. и позже ёканье отсутствует: на месте *е, *ѣ, *ѣ представлен [е] в 1-м предударном слоге как перед мягкими, так и перед твердыми согласными. Процент примеров с [о] в позиции ёканья зависит от возраста (в речи информантки 1921 г. р. 74,7% примеров с [о], в речи информантки 1936 г. р. — 39,1%) и уровня образования. Информантка 1925 г. р., бывшая учительница начальных классов, обнаружила литературно-диалектное двуязычие — процент форм с ёканьем в её речи зависел от типа опроса и ее установки на «грамотность» речи: в одном разговоре у нее обнаружилось 55,2% форм с ёканьем, в другом — лишь 33,3%.

Литература

Высотский С. С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 24–38.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Захарова К. Ф. К вопросу о ёканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ «ЭТЮДЫ» РУССКОГО И НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОВ

В докладе представлены наиболее значимые признаки двух фонетико-фонологических систем русского и новогреческого языков путем их сопоставления и выявления общих и различительных свойств: категории твердости-мягкости согласных и глухости-звонкости, а также особенности ударения. Используется сопоставительный метод как наиболее эффективный по сравнению с имитационным и артикуляционным [Вагнер 2001] на том основании, что в родном языке имеются эквивалентные и близкие к русским звуки. При сопоставительном анализе учитывается и методика национально-языковой ориентации обучения.

Отбор материала основан на многолетнем преподавании русского языка как иностранного (а также теоретических славянских курсов) греческим студентам **нефилологического** факультета и анализе ошибок, допускаемых ими.

А. Твердость-мягкость в русском и новогреческом языках

1. Общие признаки. Наличие мягких согласных в двух фонетических системах: палатализованных в русской и палатальных в новогреческой.

2. Различительные признаки:

2.1. На фонетическом уровне

— *В русском:* четкое противопоставление палатализованных–непалатализованных звуков, выделение 15 пар согласных по твердости-мягкости (например, [т — т'], [м — м'], [с — с'] и др.);

— *В греческом:* отсутствие четкого противопоставления согласных по наличию — отсутствию палатализации: наличие в позиции перед гласными переднего ряда [i], [e] согласных, произносимых как средние звуки между палатализованными и веларизованными, например: [t'] τίγρης ‘тигр’, τίτλος ‘заглавие’, τηλέφωνο [t] ‘телефон’, τετράδιο [t'] ‘тетрадь’, δάκτυλο ‘палец’, [s'] σήμερα [s] ‘сегодня’, ср.: τόνοϛ ‘ударение’, ταμείο ‘касса’, τοῦρτα ‘торт’).

Наличие в греческом языке в положении перед *ι* [i] позиционного смягчения звуков *λ, ν, κ*, называемых греческими лингвистами палатальными [Петроῦνιας Ε 2002: 461]: *μαλλιά* ‘волосы’, *χρόνος* ‘время’, *κίβλας* ‘ужё’.

2.2. На фонологическом уровне

— *В русском*: наличие коррелятивных пар по твердости-мягкости, в которых палатализованные и непалатализованные фонемы выполняют смыслоразличительную функцию (*/с/–/с’/* *суда-сюда*, */л/–/л’/* *лук-люк*, */с/–/с’/* *вес-весь*, */т/–/т’/* *мат-мать*, */н/–/н’/* *кон-конь* и др.).

— *В греческом*: отсутствие коррелятивных пар по твердости-мягкости, различающихся конечными согласными (типа русских *вес-весь*), поскольку позиция конца слова в греческом консонантизме является слабой.

Б. Глухость-звонкость в двух системах

1. Общие признаки двух фонетических систем:

1.1. Наличие глухих и звонких звуков в двух языках, составляющих пары по глухости-звонкости: в русском 11 пар (например, [т] — [д] *там — дам*, [с] — [з] *суп-зуб* и др.; в греческом 10 пар (например, [φ] — [β] *φέρω ‘несу’– βάφω ‘крашу’*, [χ] — [γ] *χώρος ‘место, территория’*, *γόνατο ‘колено’* и др.).

1.2. Наличие ассимиляции по глухости-звонкости разных видов по характеру и направлению (см. ниже таблицу).

2. Различительные признаки:

2.1. *В русском*: наличие оглушения звуков в конце слова (ду[п], го[т], ро[с]);

2.2. *В греческом*: отсутствие оглушения в конце слова. В греческом языке на конце слова может быть только один глухой согласный [с/ς] или сонорный [ν] (*άνθρωπος ‘человек’*, *κόσμος ‘мир’*, *χρόνος ‘год, время’*, *τον ‘его’* и др.). Позиция конца слова является слабой по глухости-звонкости (Τσέχος [f] ‘Чехов’, Γκορμλάτσεφ [f] ‘Горбачёв’, Σολόχοφ [f] ‘Шолохов’).

2.3. *В русском*: наличие ассимиляции согласных по твердости-мягкости.

В греческом: отсутствие ассимиляции согласных по твердости-мягкости.

В. Основное ударение русского и греческого языков

Пожалуй, ни одна область русского языка не вызывает сегодня столько ожесточенных споров, недоумений и колебаний, сколько ударение. «...русская акцентология составляет особо запутанный клубок противоречий, порождающий неопределенность <...> при установлении нормы [Костомаров 2013: 43]. Причиной этому являются два фактора: а) сложный характер русского ударения и разнообразие форм словоизменений/словообразований; б) отсутствие самого знака ударения особенно для греков при изучении РКИ. Указанные два фактора значительно усложняют чтение и русское произношение и создают большие трудности, а, следовательно, и изучение русского языка. Сопоставительный анализ, нацеленный на методику национально-языковой ориентации обучения, значительно облегчает осмысленное (не механическое) понимание специфики изучаемого материала и языка в целом.

1. Общие признаки ударения в двух языках

1.1. Слово может состоять из одного или несколько слогов. Как правило, один слог в слове ударный, остальные безударные:

— в русском языке: *со́лнце, вода́, колесо́*;

— в греческом языке: *μέρα* 'день', *γραμματική* 'грамматика', *στοματολογία* 'стоматология'.

1.2. Ударными являются только гласные, выполняющие слоγοобразующую функцию:

— в русском языке: *сто́л, мо́ре, Росси́я, оши́бка*;

— в греческом языке: *γίος* 'сын', *χρόνος* 'время', *διάλογος* 'диалог', *κορυφαίος* 'корифей'. *Согласные, включая звонкие и сонорные, слогов не составляют.*

1.3. Ударение может падать на любую морфему слова: корень, приставку суффикс, окончание:

— в русском языке: *дорОга, вЫдать, совремЕнный, странА*;

— в греческом языке: *ήλιος* 'солнце', *άβυθος* 'неглубокий', *αγορασμένος* 'купленный', *ρωτώ* 'спрашиваю'.

1.4. Подвижность ударения при словообразовании и формообразовании — свойство обоих языков:

— В русском: *моло́дость — моло́же — молодóй, круг — кру́жить — круговóй, дере́во — дере́вья — деревя́нный — дере́вень, го́ловы — голо́вка — головно́й*;

- В новогреческом: *ἔρευνα* ‘исследование’ *ερευνάω* ‘исследовать’ *ερευνητικός* ‘исследовательский’, *άνθος* ‘цветок’ *ανθίζω* ‘цвести’ *ανθηρός* ‘цветущий’, *γράμμα* ‘письмо’ *γραμμένος* ‘записанный’ *γραμματική* ‘грамматика’, *άνθρωπος* ‘человек’ *ανθρώπων* ‘людей’ *ανθρώπινος* ‘человеческий’ *ανθρωπιά* ‘хороший тон, вежливость’ *ανθρωπισμός* ‘человечность’.

1.5. Смыслоразличительная функция ударения:

- В русском: омонимы-омографы — *бёлки* — *белки́*, *átлас* — *атлáс*, *óрган* — *оргáн*, *záмок* — *замóк*, *мо́ю* — *мою́*, *плáчу* — *плачу́*;

омонимы-омофоны — *орёл* — *Орёл*;

- В греческом: омонимы — омографы — *χάλια* ‘плохо’ — *χαλιά* ‘ковры’, *χώρια* ‘врозь, раздельно’ — *χωριά* ‘сёла’, *νόμος* ‘закон’ — *νομός* ‘область’, *άλλα* ‘другие’ — *αλλά* ‘но’, *γέρος* ‘старик’ — *γερός* ‘сильный’;

омонимы-омофоны: *ειρήνη* ‘мир’ — *Ειρήνη* ‘Ирина’ (имя), *κλείνω* ‘закрываю’ — *κλίνω* ‘склоняю, спрягаю’, *μῖλο* ‘яблоко’ — *μιλώ* ‘говорить’, *πόλη* ‘город’ — *πολύ* ‘очень’, *αδερφή* ‘сестра’ — *αδερφοί* ‘братья’;

1.6. Наличие второстепенного, дополнительного ударения наряду с главным **в сложных словах**:

- В русском: *мáшинностроéние*, *дéревообрабáтывающий*, *ра́диопереда́ча*, *жéртвоприношéние*;

- В греческом: *άνθρωπολατρ(ε)ία* ‘обожествление, обоготворение человека’, *κίνηματογραφία* ‘кинематография’, *κίτροπαράγωγός* ‘производящий цитрусовые’.

2. Отличительные признаки ударения русского и новогреческого языков

1. В русском: отсчет слогов идёт от начала слова (слева — направо).

В греческом: отсчет слогов идет от конца слова (справа — налево) и различают первый слог от конца — *λήγουσα* (*νε-ρό* ‘вода’, *μι-κρός* ‘маленький’) второй слог от конца слова — *παραλήγουσα* (*λε-μό-νι* ‘лимон’, *με-γά-λος* ‘большой’), третий слог от конца слова — *προπαραλήγουσα* (*ор-γά-νω-ση* ‘организация’, *όρ-θι-ος* ‘прямой, ровный’);.

2. В русском: центральной частью слова является ударный слог (*мо́ре, уда́рение, голо́ва*). Точкой отсчета является ударный слог по отношению к безударным.

В греческом: не выделяется центральная часть слова, ударными могут быть только три последних слога (*παιδαγωγική* 'педагогический', *γλωσσολόγος* 'языковед', *θάλασσα* 'море');

3. В русском: выделяя центр слова, различаются предударные слоги и заударные (*у-чи́-тель*, центр слова *-чи́-*, предударный слог *у-*, заударный *-тель*)

В греческом: нет различения предударных и заударных слогов.

4. В русском: ударение свободное (нефиксированное), не закрепленное за определенным слогом слова и определенной морфемой (*пе́сня, докла́д, молоко́, энциклопе́дия, энциклоае́диче-ский; го́вор, говорли́вый, говори́ть, за́говор*);

В греческом: ударение фиксированное, закреплено за одним из трех последних слогов: действует закон трехслоговости (*νόμος τρισύλλαβίας*), заключающийся в том, что ударение может падать на одном из трёх последних слогов (*χειρουργός* 'хирург', *χρόνος* 'время', *διάλογος* 'диалог'). Исключений нет.

5. В русском: ударение подвижное, свободное, следовательно, ударным может быть и третий, и четвёртый и т. д. слог (*по́зд-но, отчи́зна, молодё́ц, повествова́ние*).

В греческом: подвижность строго ограничена в пределах последних трех слогов. Закон трехслоговости не нарушается даже в тех случаях, когда к существительному добавляется к концу слова еще один слог, представляющий притяжательное местоимение (*мой, твой, его, наши, ваши, их*); тогда добавляется дополнительно ударение на окончании существительного, т. е. появляется вторичное ударение (не совпадающее с дополнительным) перед указанными местоимениями (*τοῦ οἴα-τι-ο* 'дом', но: *τοῦ οἴα-τι-οῦ* 'мой дом', *ταῦρά-τι-α* 'буквы', но: *ταῦρά-τι-α-τῶν* 'его буквы').

6. В русском: отсутствует письменное обозначение ударения (кроме смысловоразличительной его функции: *орган — орга́н*), что создает большое количество ошибок.

В греческом: знак ударения является необходимым правилом греческого языка.

Фонетические процессы в области согласных русского и греческого языков (сопоставительный обзор)

Φωνητικά πάθη των συμφώνων της ρωσικής και ελληνικής γλώσσας
(αντιπαραθετική επισκόπηση)

Русский	Новогреческий
1) оглушение дубы — ду[п] кода — ко[т] берега — бере[к] глаза — гла[с] ножи — но[ш] дрова — дро[ф]	1) нет оглушения , т.к. греческие слова оканчиваются только на глухой -ς (σίγμα) и на сонорный [v]. В заимствованной из русского языка лексике конечные звонкие согласные передаются глухими: Чехов — Τσέχοφ
2) регрессивная ассимиляция по глухости, регрессивная, неполная (частичная), контактная: в столе — [ф с]толé впереди — [фп]ереди в среду — [ф с]реду всё — [фс]ё сказать — скá[с]ка лодочка — лó[т]ка ложечка — лó[шк]а травá — тра[ф]ка прóбный — прó[п]ка под домо́м — по[т к]ни́гой во́зить — ве[с]ти́ рады́ — ра[т с]ка́зать	2) регрессивная ассимиляция по глухости: ναύτης [naftis] моряк αυτή [afti] она
3) регрессивная ассимиляция по звонкости, неполная, контактная: просить — прó[з']ба сватать — свá[д']ба [з'д']éлать, [зд]áть, [зб]рóсить, [зб]и́ть в заимствованиях: экзамен [эигzáм'ьн] рюкзак [р'угзák] футбол [фудбóл] ноутбук [ноодбук]	3) регрессивная ассимиляция по звонкости, неполная, контактная: αυγή [avgi] заря αυλή [avli] двор 4) прогрессивная ассимиляция по звонкости: Τρίτη — την Τρίτη [tindriti] во вторник κήπος — τον κήπο [tongipo] в саду τοιχο — τον τοίχο [tondixo] стену (в.п.) ψαράς — τον ψάρα [tonbzaga] рыбака ξένος — τον ξένο [tongzéno] иностранцу πατέρα — τον πατέρα [tonpetera] отца 5) регрессивная ассимиляция по звонкости [s>z] κόσμος [kozmos] мир διάβασμα чтение, σβούρα юла, σβύνω гасить τους μπαμπάδες попов, τις ντομάτες помидоров

Русский	Новогреческий
4) регрессивная ассимиляция по мягкости αφομοίωση με αηχολοίηση рост — ра[с'т']й не[с'т']й, про[с'т']й, пё[с'н']я	аналогичной ассимиляции нет и не может быть
5) ассимиляция по твердости αφομοίωση με σκληρότητα ко[н'] — ко[нс]кий декаб[р'] — декаб[рс]кий	аналогичной ассимиляции нет и не может быть
6) ассимиляция по месту образования αφομοίωση με τόπο άρθρωσης шить — сшить [ш'ит'], жечь — разжечь [р'ажэч']	Есть контаминация типа: s + z > z 'συν + ζητώ' > συζητώ s + x > [nx] συν + χαίρω > συγχαίρω
7) ассимиляция по способу образования αφομοίωση με τρόπο άρθρωσης чистить — подчистить [плч'йс'т'ит'] число — отчислить [л'ч'йс'л'ит']	
8) гаплогогия знаменоносец — знаменосец морфофонема — морфонема	

Литература

Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоязычным и франкоязычным на основе межъязыкового сопоставительного анализа. М., 2001. С. 24.

Πετρούνιας Ε. Νεοελληνική γραμματική και συγκριτική («антиπαραθετική») ανάλυς η. Τόμος Α'. Φωνητική και εισαγωγή στη φωνολογία. Μέρος Α': Θεωρία. Ζήτη. Θεσσαλονίκη. 2002. 461.

Костомаров В.Г. Причуды русского ударения // Русский язык за рубежом. 2013. № 1. С. 43.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО УДАРЕНИЯ ПРИ ЧТЕНИИ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

В докладе защищается следующая гипотеза: место сентенциального ударения (SS) можно определить без опоры на фонетические записи, исходя только из письменного текста. Данная гипотеза рассматривается на материале трех видов текста: (1) современного русского литературного языка, (2) рассказа в исполнении носителя диалекта, записанного в конце прошлого века, и (3) письменной переписки 19-го в., выполненной носителями диалекта. В материале последнего вида сложность задачи определения места SS усугубляется, так как текст одновременно и письменный, и диалектный. Мы утверждаем, что и эта двойная задача разрешима, если учесть, с одной стороны, соотношение между фонологическим явлением SS, когнитивным явлением словопорядка и прагматическим явлением регистра речи (речевого стиля), а с другой — импозицию говорящего, т.е. явление психологического характера. Последнее явление, в свою очередь, связано с культурой, отношениями между собеседниками и личными ценностями и тем, что у говорящего «на уме» в данный момент. Аргументы в пользу нашей гипотезы основаны на инструментальном, перцептивном и текстологическом анализе материала.

М. Л. Каленчук (Москва)

ДЕЛИМИТАЦИЯ ЗНАЧИМЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ ФОНЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

Известно, что фонетические средства языка наряду с другими способами делимитации могут быть использованы для обозначения границ между словами и морфемами и для выделения

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00378а «Активные процессы в просодической системе русского языка на современном этапе его развития».

этих единиц. При этом делимитативные сигналы могут быть двух разных типов:

1) Пограничные сигналами:

1. особая реализация фонем на стыках по сравнению с позицией середины морфемы (например, парная по глухости-звонкости фонема в позиции перед сонорным и гласным — ду[п]#ог-ро́мный, но ду[б]ы́; сапо[кн]о́вый, но [гн]а́ть);

2. появление сочетаний звуков, в принципе невозможных внутри морфемы или слова (например, сочетание двух ударных гласных — *взезд[á#á]взуста*; твердость [н] перед [ч'] на стыке основ при обязательной мягкости в середине морфемы — *са[н]ча́сть*, но *ко[н']ча́ть*) и мн. др.

2) Сигналы отдельности, «суверенности» морфемы — о своей грамматической и/или лексической самостоятельности фонетическими средствами сигнализируют составные части единого фонетического слова (первые компоненты сложных и сложносокращенных слов, приставки, клитики разных типов). Звуковой сигнал отдельнословности суперсегментен, он вносит «контурные рамки» в звуковой поток, служит, как и все суперсегментные единицы, объединению сегментных единиц в более крупные сегментные единицы. На звуковом уровне языка сигналами отдельнословности морфемы являются дополнительное словесное ударение и/или произношение качественно нередуцированных безударных гласных (во́донепроница́емый, бе́зоперацио́нный, б[ʼэ]лока́менный, д[о]обе́денный, п[о]слеза́втра, н[о] я́, м[ʼэ]жна́ми, вн[ʼэ] до́ма, и мн. др.) Эти два показателя «суверенности» морфемы неравнозначны: ударение более сильное делимитативное средство, а отсутствие качественной редукции безударных гласных — более слабое, проявляющееся в тех случаях, когда самостоятельность той или иной значимой единицы ослаблена.

Необходимо не только фиксировать любые проявления делимитативных явлений, но и выявлять их динамику и значимость в звуковой системе русского литературного языка. В середине XX века М.В. Панов писал: «В нашу эпоху усиливается роль пограничных сигналов» [Панов 1968]. В 90-е годы XX века анализ орфоэпической ситуации показывал уменьшение количества сигналов границ и снижение их функциональной значимости, так как все чаще внутриморфемные и сандхиальные закономерности

совпадали, нейтрализовались [Каленчук 1993]. Сейчас, спустя четверть века, можно утверждать, что развитие звукового строя языка привело к появлению новых делимитативных сигналов всех указанных выше типов: например, на морфемных швах стали возможны сочетания глухого шумного и звонкого шумного согласного при просодической выделенности первого компонента (*ва[ш#б]рат*), на ощутимых для носителя языка стыках произносятся сочетания согласных, не подвергшиеся позиционным чередованиям, — зубной перед переднеязычным (*бе[з#ж]аровни*, *ра[сш]умётся*), [с] перед [ч'] (*голо[с]#часового*, *бе[с]численный*) и др. Произнесение в приставках, первых частях композитов и клитиках качественно нередуцированных безударных гласных распространяется все шире, являясь сигналом лексической и грамматической самостоятельности значимых единиц языка.

Л.Л. Касаткин (Москва)

УДАРЕНИЕ В ПРЕДЛОЖНЫХ СОЧЕТАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Некоторые первообразные предлоги могут быть ударными при безударном следующем слове: *бѣз толку*, *вѣ поле*, *дѣ ночи*, *зѣ руку*, *из лесу*, *на ночь*, *бок ѡ бок*, *ѡб пол*, *ѡт роду*, *пѣ морю*, *пѣду руку*, *при смерти*, *сѣ смеху*.

При ударном следующем слове предлоги *во*, *из/изо*, *ко*, *на*, *о/об/обо*, *от/ото*, *под/подо*, *про*, *со* всегда безударны, кроме случаев акцентного выделения; предлоги *без*, *для*, *до*, *за*, *по*, *при*, *у*, *перед*, *через*, *из-за*, *из-под*, *по-за*, *по-над* могут быть безударными и ударными.

Некоторые факторы, обуславливающие место ударения в предложных сочетаниях и выступающие в роли орфоэпических позиций.

1. Расстояние от предлога до места ударения следующего слова. Так, предлоги *без*, *для*, *до*, *за*, *по*, *при*, *у*, *перед*, *через*, *из-за*, *из-под*, *по-за*, *по-над* могут быть ударными при достаточно большом расстоянии до ударного слога следующего слова.

2. Грамматическое значение предлогов. Так, могут быть ударными *за* с творительным падежом при указании на предмет, место и т. п., дальше которого, по ту сторону которого находится кто-что-либо, происходит что-либо; *по* с дательным падежом 1) при указании на чье-то мнение, точку зрения, теорию, 2) при обозначении причины совершения действия; *до* в значении временного отрезка, предшествующего тому, что названо следующим словом или сочетанием слов.

3. Лексические значения сочетаний. Так, ударение на некоторых предлогах может отличаться в фразеологических сочетаниях.

4. Грамматические значения и структура сочетаний. Так, сочетания *за гору*, *на гору*, *под гору* могут произноситься двояко — с ударением на существительном или на предлоге, что связано с колебаниями в значении этих сочетаний между указанием на предмет — гору и на способ действия — движения по прямой или вверх, вниз.

Слова, относящиеся к словоформе *гору*, придают ей большую предметную определенность, в этом случае ударение на этой словоформе. Если эта гора — ‘возвышенность над окружающей местностью’, то обычно место ударения на корне. При этом перед словом с ударным [у] или с ударением на третьем-четвертом слоге с другими ударными гласными ударение в *гору* может быть на окончании. Если эта гора — ‘куча чего-либо’, то ударение только на корне.

При отсутствии слов, относящихся к словоформе *гору*, большая предметная определенность сочетания этого слова с предлогами при его объектном значении (член предложения дополнение), в этом случае ударение на существительном. Если такое сочетание — член предложения обстоятельство, то в позиции непосредственно перед глаголом у него меньше предметного значения и больше указания на способ действия — и тогда ударение на предлоге. При положении сочетания не непосредственно перед глаголом, к которому оно относится, ударение обычно на существительном, но может быть и на предлоге.

СТАРОПЕТЕРБУРГСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

Среди особенностей старопетербургского произношения есть такие, происхождение которых, как писали В.Н. Чернышев и Л.А. Вербицкая, возникло под влиянием письма: [ч']*то*, *коне*[ч']*но*, *ску*[ч']*но*, *мес*[т]*ный*, *праз*[д]*ник*, только мягкий [с'] в возвратном постфиксе *-ся*, *-сь* и др.

Русские дети слышат русскую речь (как и дети других народов свою речь) и учатся говорить гораздо раньше, чем начинают читать и учатся писать. В этот второй период жизни у них складывается связь звукового облика слова с его письменным обликом. И эта связь очень прочная, она сохраняется всю жизнь человека.

Так, в русской графике букву *ё* придумал Н.М. Карамзин и впервые опубликовал текст с ней в 1797 г. Но и до сих пор русские тексты обычно печатаются без *ё*, пишется *е* в ударном слоге: *Петр*, *летчик*, *котенок*, *желтый*, *черный*, *шепот*, *щеки*, а произносится *П[']о**тр*, *л[']о**тчик*, *ко**т[']о**нок*, *ж[о]**лтый*, *ч[']о**рный*, *ш[о]**пот*, *щ[']о**ки*. Но никакого влияния на произношение этих и других подобных слов русскими людьми такое написание не оказывает.

В формах инфинитива, 3-го лица ед. и мн. чисел возвратных глаголов на конце пишется *-ся*: смеяться, смеется, смеются, хотя произносится *смея*[тцэ], *сmee*[тцэ], *смею*[тцэ]. Но и это написание никак не влияет на произношение. Русские люди произносят такие слова в соответствие с услышанным и усвоенным в раннем детстве их звуковым обликом.

Иное дело иностранцы, которые знакомятся с русским произношением слов и их написанием одновременно. У них может возникать побуквенное произношение слов. В художественной литературе есть немало описаний таких иностранцев. Но заимствование русскими людьми чужого произношения своих русских слов возможно только при условии, что люди, влияющие на подобную замену своего чужим, занимают более престижное положение в обществе.

В речи генерального секретаря компартии СССР Н.С. Хрущева было немало диалектизмов и просторечия. Так, он произносил в словах на *-изм* мягкий [з']: *маркси*[з']*м-ленини*[з']*м*

и т. п. Это произношение заимствовали партийные функционеры, госслужащие, некоторые журналисты, а от них оно начало внедряться и в произношение других людей. Даже Громыко, зам. Хрущева и министр иностранных дел, весьма образованный человек начал говорить так же. Но перестал Хрущев занимать этот пост, и литературное произношение подобных слов постепенно восстановилось.

В Санкт-Петербурге с самого его возникновения было много иностранцев. Но это ничего бы не значило, если бы среди них не было весьма престижных людей. Начиная с Екатерины Первой, все русские императрицы были немками. Единственная русская — Анна Иоанновна, но и она окружила себя иностранцами, имевшими большую власть в России. Императорских грудных детей выкармливали специальные кормилицы, с детьми постоянно были «мамки»-иностранки. Их язык и был первым родным языком будущих императоров. Вот их-то произношение и повлияло в первую очередь на формирование старопетербургских норм.

Среди этих норм есть произношение сочетания [шн] на месте *цн*: *хи[шн]ый, в су[шн]ости, изя[шн]ый* и т. п. Это произношение результат того, что в языке этих иностранцев не могло быть сочетания [ш'н].

Таким образом, эти особенности старопетербургского произношения представляют собой черты иностранного акцента в русском языке.

Р. Ф. Касаткина (Москва)

ДОБР — ДОБЁР, ОСТР — ОСТЁР И ДР.¹

Анализ стихотворного материала, извлеченного из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка, позволяет предположить, что в кратких формах прилагательных ед.ч. м.р. при переносе ударения на первый слог появляется

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-04-00378а «Активные процессы в просодической системе русского языка на современном этапе его развития».

новое значение, которое можно обозначить как ‘очень’, ‘слишком’, ‘чересчур’: *длі́нен* — *длинён* (напр., *плащ сли́шком длі́нен* = *плащ длинён*), *лё́гок* — *легóк* (чемодан *очень лё́гок* = чемодан *легóк*), *сі́лен* — *силён* (ветер *сли́шком сі́лен* = ветер *силён*). Ранее было высказано предположение, что употребление финального ударения в кратких формах прилагательных м.р. (*длинён*, *жирён*, *силён*, *смешон*, *страшон* и т.п.) соответствует лексической функции Magn. в современной семантике.

Краткие формы прилагательных м.р. *быстёр*, *добёр*, *остёр*, *храбёр* и другие подобные раньше с этой точки зрения не рассматривались, поскольку было принято считать, что в парах *быстр* — *быстёр*, *добр* — *добёр*, *остр* — *остёр*, *храбр* — *храбёр* фактически имеет место не перенос ударения на последний слог, а появляется добавочный слог, ударный.

Исследование произношения так называемых односложных прилагательных *быстр*, *добр*, *остр*, *храбр* и других подобных позволило выявить в них наличие второго гласного типа *ива* [э] и тем самым финального безударного слога. Перенос ударения способствует прояснению гласного [э] в гласный полного образования [о] и смягчению предшествующего согласного, что, по мнению автора, делает противопоставление исходной и новой форм более ярким. При этом заднеязычные не смягчаются: *круго́л* (*кругл*), *рыхо́л* (*рыхл*) и др. (примеры из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка).

Конец слова находится в «фокусе особого внимания» слушающего, поскольку именно в этой позиции говорящий располагает более широкими возможностями речевой просодии, чем в других позициях.

В. Б. Касевич (Санкт-Петербург)

ЛОГИКА ФОНОЛОГИИ

Проблемы, обсуждаемые в докладе, многократно анализировались в литературе. Здесь предлагается обратить внимание на логическую природу соответствующих теоретико-фонологических решений.

В абсолютном большинстве языков в системе консонантизма присутствуют сонанты, и лишь в немногих из них (напр., в языке мизо) оппозиция «глухие/звонкие» распространяется на сонорные (сонанты). Возникает проблема фонологической квалификации сонантов в отсутствие фонологически глухих сонантов. Одно из известных решений заключается в том, что применительно к тем языкам, где имеются сонанты, причем глухих сонантов нет, следует говорить, что сонанты являются нейтральными с точки зрения дифференциального признака «звонкость/глухость». В фонологических матрицах (если выбран этот способ представления системы) в соответствующих клетках проставляются нули.

Другое решение опирается на то обстоятельство, что признак «глухие/звонкие» в системе представлен (или, иначе, признак «звонкие/глухие» в соответствующем языке фонологизирован). Предполагается, что поскольку это так, везде, где мы встречаем корреляты звонкости/глухости, фонологическое решение должно опираться на природу коррелятов, коль скоро они включены в фонологические отношения в данной системе. Такое решение «идеологически» близко школе Щербы. Заметим, что сходный подход имплицитно присутствует и там, где Щерба анализирует части речи в русском языке.

Третье из возможных (и реально представленных в литературе) решений основано на правилах фонотактики, как они фиксированы в русском и многих других языках. В русском языке по правилам фонотактики звонкие несонорные вызывают ассимиляцию по признаку наличия/отсутствия голоса, ср. *рассыпать* (а не *разсыпать*), *подбирать* (а не *потбирать*) и т. п. На сонанты эти правила не распространяются, ср. *слить* ~ *злить*, *адмирал* ~ *отмирал* и т. п. Следовательно, сонант не «навязывает», в отличие от несонорного, свою звонкость соседнему согласному, по той причине, что сам он этим признаком не обладает, не являясь фонологически звонким.

Таким образом, принимая разные исходные позиции, избирая ту или иную логику, мы приходим к разным представлениям относительно фонологической системы языка. Допуская использование трехзначной логики, мы получаем подкласс согласных, нейтральных с точки зрения дифференциального признака

«звонкость/глухость». Ограничивая анализ рамками двузначной логики, мы получаем два возможных теоретических решения, противопоставленных друг другу. Именно потому, что мы здесь пользуемся двузначной логикой, между решениями необходимо выбирать. Выбор может основываться на том, что неоднозначный результат получен при разных отправных позициях, но это не единственный путь для снятия неопределенности результатов анализа, что предполагает дальнейшее исследование.

Еще одна модельная ситуация — сегментация как предварительный этап фонологического анализа. Понятно, что относительная легкость (трудность) фонологической функциональной сегментации с опорой на морфологические границы в немалой степени зависит от морфологического типа исследуемого языка. В тех языках, где формо- и словообразование в той или иной степени обеднены, приходится использовать косвенное отражение морфологических границ, чтобы, отстраиваясь от них, выявить границы фонологические. На авансцену здесь выдвигаются морфологизованные чередования типа англ. *sing* ~ *sang* ~ *sung*, *spit* ~ *spat* и т. п.

Следует признать, что чередования такого рода логически не дают оснований для уверенной сегментации текста на фонемы. Проведение границ, где вычленились бы фонемы (потенциальные фонемы) типа *-ing*, *-it* и т. п. (тем более, что аналоги имеются в слоговых и типологически близких к ним языках), с точки зрения логики достаточно последовательно. По-видимому, единственный выход — постулировать интуитивно приемлемый вариант сегментации и проверить его «по результату». Иначе говоря, следует обратиться к гипотетико-дедуктивному методу анализа. При выборе варианта, о котором говорилось выше, значительную помощь окажут и типологические соображения. Конечно, это во многом историческая случайность, что именно китайская традиционная филология выработала так называемые правила *фаньце* (где для чтения незнакомого иероглифа указывали на два знакомых — с инициалью, равной инициали первого слога, и тонированной финалью, равной финали второго). Но не случайно, что все такого рода правила в слоговых языках указывают на границу между инициалью (начальным согласным) и финалью («остальной» частью слога).

С логической точки зрения изложенное означает, что разные фонологические решения могут иметь неодинаковую надежность, в разной степени быть подверженными фальсификации (в смысле Поппера). Возможно, это может как-то сказываться в истории языков; достаточно велика и вероятность экспериментального подтверждения собственно фонологических теорий.

Е. Ф. Киров (Москва)

ДЕЛИМИТАТИВНАЯ ФОНЕТИКА РУССКОЙ РЕЧИ (ДЕЛИМИТАТИКА)

Н. С. Трубецкой разработал теорию разграничительной функции фонемы [Трубецкой 1960: 299–325], которая в конечном итоге привела к возникновению в рамках Пражской фонологической школы морфонологии как лингвистической дисциплины. У истоков морфонологии стояли также Р. О. Якобсон, Х. Улашин (знаменит его пример морфемы: *zab-a-zap-ka*) и др. В работе “Некоторые соображения относительно морфонологии” Н. С. Трубецкой так определяет объем этой науки: “Полная морфонологическая теория состоит из следующих трех разделов: 1) теория фонологической структуры морфем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях; 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфонологическую функцию” [Трубецкой 1967: 116–117]. На современном этапе концепцию Н. С. Трубецкого можно считать предшественницей теории делимитации в рамках фонетического комплекса наук (делимитатики как особой науки).

Среди чередующихся рядов звуков в словообразовании и словоизменении, описанных в “Русской грамматике”, выделяются линейные (усечение или наращение основы) и нелинейные чередования звуков (Русская грамматика, с. 414 и след.). Нелинейные чередования целесообразно разделить на исторические чередования, образующие историческую морфемно-делимитатему языка типа /г-ж/, /к-ч/, /х-ш/ и т. д., и коррелятивные чередования, образующие коррелятивную парную морфемно-делимитатему языка типа /г-г'/, /к-к'/, /х-х'/, /н-н'/, /л-л'/ и т. д.

Например, в слове “ручка” определяется историческая морфонема-делIMITИТЕМА типа /к-ч/, а в словоформе “рук’-е” — коррелятивная морфонема-делIMITИТЕМА /к-к’/, если их сопоставить со словоформой *рук-а*. Таким образом, делIMITИТИВНОЕ СРЕДСТВО в русском языке возникает и при использовании признака мягкости-твердости, но только в позиции конца слова перед флексией.

К историческим морфонемам-делIMITИТЕМАМ, несомненно, относятся и единицы типа /б-б’/, /п-пл’/, /ф-фл’/ и подобные, которые определяются в парах словоформ типа “рубить” — “рублю”, “лупить” — “луплю”, “графить” — “графлю” и т.д., при этом делIMITИТИВНЫМ знаком в данном случае оказывается «пустая» квазифонема-вставка {л}.

Важно подчеркнуть, что данные чередования происходят не случайно, они выполняют делIMITИТИВНУЮ функцию, т.е. обозначают границы морфем, точнее — межморфемный шов, а также границу между словами, маркером чего выступает глухость конечного согласного (исконного или оглушенного).

Сущность морфонема-делIMITИТЕМЫ была раскрыта на материале польского языка еще И. А. Бодуэном де Куртенэ: “Так, сочетания слов как далее неделимых синтаксических единиц, характеризуются особым рода ассимиляцией (уподоблением) конечных согласных предшествующих слов начальным фонемам последующих слов. Если начальная фонема последующего слова глухая, то и конечная согласная предшествующего слова также глухая. Если же начальная фонема последующего слова звонкая, конечная согласная предшествующего слова также становится звонкой. Это явление так называемого внешнего сандхи, очень похожее на то, что имело место в санскритском произношении” [Бодуэн, т.2: 171]. Н. С. Трубецкой в работе “Некоторые соображения относительно морфонологии” развивает положения Бодуэна: “Теория комбинаторных звуковых изменений морфем, обусловленных их сочетанием, соответствует тому, что в древнеиндийской грамматике называлось “внутренним сандхи” [Трубецкой 1967: 117]. М. В. Панов назвал такие случаи пограничными сигналами, т.е. маркерами фонетического оформления границы между морфемами внутри русского звучащего слова, обозначив их термином диерема [Панов 1977].

В исконно русской лексике гомогенное (однотипное) сочетание шумных (двух одинаково звонких или двух одинаково глухих шумных согласных), возникших в результате озвончения или оглушения на стыке морфем или слов выполняет делимитативную функцию, т. е. обозначает стык морфем (или межморфемный шов) в слове или границу между словами (это правило действует и по отношению к «обрусевшим» заимствованиям, а что касается позиции конца слова — то делимитативное правило носит облигаторный характер). Подобную функцию выполняет и сочетание в слове двух исконно гомогенных (не оглушенных или озвонченных, а исходно звонких или глухих) согласных, — это приводит в любом случае к возникновению внутри звучащего слова длительной, пролонгированной звонкости или глухости на стыке морфемы (всегда) или слова (в большинстве случаев), что и можно считать делимитативным сигналом межморфемного шва (делимитатемой).

Литература

Киров Е. Ф. Фонология языка. Ульяновск, 1998. 465 с. (библиография содержится в данной монографии).

Ю. А. Клейнер (Санкт-Петербург)

ВИДЫ СЕГМЕНТАЦИИ — ТИПЫ ГРАНИЦ

Пренебрежение лингвистически обоснованными процедурами сегментации, характерное для ряда направлений современной фонологии, проявляется, среди прочего, в приписывании фонемного статуса произвольно выбранным «единицам» (ср.: «безударная “фонема”» /i/ в *boy, day* [Jakobson et al 1951: 22]), что ведет к отказу от решения проблем, составляющих самое суть фонологии, таких, как моно- и бифонемность. (Показательно, что «сегментам», а не сегментации посвящены разделы, озаглавленные «Сегментная фонология» в фонологических описаниях различных языков. Этап сегментации пропускают и генеративистские правила, например, «понижения /i/ => /e/» в англ. *sit — set.*)

По сути, такой подход означает возвращение к «дофонологическому» состоянию науки, ко времени до появления, в частности, Пражского лингвистического кружка и Ленинградской/Петербургской фонологической школы, которые отводят первостепенную роль границам — слогового и морфемного членения, соответственно.

Морфологическая граница внутри сегмента несомненно свидетельствует и о его бифонемности, однако это справедливо лишь для парадигм, содержащих формы с нулевой флексией (*ток, ток-а, ток-у* и т. п.): *корень- + морфологическая граница + Ø*, демонстрирующие реальность границы.

Если распространить этот же критерий на «внутреннюю флексию» (нем. *binden — band*), считая, что ее границы совпадают с границами фонем [Зиндер 1979: 213], самостоятельными фонемами придется признать не только [i], [e] в англ. *sit — set*, но и неслоговые [-i] и [-u] в англ. *bind — bound*, т. е. глайды дифтонгов, монофонемность которых устанавливается после проведения слоговых границ (/vai-əlin/ *violin*).

В свою очередь, разбиение на слоги (главный показатель моно- и бифонемности по Н. С. Трубецкому [Трубецкой 1960: 63]) обретает лингвистический смысл лишь в сочетании с морфологическим членением, демонстрируя различные типы соотношения слоговых и морфемных границ: А. *ток — ток-а vs тока — то-ка*; ср.: В₁. англ. *read — read-ing — rea-ding*; но: В₂. англ. *sit — sitting vs sitting — sitting* (без слоговой границы).

В изолирующих языках конечный ансамбль («рифма») единиц плана выражения (фонетически: [вокаль] + [финаль]) сходен с английскими монофонемными дифтонгами и дифтонгоидами (фонетически: [ядро] + [глайд]), с той разницей, что последние могут находиться в неконечной позиции, допуская после себя ресиллабацию, *da-ting, pea-ty* (vs. *pity*), которая, таким образом, обуславливает промежуточное положение языков этого типа между «фонемными» и изолирующими.

Поскольку единицы плана выражения, устанавливаемые при анализе соотношения морфемных и слоговых границ, — несовпадения, как в русском, или совпадения (без ресиллабации) в изолирующих языках (см. [Гордина 1966]), — по определению, являются парадигматическими, традиционное

разделение их на «фонемы» и «слоги», некорректно. То же относится к разделению языков на «фонемные» и «слоговые», тем более, что отсутствие противопоставления гласных и согласных *фонем* в изолирующих языках делает невозможным соединение «инвентарных» единиц в «конструктивные» (термины В. Б. Касевича).

То, что морфологические границы, наряду со слоговыми, могут рассматриваться как фонологически значимые позиции, вытекает из принципа двойного членения, которое должно учитывать двойственный статус морфемы, заключающийся в ее принадлежности как к плану содержания (двусторонняя единица), так и к плану выражения (экспонент).

Литература

Гордина М. В. О различных функциональных единицах языка // Исследования по фонологии. М. 1966. С. 172–183.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1979.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М. 1960.

Т. Н. Коробейникова (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКИХ СОГЛАСНЫХ РУССКО-НЕМЕЦКИМИ БИЛИНГВАМИ

Доклад посвящен обобщению предварительных результатов лингвистического эксперимента, проведенного в Москве в «Немецкой школе им. Гааза» и детском саду при ней. Цель эксперимента — выявить в русской речи детей-билингвов наиболее частотные и устойчивые фонетические особенности, вызванные влиянием немецкого языка. В эксперименте приняли участие 20 детей, являющихся русско-немецкими билингвами. Самому младшему испытуемому было 5 лет, самому старшему — 11.

Родители всех испытуемых используют принцип «один родитель — один язык», то есть говорят с детьми только на своих родных языках (в большинстве случаев язык матери — русский, язык отца — немецкий). Согласно современным исследованиям [Dörke 1992, Barron-Hauwaert 2004], применение данного

принципа наилучшим образом способствует развитию естественного одновременного билингвизма.

В рамках эксперимента с детьми проводились индивидуальные интервью, в ходе которых они рассказывали о своей семье, друзьях, увлечениях. Кроме того, детям было предложено составить рассказ по картинкам “Frog Story” [Mayer 1969] и рассказать свою любимую русскую сказку. Интервью и рассказы были записаны на диктофон Edirol R-09.

Инструментальный акустический анализ полученных аудиозаписей позволил выявить в речи детей-билингвов ряд фонетических особенностей, предположительно вызванных интерференцией¹:

1) Произношение смычных глухих согласных [п, т, к] с придыханием: у[пʰ]áла, пры́гае[тʰ], не[тʰ], бра[тʰ], та[кʰ], по-не-мѐц[кʰ]и.

2) На месте русских звонких согласных отмечены глухие звуки: не [п]óльно, [п]у́ква, [п]у́дет, [т]у́мает, [т]éлает, [ш]иву́т, ра[сп]и́лась, [сʰтʰ]е́сь (здесь), са[п]а́ку (собаку), [т]руги́е, [с]аба-лѐла, та[кт]а́ (тогда).

3) Возможна также обратная ситуация, когда на месте глухих согласных выступают звонкие: по[з]мотрѐть, по[ж]ѐл, [б]а́[б]а (папа), [з] ребе́нком, а [д]а́м (там).

Данные особенности представляются следствием переинтерпретации контраста русских согласных по глухости/звонкости как контраста по напряженности/ненапряженности, имеющегося в немецком языке. Перечисленные особенности были отмечены и в речи пятилетних информантов, и в речи одиннадцатилетних. Однако у старших детей такие примеры встречались значительно реже, чем у младших.

Звуковые изменения слов, затрудняющие их понимание, могут возникать как результат фонологической интерференции

¹ Под интерференцией здесь понимается всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия [Беликов, Крысин 2001: 20]. В проанализированном материале также встретились фонетические особенности произношения согласных, которые нельзя отнести к интерферентным, поскольку они встречаются также у русских детей-монолингвов. Например: упрощение кластеров согласных (апе[сʰ]и́и, мон[с(т)р]), замена шипящих согласных свистящими (лягу[ск]а, оре[с]ки) и др.

и интерференции артикуляционных укладов [Чиришева 2012: 239]. Фонологическая интерференция предполагает последовательное появление описанных фонетических особенностей. Однако они встречаются в речи испытуемых нерегулярно и с разной частотностью у разных информантов. При этом в речи младших дикторов (5-6 лет) придыхание и смешение глухих и звонких согласных встречаются значительно чаще, чем в речи старших детей, что позволяет сделать вывод о том, что в данном случае имеет место интерференция артикуляционных укладов.

Литература

- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социалингвистика. М., 2001.
Чиришева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб, 2012.
Barron-Hauwaert S. Language Strategies for bilingual family: The one-parent-one-language approach. Clevedon, 2004
Döpke S. One parent— one language: An interactional approach. Amsterdam, 1992.
Mayer M. Frog, where are you? New York. 1969.

Д. А. Кочаров, Т. В. Качковская,
П. А. Скрепин (Санкт-Петербург)

РЕДУКЦИЯ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ В ПРОСОДИЧЕСКИ ВЫДЕЛЕННЫХ СЛОВАХ¹

Представляемое исследование посвящено изучению количественной и качественной редукции русских безударных гласных в русской речи в зависимости от просодической выделенности фонетических слов, в которых они находятся.

На длительность гласных влияют факторы разных уровней. В пределах фонетического слова длительность гласных определяется в соответствии с правилами количественной редукции. В то же время темпоральная организация синтагмы или фразы

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01352.

задает длительность отдельных фонетических слов: так, слова, несущие смысловую, и, как следствие, просодическую выделенность, обладают большей длительностью по сравнению с невыделенными словами [Светозарова 1982: 153–156]. Таким образом, в просодически выделенных словах как ударные, так и безударные гласные оказываются длиннее. Данное исследование посвящено тому, как отражается общее увеличение длительности слова на его ритмическую структуру.

Исследование проводилось на аннотированном речевом материале, состоящем из 30 часов чтения текстов нормативными носителями русского языка [Skrelin et al. 2010]. Корпус вручную расsegmentирован на звуки и содержит более 1,1 млн. звуков, что является достаточным количеством для получения статистически достоверных выводов. Аннотация корпуса включает в себя два уровня фонетической транскрипции: (1) автоматически сгенерированную по орфоэпическим правилам, отражающую «идеальное» произношение, и (2) сделанную вручную на основе акустического и перцептивного анализа, отражающую «реальное» произношение.

Мерой количественной редукции гласного являлась его нормализованная (z-score) длительность, вычисленная относительно дисперсии и средней длительности данного гласного у каждого из дикторов. Для определения качественной редукции вычислялся процент элизий и замен гласных фонем на основе сравнения двух фонетических транскрипций. Оба показателя редукции вычислялись отдельно для каждой позиции в рамках фонетического слова [Kocharov et al. 2015].

На основании интонационной разметки корпуса были выбраны два класса слов: просодически выделенные (несущие синтагматическое или логическое ударение) и просодически невыделенные. Чтобы исключить возможное влияние предпаузального удлинения на длительность безударных гласных [Кривнова 1991], в описываемом исследовании не рассматривались слова, расположенные на конце синтагмы.

Экспериментальные данные подтвердили, что просодическая выделенность слова приводит к увеличению длительности всех гласных в слове, включая безударные. Однако подробный сравнительный анализ данных показал, что безударные гласные

в просодически выделенных словах «удлиняются» больше в предударной части слова, чем в заударной части. Следствием этого является перераспределение длительностей гласных в рамках слова, т. е. изменение его временной организации. Длительность безударных гласных в предударной части слова увеличивается в большей степени, чем в заударной его части. Однако темпоральная цельнооформленность слова сохраняется за счёт увеличения длительностей всех гласных в его составе.

Удлинение гласных в предударной части при просодической выделенности сопровождается существенным уменьшением качественной редукции, в то время как тот же процесс в заударной части не оказывает на нее никакого влияния. Таким образом, просодическая выделенность, следствием которой является большая четкость произнесения, проявляется главным образом в предударной части слова, при этом «вялость» произношения заударной части слова сохраняется.

Ассиметричность влияния просодической выделенности слова на темпоральную организацию слова позволяет выдвинуть две гипотезы. Во-первых, смещение центра четкости произношения к началу слова позволяет нам говорить о большей функциональной важности предударной части слова. Во-вторых, словесное ударение является своеобразной произносительной целью слова, при достижении которой говорящий договаривает слово по принципу наименьших усилий вне зависимости от его прагматической важности. Проверке этих гипотез будут посвящены последующие исследования.

Литература

Kocharov D., Kachkovskaia T., Skrelin P. Position-dependent vowel reduction in Russian // Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences, 2015.

Skrelin P., Volskaya N., Kocharov D., Evgrafova K., Glotova O., Evdokimova V. A fully annotated corpus of Russian speech // Proc. of LREC'10, 2010, pp. 109–112.

Кривнова О. Ф. Препаузальное продление гласных в связном тексте // Доклады 16-го Всес. семинара (АРСО-16), М., 1991.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка, ЛГУ, 1982. 176 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ФОНЕТИКИ

1. В настоящее время наблюдается активное сближение задач и методов в области теоретической и прикладной фонетики, в том числе и в более специальных речевых технологиях. Это оказывает влияние и на терминологию разных дисциплин, использующих фонетические знания и понятия, как устоявшиеся, так и появившиеся недавно в процессе компьютеризации фонетической науки. Систематизация и экспликация терминологии в этой области приобретает особое значение в виду отсутствия каких-либо учебников, руководств или пособий в сфере прикладной фонетической тематики. К сожалению, *электронных* русскоязычных терминологических словарей по фонетике до сих пор не существует. В бумажном виде есть два довольно старых, по времени издания, словаря фонетических терминов (Бернштейн С.И. 1996 переизд.), (Трахтеров 1962) и краткий англо-русский словарь фонетических терминов (Вишневская 1999). Существуют отдельные моноязычные словари по лингвистике и фонетике (ЛЭС 1990), (Crystrall 2003), также бумажные. В указанных словарях используются достаточно устоявшиеся традиции перевода отдельных терминологических выражений, однако фонетических терминов нового поколения в этих словарях практически нет, да и устоявшиеся термины и понятия представлены весьма скудно и не систематизированно. Такое положение дел значительно обедняет когнитивный, методический и технический инструментарий фонетических исследований и затрудняет взаимопонимание между специалистами разных дисциплин, занимающихся изучением устной речи¹.

2. В 2010 году была начата работа по созданию электронного англо-русского терминологического тезауруса по научно-прикладному направлению «Общая и прикладная фонетика». Работа

¹ Более подробно эти вопросы обсуждаются в (Кривнова О.Ф. Теоретическая фонетика и речевые технологии в терминологическом аспекте // Человек говорящий: исследования XXI века: коллективная монография / Под ред. Л.А. Вербицкой, Н.К. Ивановой.— Иваново, 2012. сс. 24-33).

велась в рамках более общего проекта, главная задача которого заключалась в создании электронного тезауруса по компьютерной лингвистике (КЛ)². Более подробно задачи и конечная цель проекта изложены в статье (Загоруйко и др. 2011). В 2014 году результаты проекта были зарегистрированы в формате Базы Данных «Русско-английский тезаурус по компьютерной лингвистике» (свидетельство № 2014621148). Правообладателем БД является ФГБУН Институт информатики им. А. П. Ершова СО РАН, а сам тезаурус, и в том числе его фонетическая часть, доступны для пользователей Интернета по адресу <http://uniserv.iis.nsk.su/thes/>.

3. Одна из основных фонетических задач в проекте по КЛ состояла в том, чтобы не просто систематизировать и унифицировать русскую терминологию в области общей и прикладной фонетики, но и привести ее в соответствие с английской. Практически в разработке были реализованы три этапа:

- Создание представительного *словника* параллельных (эквивалентных) английских и русских терминов по прикладной фонетике и речевым технологиям (РТ), снабженных толкованиями.
- Построение тематического *гlossария* параллельных терминов на основе собранного словника, прежде всего для его базовой, наиболее частотной части.
- Построение представительного *тезауруса* английских и русских фонетических терминов на основе glossария параллельных терминов, в стандартном формате словарных статей, разработанном для тезауруса по КЛ в целом.

На каждом из этапов возникали два круга принципиально важных вопросов и задач: организационно-теоретических и практических, по автоматизации работы.

4. Основные трудности в подборе и толковании терминов для русско-английского словника были связаны с особенностями и состоянием развития прикладной фонетики и РТ в России. Здесь наиболее важной задачей был выбор адекватных *источников* для английской и русской части словника. Опыт

² «Разработка выполнялась при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-04-12108в), рук. проекта Загоруйко Ю. А. Институт систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН, Новосибирск.

современных терминологических разработок показывает, что возможны два подхода к решению вопроса о выборе терминоисточников для предметных областей с неэксплицитной словарной базой.

А. В качестве источника используется *коллекция* специализированных текстов, снабженная программным инструментарием для автоматического извлечения из него терминологической лексики с сопутствующим подсчетом частоты их встречаемости. Это позволяет выделить наиболее употребительные «живые» термины, которые могут составить ядро словника.

Б. Термины выбираются из имеющихся терминологических словарей по данной дисциплине, предметных указателей, глоссариев учебно-обзорных изданий, документации компьютерных программ и под. В этом случае в ядро словника отбираются термины, встречающиеся во всех или в большинстве авторитетных словарных терминоисточников.

На окончательный выбор типа источников влияет целый ряд разных факторов. С их учетом для устноречевого (фонетического) направления был выбран второй подход к отбору терминов, при котором в качестве основных использовались *англоязычные* терминоисточники. Такой выбор был продиктован небольшим количеством современной русскоязычной литературы по прикладной проблематике, а также активным переходом на английский язык в докладах на международных конференциях в России (ср., например, конференцию SPECOM). При выборе языковой доминанты словника учитывался также скачок, наблюдаемый в зарубежных прикладных разработках последних лет, когда эта область окончательно оформилась как высокотехнологичное направление, имеющее большой практический и коммерческий выход.

В итоге, в качестве основы для отбора фонетических терминов были взяты предметные указатели нескольких современных и наиболее авторитетных англоязычных источников обзорно-учебного профиля, а также глоссарии, входящие в документацию популярных звуковых анализаторов AdobeAudition 1.5. 2004, SpeechAnalyzer 1.5–2002 и PRAAT–2007.

На данной базе был составлен англо-русский электронный словник параллельных терминов по общей и прикладной

фонетике, включающий более 700 парных терминов (англо-русских эквивалентов). При последующей обработке из собранного словника была выделена базовая часть, которая затем была включена в состав первой версии устноречевого тезауруса по КЛ. В итоге область устноречевых исследований представлена в последней версии тезауруса более чем 300 терминами.

А. В. Кухто, А. Ч. Пиперски (Москва)

РИТМИЧЕСКОЕ ПРАВИЛО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Русский язык характеризуется свободным подвижным ударением, которое создает предпосылки для возникновения значительной вариативности в области словесной просодии. Конкурирующие варианты ударения в одной и той же словоформе могут противопоставлять друг другу различных носителей языка (*inter-speaker variation*) или же проявляться в речи одного и того же носителя (*intra-speaker variation*; см. [Honeybone 2011]). Первый тип вариативности чаще всего обусловлен социолингвистическими факторами: тот или иной вариант ударения может быть присущ людям определенного возраста, региональной принадлежности или образовательного уровня [Каленчук и др. 2011; Авдеев и др. 2016]. Но, когда речь заходит о вариативности в речи одного носителя, в игру могут вступать собственно лингвистические, в частности синтагматические факторы.

Во многих языках мира проявляется так называемое «ритмическое правило» (*Rhythm Rule*; см. [Schlüter 2015]): язык стремится создавать структуры, состоящие из равных последовательностей ударных и безударных слогов (например, ямбические типа *та-та́-та-та́*). Можно предположить, что такого рода эффекты встречаются и в русском языке — не как общеобязательные правила, а как тенденции, управляющие вариативностью в речи отдельных носителей языка.

Материалом нашего исследования послужили глагольные формы прошедшего времени (*продал, обнял*; в обеих этих формах нормативные источники допускают ударение как на первом, так и на втором слоге, см., напр., [Каленчук и др. 2012])

в сочетании с двусложным прямым дополнением. Был проведен эксперимент, в котором респондентам давалось следующее задание:

Пожалуйста, прочитайте вслух приведенные ниже предложения, при чтении раскрывая скобки.

Пример:

У Мити в комнате живут 2 (попугай) → У Мити в комнате живут два попугая.

1. Дима вернулся домой, увидев, что на (улица) идет дождь.

2. Антон продал браслет, который достался ему в наследство от (бабушка).

Анкета состояла из 18 предложений, в которых 4 раза встречался глагол *продал* и 2 раза — глагол *обнял*. По окончании эксперимента задавался вопрос о цели исследования, и респонденты, догадавшиеся, что его суть сводится к изучению вариативности ударения, а не к раскрытию скобок, исключались из рассмотрения. В результате были проанализированы ответы 76 респондентов.

Как показал эксперимент, уровень вариативности в речи одного носителя очень высок даже при таком небольшом количестве употреблений одного и того же глагола:

	Есть вариативность	Нет вариативности
<i>обнял</i>	22 (29%)	54 (71%)
<i>продал</i>	20 (26%)	56 (74%)

Для 22 говорящих, которые употребили как форму *обнял*, так и форму *обня́л*, распределение в зависимости от последующего прямого дополнения выглядит следующим образом:

обня́л сестру́ ~ *обнял Аню* 16 (73%)

обнял сестру́ ~ *обня́л Аню* 6 (27%)

Можно наблюдать явное предпочтение в пользу ритма с чередованием ударных и безударных слогов, который достигается выбором одного из двух вариативных ударений в глаголе.

Из 20 говорящих, которые употребили как форму *про́дал*, так и форму *прода́л*, 3 человека строго соблюдают ритмическое правило, а других вариантов распределения 2:2 не наблюдается:

прода́л да́чу, прода́л кни́гу ~ *прода́л брасле́т, прода́л портре́т*

У оставшихся 17 говорящих формы распределились в отношении 3:1. Можно считать, что в их индивидуальных грамматиках есть более частотная форма «по умолчанию» и более редкая «дополнительная» форма. При этом появление дополнительной формы в 16 случаях из 17 (94%) объясняется ритмическим правилом. Так, если человек обычно говорит *продал*, он может сказать *продал браслёт* или *продал портрёт*, но не *продал дачу* или *продал книгу*, и наоборот.

Таким образом, наш эксперимент показывает, что в русском языке — в части глагольной парадигмы — действует ритмическое правило, обеспечивающее чередование ударных и безударных слогов там, где это позволяет наличие вариативности ударения. В настоящий момент проводится серия экспериментов, расширяющая глагольную выборку, а также типы контекстов, в которых фигурируют рассматриваемые глагольные формы.

Литература

Авдеев В., Наумов А., Ладинская Н., Савченко А., Наумов И. 2016. Обнял / обнял // VASTRY: Variational Studies Repository. URL: <https://web-socioling-hse.c9users.io/studies/a3c65c2974270fd093ee8a9bf8ae7d0b> [27.03.2016]

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л. Основные принципы “Большого орфоэпического словаря русского языка” // Слово и язык: Сборник статей к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна / Под ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин М., 2011. С. 407–421.

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л. Большой орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2012.

Honeybone, Patrick. 2011. Variation and linguistic theory. In Maguire, Warren and April McMahon (eds.), *Analysing variation in English*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 151–177.

Schlüter, Julia. 2015. Rhythmic influence on grammar: Scope and limitations. In Vogel, Ralf and Ruben van de Vijver (eds.), *Rhythm in cognition and grammar: A Germanic perspective*. Berlin: de Gruyter Mouton. P. 179–206.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТРАЖЕНИЯ РАЗГОВОРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ НА ПИСЬМЕ

Изучение разговорной речи (далее РР) в русистике имеет полувекую историю, при этом как в коллоквиалистике, так и в функциональной стилистике преобладает мнение, что РР имеет только устную форму реализации. Однако необходимо отметить, что в художественной литературе издавна существуют приемы имитации разговорности речи персонажей или повествователя. Так, достаточно традиционным является отражение на письме особенностей произношения героя, в частности его иностранного или диалектного акцента, а также дефектов речи; такое, например, встречаем в «Горе от ума» А. С. Грибоедова: *«Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу, / Когда-нибудь я с пала та в мозилу»*. В. В. Виноградов еще в 1963 году в книге «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» отмечает, что в литературе происходит преобразование разговорного элемента в сильный, экспрессивно-выразительный. В 1971 году в Праге выходит монография Кветы Кожевниковой «Спонтанная устная речь в эпической прозе», в которой автор подробно описывает приемы отражения звуковых особенностей в художественной литературе.

В конце XX века графические и орфографико-пунктуационные вольности в литературе значительно усилились. Осмелимся предположить, что существенным фактором возникновения и распространения многих инноваций является появление новых жанров письменной речи, в частности интернет-жанров чата и ICQ, жанра смс-сообщения и др.

Как известно, в РР присутствуют компрессированные и стяженные формы слов. В последнее время в художественных текстах широко распространилось употребление слов *щас*, *ща* (=сейчас), *ваще* (=вообще), *грит* (=говорит), *тыща* (=тысяча), *ся* (=себя), *тя* (=тебя) и др. Хотя эти формы соответствуют разговорному произношению, в художественной литературе они служат указанием на просторечность персонажа и становятся сигналом речевого портрета человека, не владеющего литературным произношением. Так, один из персонажей романа Б.

Акунина «Квест» с целью маскировки имитирует просторечие: *«Витек, — представился он новым пассажиром. — Я же хочу предлôжить, граждане. Если желаете, я с напарником договорюсь, буду вас хоть неделю катать... хошь днем, хошь ночью».*

Нехватка при письменной фиксации непринужденного разговора невербальных и паравербальных средств породила средства компенсации, в значительной мере разработанные в неформальной интернет-коммуникации. Паравербальные средства (темп, паузы, тон) передаются при помощи символов, совпадающих со знаками пунктуации, а также при помощи многократного повторения букв, при этом количество точек часто означает длину паузы, а количество вопросительных и восклицательных знаков соответствует силе эмоций. Громкость, как правило, передается выделением текста прописными буквами, ими же может выделяться и особо значимая для отправителя информация.

Описанные выше приемы в последнее время стали активно использоваться и в «бумажной» литературе; при этом у авторов встречаются и курсив, и жирный шрифт, и свободное совмещение кириллицы и латиницы.

Интересно использование в текстах художественной литературы (например, у Б. Акунина и С. Лукьяненко) приемов и выражений еще пять лет назад популярного в Рунете, а сейчас практически вышедшего из употребления «аффтарского языка». Будучи заведомо ориентированными на реальное произношение и представляющие собой языковую игру с графикой и орфографией, эти выражения начинают маркировать уже не просторечность или плохое владение литературным языком, а принадлежность персонажа к особой субкультуре.

Однако в исконных жанрах электронно-опосредованной письменной РР названные выше приемы не свидетельствуют о плохом владении нормами литературного языка, а являются средством отражения неформальности акта коммуникации, а написания *щас*, *ваще* и др. лексикализировались и используются в письменной РР практически повсеместно.

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТОНАЦИОННОЙ СИНОНИМИИ В РУССКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ И ТЕКСТЕ

В системе единиц и средств выражения значения звучащего высказывания, в определении Е. А. Брызгуновой, одно из центральных мест занимает подсистема интонационных единиц языка — ИК, установленных фонологическим методом оппозиций звучащих высказываний с одним и тем же лексико-грамматическим составом (или с тождественным звуковым составом словоформ), несовместимых в одном контексте [Брызгунова 1980]. Этот метод имеет большие преимущества перед поиском единиц на основе акустических (мелодических, динамических и темпоральных) параметров (что широко используется в зарубежных и ряде отечественных теоретических построений), т. к. позволяет найти подлинно лингвистически значимые единицы, независимые от других языковых и внеязыковых явлений и в то же время взаимосвязанные с ними. Анализируя свойства отдельных акустических параметров в процессе формирования значения звучащего высказывания, Т. М. Николаева также не склонна наделять их статусом лингвистических единиц, а видит в этой функции интонеми, сущность которой «состоит в том, что при ее реализации все акустические параметры объединяются в некий общий «пучок», создавая ту или иную коммуникативную фигуру, выполняя то или иное коммуникативное задание» [Николаева 2012: 88]. Такие единицы инвариантны, а вариативность их зависит от различных условий речевого потока (структуры синтагмы, ритмики входящих в нее слов, взаимодействия акустических компонентов и пр.), совмещения основного и дополнительного (модального) значений, эмоционального состояния говорящего.

Каждая интонационная единица (ИК) придает синтагме определенное значение, которое формируется в зависимости от позиции (коммуникативного типа высказывания, конечного/неконечного положения синтагмы в высказывании, наличия/отсутствия местоименных слов, частиц, некоторых глагольных форм, семантики лексем, места интонационного центра и пр.). А поскольку почти каждая ИК может употребляться в разных позициях, то эти единицы

многозначны. В свою очередь, каждая позиция ИК ассоциируется с тем или другим значением; таких значений относительно немного, и каждое из них может выражаться различными ИК. Отсюда вытекает возможность синонимии [Логинова 1995, 2011].

Как в лексикологии многозначная лексема может входить в разные синонимические ряды по тому или другому своему значению, так и интонационная единица может занять свое место в нескольких синонимических рядах по каждому своему значению. Условие интонационной синонимии двух или более ИК — тождество позиции и сходство значения синтагм с данными ИК. В русской интонационной системе имеется 4 синонимических ряда со значениями соответственно завершенности (ИК-1 // ИК-2), незавершенности высказывания (ИК-3 // ИК-6 // ИК-4), просьбы — требования (ИК-2 // ИК-3 // ИК-4) и оценки или экспрессивного утверждения (ИК-5 // ИК-6); есть и отношения антонимии между последним синонимическим рядом и ИК-7, означающей экспрессивно отрицательную оценку предмета речи. Возможность многозначных ИК входить в разные синонимические ряды и тем самым связывать их образует своеобразную цепочку синонимических рядов в русской интонационной системе и демонстрирует неслучайную связь и парадигматическую цельность всей системы [Логинова 1995].

Синонимия языковых единиц образуется на основе разной степени их семантической близости — полного или частичного сходства. В русской интонационной системе говорить о полном сходстве единиц не приходится: наиболее близки по значению и употреблению члены последнего синонимического ряда; в остальных рядах семантические различия более существенны и лежат они не только в стилистической плоскости, что было показано Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1984], но и в возможности формировать невербальный фон, подтекст, что может привносить дополнительные коннотации в содержание высказывания и эмоциональное состояние говорящего. Стилистические различия каждой ИК касаются как функциональной, так и эмотивной области, что по-разному сочетается в каждой единице: нейтральность/экспрессивность в той и другой области стилистических отношений придают каждой ИК свое «лицо», ограничивают их взаимозаменяемость в тексте и определяют возможность их сочетаемости на синтагматической оси в текстах разных функциональных стилей.

Сочетаемость ИК в оформлении художественных текстов при их чтении вслух выходит за рамки системных синонимических отношений и показывает текстовую варьируемость ИК под влиянием ритмических особенностей текста (определенное чередование восходящих и нисходящих, нейтральных и выделяющих контуров), разграничения основной и поясняющей информации, различных смысловых фигур, устранения монотонности, обеспечивающего эстетическую ценность и образность художественного чтения.

Семантико-стилистические отношения синонимии и варьируемости интонационных единиц являются ядром фоностилистики текста и позволяют говорить о стилистической функции русской интонации. Текст доклада будет иллюстрирован примерами.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

Логинова И. М. Русская интонация в семантико-стилистическом аспекте // Русский язык за рубежом, 1995, № 1.

Логинова И. М. Статус интонационной единицы языка // Язык и речевая деятельность, 2010-2011. Том 11., СПб., 2011.

Николаева Т. М. Интонационный поток и его функциональные соседи // Человек говорящий: исследования XXI века. Иваново, 2012.

Ю. Ю. Магерамова (Магадан)

БЕЗУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ В СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ¹

Старожильческие говоры Крайнего Северо-Востока (КСВ) России в силу разных причин до сих пор исследованы недостаточно. При этом в первой половине XX века описания зачастую

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: проект «Многоуровневая фонология русского языка», № 15-04-00338.

производились с опорой на вторичные источники, к которым можно отнести записи путешественников, этнографов, чиновников, местных жителей. Такой подход привел к тому, что многие важные для характеристики говоров фонетические черты оказались в тени исследовательского внимания. Анализировалось то, что резко противопоставляло старожильческие говоры КСВ диалектам других территорий. Если рассматривать большую часть описанных диалектных явлений говоров КСВ на фоне литературного языка, то почти все они носят конвергентный характер: сладкоязычие (совпадение $p \times p' \times л \times л' \times j \rightarrow j$), соканье (нейтрализация $c \times ш \rightarrow c$, $з \times ж \rightarrow з$), ослабление корреляции по твердости/мягкости и др. Еще со времен Р. Х. Раска известно, что, как правило, контакты между разными языками чаще всего приводят к упрощению системы, примером чего на фонетическом уровне может служить конвергенция. Сегодня принято считать, что старожильческие говоры КСВ — результат развития диалектных систем русского языка, принесенных на Север первыми русскими поселенцами. Вместе с тем высказывалась и такая точка зрения, согласно которой русская старожильская речь возникла вследствие перехода на русский язык местного населения (ительменов, юкагиров, эвенов, коряков, чукчей). Из рассмотрения нельзя исключать оба фактора. Прибытие русского населения на КСВ в XVII–XIX веках такой же исторический факт, как и усвоение русского языка местным населением. Изучение конвергентных процессов с большим трудом позволяет дифференцировать внутренние и внешние факторы в становлении старожильческих говоров. В этом отношении изучение вокализма, в первую очередь безударного, может дать больше. Русский безударный вокализм настолько специфическое явление, что его формирование под влиянием преимущественно внешних факторов представляется крайне маловероятным.

Применительно к говорам КСВ ситуация осложняется тем, что безударный вокализм описан недостаточно полно. В. Г. Богораз в предисловии к «Областному словарю колымского русского наречия» (1901), подробно описывая фонетические черты старожильческих говоров реки Колымы, фактически не отмечает особенностей безударного вокализма, хотя

единичные примеры позволяют судить об оказавшем характере говора.

А. М. Селищев не располагал исчерпывающей информацией о говорах КСВ, но отмечал в «Диалектологическом очерке Сибири» (1921), что «изменения неударенного *о* не было пережито». При этом он обращал внимание на сильную лабиализацию ударного гласного *о*, которая сохранялась в безударном положении и приводила к произношению типа *кулу-ма́* (Колыма).

При характеристике оканья в говорах КСВ некоторыми исследователями (А. И. Курьянова) использовался термин «приглушенное» оканье, которое заключается в том, что в 1-м предударном слоге после твердых согласных фонема /*о*/ реализуется в виде звуков [o], [o^b], [ɤ^o], [ɤ], а фонема /*а*/ в звуках типа [a].

Однако описание фонетических особенностей говоров КСВ все же нельзя считать исчерпывающим: многие наблюдения носили спорадический характер, зачастую выводы делались на основе анализа речи небольшого числа диалектоносителей. Думается, слуховой анализ здесь может подвести исследователя и дать повод для сомнений относительно точности фиксируемых фактов. Как и утверждение о том, что «приглушенное» оканье не может быть следствием влияния на говор литературного языка на том основании, что литературный язык не знает [o] в 1-ой позиции. Дело в том, что региолект, бытующий на территории КСВ, не исключает появления звука [ɤ] в 1-ой позиции.

А. М. Красовицким и К. Саппоком (2001) высказывалось мнение о том, что под влиянием других языков в старожильческих говорах система оканья разрушена и заменена принципом лабиальной гармонии с «настройкой» по ударному слогу. Подобная система, по их мнению, существует в низовьях Индигирки и Колымы. Данное утверждение нуждается в серьезной проверке с использованием материалов всего массива старожильческих говоров. Очевидным является лишь тот факт, что говоры старожилов в их современном состоянии трудно однозначно отнести к оказавшим или акающим, хотя [o] в безударном положении после твердых согласных встречается

не только в первом предударном слоге, но и в заударных слогах: *в вод'е́, дома́, бо́льшой, охóтн'ик, потóм, sóрок, ш'ьповало́ва, матв'ийе́нко, мно́го, ма́рково, постóй, само́л'оты* и т.п., что скорее характерно для полного оканья. При этом количество отступлений от «классического» оканья достаточно велико (*рад'и́лас'а, рад'и́т'ел'и, младо́й, х'ьрашо́* и т.п.), а установить четкую взаимосвязь между характером предударного гласного и его фонетическим окружением исследователям пока не удалось. Обратим внимание на то, что [o] в безударном положении встречается как на месте /o/, так и в тех случаях, когда установить статус фонемы не представляется возможным (то есть на месте гиперфонемы).

Неоднозначной является и ситуация с установлением характера безударного вокализма после мягких согласных. Общепризнанным является мнение о том, что старожильческие говоры в этом отношении являются екающими. И действительно, в речи носителей диалекта наблюдается произношение в 1-м предударном слоге после мягких согласных на месте /a/, /o/, /e/ звука [e]: *в'ец'о́рк'и, л'ета́л'и, б'ер'о́за, т'ьнц'е́ва́л'и, н'езд'е́лат', ц'е́во, ч'етв'о́рт'ьв'ь*. Звук [e] проявляется и в других предударных слогах: *п'ет'еры́м, с'ем'ис'ил'е́т'ий'ь* (семидесятилетие). В то же время как в других словах (а иногда и в тех же самых) в этой же фонетической позиции произносится [и]: *в'иц'о́рк'и, матв'ийе́нко, л'и́та́л'и, фс'и́гда́, м'и́н'а́, н'иц'о́* (ничего). Чаше [и] произносится в положении перед мягким согласным, но эта закономерность проявляет себя не во всех случаях, что свидетельствует о слабом характере еканья в данном говоре и его постепенном переходе к иканью. Любопытно то, что среди говоров КСВ уже А.М. Селищев выделял икающий говор села Марково. Нельзя исключать, что изменение в сторону иканья в этом говоре произошло раньше, чем в других говорах того же ареала.

Проведенные нами наблюдения показывают, что основа старожильческих говоров была заложена еще до появления русских на КСВ России. Особенности безударного вокализма, связывающие старожильческие говоры с другими территориями, не могли сформироваться только в процессе усвоения народами Севера русского языка.

ПРОБЛЕМА ИЕРАРХИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Переход от рассмотрения звука речи в чисто артикуляционно-акустическом плане к его рассмотрению в «человеческом измерении» с появлением понятия фонемы как «общего представления звука» был по сути дела первым прорывом лингвистики в ту парадигму, которая позднее получила название антропоцентризма [Осипов 2013: 4-10]. Психологический подход к языку позволил И. А. Бодуэну де Куртенэ понять, что человек оперирует именно этим самым «общим представлением звука», но психологизм не позволил по-настоящему уяснить, как же это общее представление формируется [Бодуэн де Куртенэ 1899]. Это, как известно, сделали на базе функционального подхода ученики и последователи Бодуэна — Л. В. Щерба [Щерба 1912] и Н. С. Трубецкой [Trubetzkoy 1939], которые определили фонему как класс звуков, тождественных по составу смыслоразличительных (дифференциальных, релевантных) признаков.

Но вскоре встал вопрос о том, является ли фонема единственной единицей фонологии. Уже в известной работе Н. С. Трубецкого появляется понятие о более абстрактной единице фонологического характера — архифонеме, единице, учитывающей не только состав дифференциальных признаков, но и их позиционную представленность. Правда, детальной разработки этот вопрос не получил: в «Основах фонологии» ему посвящено всего пять страниц, а в других работах по фонологии он долгое время не затрагивался.

Но в московской лингвистической школе в 30-х годах возникает пристальное внимание еще к одной фонологической единице — к ряду (цепочке, группе) позиционно чередующихся звуков. О том, что это вполне реальная единица, так или иначе осознаваемая носителями языка, свидетельствует хотя бы факт сложения русской орфографии на основе необозначенности позиционных изменений фонем в ходе развития языка [Осипов 2010]. К сожалению, в этом пункте произошел терминологический сбой, который надолго вовлек отечественных фонологов в напряженную, но совершенно непродуктивную дискуссию. По какой-то причине не разобравшись, что называли фонемой

Л.В. Щерба и Н.С. Трубецкой, основатели московской фонологической школы присвоили ряду, образуемому позиционно чередующимися звуками, наименование фонемы [Аванесов, Сидоров 1945]. Возникла омонимия терминов, до наших дней сбивающая с толку многих и многих занимающихся фонетическим строем русского языка. О непонимании же термина «фонема», как он толкуется у оппонентов, свидетельствуют упреки «москвичей», будто оппоненты объединяют звуки в фонемы по их произносительному сходству. Возник также вопрос, как определять фонемную принадлежность звука в слабой позиции, если соответствия в сильной позиции нет (как у безударного гласного в слове *топор*) или, наоборот, соответствий два или более (как у безударного гласного в слове *колоть* — ср. *колет* и *раскалывать*). Для этих случаев был введен термин «гиперфонема».

Ну, а что же с понятием архифонемы? Затронув важный и тоже вполне ощущаемый языковым сознанием вопрос о том, как влияют на дифференциальные признаки позиционные условия реализации фонемы, Н.С. Трубецкой ограничился, к сожалению, только лишь случаями нейтрализации, то есть слабыми позициями фонем. Более широко, применительно ко всем позициям, рассмотрел этот вопрос в 50-х годах один из наиболее ярких представителей московской школы Р.И. Аванесов, который ввел понятие сильных и слабых фонем — увы, опять-таки фонем [Аванесов 1956]. Кроме того, Р.И. Аванесов ввел термин «фонемный ряд» (позиционно чередующиеся «сильная фонема» и «слабая фонема»). Этот термин («фонемный ряд») принял ученик Л.В. Щербы Л.Р.Зиндер (хотя и в несколько иной трактовке [Зиндер 1960]). К сожалению, этим и ограничилась проработка вопроса о более абстрактных, чем фонема, фонологических единицах в щербовской школе.

Выход из терминологического тупика как будто наметил в конце 60-х годов М.В. Панов, который в своей монографии «Русская фонетика» [Панов 1967] предложил именовать ряд позиционно чередующихся звуков парадигмо-фонемой, а фонему, оцененную с точки зрения наличия или отсутствия нейтрализации — синтагмо-фонемой. Но тот факт, что М.В. Панов продолжал упрекать сторонников Л.В.Щербы в определении фонемной

принадлежности звуков по их произносительному сходству, вызвало отторжение его работы в щербовской школе, а то, что он присвоил «классическим» московским фонемам иные названия, вызвало протест у привыкших к прежней терминологии «москвичей», так что в 70-е годы М.В. Панов вернулся к прежней московской трактовке [Панов 1979].

Для понимания отношений между произносительной и функциональной стороной фонетической системы языка существенную роль сыграло понятие о различии не только между фонемой и ее физическим коррелятом (звуком), но и о различии между дифференциальным признаком и его физическим коррелятом (тем или иным произносительным качеством). Этот вопрос получил обстоятельное освещение в работах представителей щербовской школы второй половины XX века, особенно в работах Л.В. Бондарко [Бондарко 1981, 1998]. Почему, например, первый гласный в слове *голубой* — аллофон фонемы <a>? Ведь если уж говорить о произносительном сходстве, то сходство между [ъ] и [а] не больше, чем сходство между [ъ] и [ы] или, скажем, между [о] и [у]. Дело же в том, что [ъ] — самый широкий звук, возможный на второй ступени редукции, а потому его средний подъем выступает как физический коррелят дифференциального признака «нижний подъем» для данной позиции [Маслов 1987: 81–67].

Подводя итог, нельзя не прийти к следующим выводам. По сути дела щербовская и московская фонологические школы не противостоят, а дополняют друг друга. Школа Щербы, тщательно изучая фонему и ее физические корреляты, не уделила достаточного внимания более абстрактным фонологическим единицам. Московская школа, наоборот, сосредоточив внимание на более абстрактных единицах, в сущности не изучала фонему как таковую. С учетом сказанного иерархия фонологических единиц предстает следующим образом: 1) фонема — класс звуков, объединенных тождеством дифференциальных признаков; 2) парадигмо-фонема — ряд позиционно чередующихся звуков в морфеме; 3) синтагмо-фонема — фонема, охарактеризованная с точки зрения наличия или отсутствия нейтрализации дифференциальных признаков. Так, в начале и в конце слова *тост* фонема одна и та же (<т>), парадигмо-фонема — тоже

одна (тоже <т>, поскольку в последнем случае и в сильной, и в слабой позиции имеем ряд [т] — [т], ср. *тосты*), а вот синтагма-фонемы — разные (<т₄> и <т₃>), если воспользоваться цифровыми индексами М. В. Панова: в конце слова нейтрализованы глухость и звонкость, так что глухость не входит в состав синтагма-фонемы) [Богомазов 2002, Соколянский 2010, Киров 2012].

Принятие такого иерархического ряда фонологических терминов избавило бы от множества недоразумений и непродуктивных споров между отечественными школами фонологии [Осипов 2014].

Литература

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. Ч. 1. Фонетика и морфология. С. 39 — 64.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Богомазов Г. М. Фонемы щербовской фонологии и фонемы МФШ как элементы двухуровневой и иерархически организованной системы русского языка // Аванесовские чтения. М., 2002.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Фонема // Избр. тр. по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. С. 351 — 352.

Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981;

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1960. С. 48.

Киров Е. Ф. Рец.: Ганиев Ж. В. Современный русский язык: Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2012 // Русский язык в школе. 2012. № 4.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1987. С. 61 — 62.

Осипов Б. И. Судьбы русского письма. М. — Омск, 2010.

Осипов Б. И. Теория фонемы — антропоцентрический аспект фонетики. (Размышления над книгой В. В. Колесова «Русская историческая фонология») // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 4–10.

Осипов Б. И. К истории языка, письма и культуры: Избранные статьи. Омск, 2014. Т. 1: Развитие языка и методика его преподавания. С. 336 — 346.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка. Магадан, 2010.

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie. Wien, 1939. (Рус. пер. — М., 1960).

М. Б. Попов (Санкт-Петербург)

ЕЩЕ РАЗ О САКРАМЕНТАЛЬНОМ ВОПРОСЕ РУССКОЙ ФОНОЛОГИИ: ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС [ɨ]

1. О фонематической самостоятельности [ɨ] высказывались уже основоположники фонологии. Бодуэн, как и большинство фонологов после него, считал [i] и [ɨ] аллофонами одной фонемы. Основанием для такого решения является дополнительная дистрибуция [i]/[ɨ] и возможность их регулярного чередования ([i] *грать* — *по*[ɨ]*грать* — *перестань* [i]*грать*, но с[i]*грать* — *стал* [ɨ]*грать* и т. п.). Щерба, не отрицая ни самих фактов, ни теоретических положений, на которые опирался Бодуэн, тем не менее, не принял его главного вывода, поскольку дополнительная дистрибуция [i] и [ɨ] не является полной, что в принципе необходимо для их признания аллофонами одной фонемы. Щерба считал, что наличие слов с начальным [ɨ] (ср. название буквы «ы», термины *ыкать* и *ыканье*, противопоставленные терминам *икать*, *иканье*), и речевое поведение носителей языка, а именно их способность легко изолировать начальное [ɨ], достаточны для признания того, что в современной системе гласных русского языка фонема /i/ еще сохраняется.

2. К приведенным выше словам с начальным /i/ в настоящее время можно добавить около полусотни заимствований: ср. *Ыныкчан*, *Ыныкчанский* (поселок в Якутии), *ысыах* (праздник

лета — якутский национальный праздник), *Бйсон* и *Бйджу* (города в Корее), *Бльчи Мундók* (корейский государственный деятель и полководец VI–VII вв.), *Бспарта* (город в Турции, до недавнего времени была принята транслитерация *Испарта*, ср. турец. *Isparta*), *Бзар* (село в Киргизии), *Бйзу* (поселок в Эстонии), *Брбан* (село в Туве) и др. Противники фонемы /i/ выдвинули контраргумент: заимствования с начальным [i] нельзя привлекать для определения фонемного инвентаря языка-реципиента, так как они отражают не русскую фонологическую систему, а особенности фонологической системы языка-донора. Но даже если принять существование особой фонологической подсистемы необщепотребительных слов, характеризующейся специфическими особенностями реализации фонем, то трудно согласиться с тем, что такая подсистема отличается от других подсистем в отношении состава фонем. Однако кроме малоосвоенных заимствований с начальным [i] в пользу фонематической самостоятельности [i] свидетельствуют и некоторые факты современного произношения исконно русских слов и некоторых достаточно освоенных заимствований.

3. К таким фактам относится, например, ненормативное произношение [i] на месте этимологического [i] в начале слова. Таково, например, произношение ['irkə] *Ирка*, [u'irk'i] у *Ирки* вместо нормативного ['irkə], [u'irk'i] с начальным /i/ вместо /i/ под ударением. Причины замены [i] на [i] в данном случае очевидны: такая замена происходит под влиянием стороны предложно-падежных и сандхиальных форм: ['sirkəj]=/s irkaj/ с *Иркой*, ['kirk'i]=/k irk'i/ к *Ирке*, ['vo'irkə]=/vot irka/ вот *Ирка*. Это такой тип изменения в фонемном составе словоформ, который в диалектической лингвистике традиционно называется «изменением по аналогии», или морфонологической индукцией. Встречаются и случаи письменной фиксации такого ненормативного произношения (например, подпись девочки под письмом в редакцию газеты — «Ваша Ырка»). Отражение такого произношения встречаются и в художественных текстах. Яркий пример такого рода дает проза В. Шефнера: ср. «Но нет, на этот раз в дверях показалась тетя Ыра, жиличка из комнаты, что рядом с кухней. Когда-то в этой квартире жила девочка, которая не выговаривала букву «и». Девочка выросла, вышла замуж и переехала. А тетя Ира навсегда

осталась тетей Ырой.» (*Сестра печали*, 1968). Речь идет, конечно, не о «невывоаривании» буквы «и», как это интерпретирует рассказчик, а именно о замене «по аналогии» /i/ на /i/. Что касается произношения детьми /i/ вместо /i/, то логопедам об этом ничего не известно, — встречаются как раз обратные случаи.

4. Еще одним примером морфонологической индукции является возникновение форм с [i] в словах с безударным начальным «э», которые, будучи освоенными заимствованиями, должны в нейтральном и непринужденном стиле речи произноситься с начальным /i/: [i]таж, [i]кономика, [i]лита и т. п., которые появились по аналогии с к [i]тажу, с [i]кономикой, крах [i]литы и т. п. На письме произношение с [i] также отражается, что свидетельствует об осознанности его носителями языка, а характер контекстов указывает, что такое начальное [i] выступает как маркер недостаточного владения нормативным произношением и осуждается: ср. *постольку, поскольку их ыликторат способен просирать нефть; ивроппе ымбарги типа 70х не нужны...; сколько всяких блатных вузов со специализациями Ыкономика и Финансы ...А толку от них как от дырявого ведра...* и т. п. (примеры из интернет-форумов). Хотя в орфоэпической литературе имеются попытки кодификации подобного «ыканья», их следует признать преждевременными.

5. Вместе с тем факты письменной фиксации живого произношения с начальным [i] существенны для решения вопроса о фонемном статусе [i], поскольку, как известно, на письме отражаются только фонологически существенные различия. Еще более показательно для оценки фонологического статуса [i] происхождение форм типа [iɾkə] *Ирка* и [iɾaʃ] *этаж* в процессе морфонологической индукции, поскольку участвовать в процессах морфонологической индукции могут только самостоятельные фонемы, но не аллофоны фонем. Соответственно факты перенесения [i] по аналогии в фонетическую позицию абсолютно-го начала слова, которую в норме занимает [i], однозначно указывают на отсутствие дополнительной дистрибуции [i]/[i], что свидетельствует о фонологическом противопоставлении /i/ и /i/ в системе русского вокализма.

6. Рассматриваемая проблема имеет и диахронический аспект. Даже фонологи, которые признают фонематическую

самостоятельность /i/ (Щерба, Зиндер и др.), полагают, что /i/ в процессе эволюции русской фонологической системы, прежде всего вследствие возникновения корреляции по мягкости/твёрдости, функционально сблизилась с /i/ и оказалось с ней в отношениях, близких к дополнительной дистрибуции, что создало условия для слияния /i/ и /i/ в одну фонему, но оно еще не произошло, а /i/ сохраняет свою самостоятельность «пережиточно». Однако нет никаких оснований соглашаться с такой точкой зрения. Кроме всего прочего, против этого свидетельствует такой, казалось бы, малозначительный факт: замена старого ([je'ri] «еры») названия буквы *ы* на новое ([i] «ы») осуществлялась именно тогда, когда уже сложились все необходимые формальные условия для слияния /i/ и /i/ в одну фонему.

Р. К. Потанова, В. В. Потанов (Москва)

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СИСТЕМ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «ТЕКСТ — РЕЧЬ»
(НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

При разработке систем искусственного интеллекта с элементами языкового общения обычно предполагается, что в качестве основного средства общения используется письменная речь. Однако, в силу многих причин, это не всегда удобно, а во многих случаях и неэффективно. Установлено, что для человека наиболее удобным и естественным способом обмена информацией является устная речь. Выявлено, что при таком способе общения человек делает меньше ошибок, устаёт в меньшей степени, быстрее реагирует, а скорость обмена информацией выше, чем при других способах — визуальном, тактильном, тонально-звуковом.

Повышение роли человека как элемента производственных и экономических процессов привело к созданию и интенсивному развитию научно-технической области — речевой технологии и речевой информатики. Речевая технология связана с разработкой систем речевого общения, включающих системы

автоматического распознавания и синтеза речи, распознавания (идентификации) и подтверждения (верификации) диктора, диагностики заболеваний по речевому сигналу, эффективной и помехоустойчивой передачи речи по телефонным каналам и др. В основе речевой технологии лежат фундаментальные исследования свойств речевого сигнала, процессов речеобразования и восприятия, связи между речью и мышлением.

Если не затрагивать общих проблем естественно-языкового общения, которые связаны с пониманием речи, то специальными проблемами, стоящими перед разработчиками систем речевого общения, становятся проблемы создания преобразователей «текст — речевой сигнал» и «речевой сигнал — текст».

В системах естественно-языкового общения под текстом обычно понимают орфографический или буквенный (как пишется) текст, в системах речевого общения — это «фонемный» (как «слышится») текст. В создании преобразователей орфографического текста в фонемный и наоборот не существует особых проблем, хотя сложность таких преобразователей для разных языков будет различной (например, для русского и английского). Поэтому применительно к системам речевого общения можно ограничиться проблемами разработки преобразователей «цепочка ‘фонем’ — речевой сигнал» и «речевой сигнал — цепочка ‘фонем’».

Если учесть, что на речевой звук накладывается множество экстралингвистических факторов: индивидуальные особенности речи и голоса, эмоциональное и физическое состояние говорящего, электроакустические характеристики среды и тракта передачи, а также шумы, помехи и искажения, то сложность проблемы, стоящей перед разработчиками систем речевого общения, становится очевидной.

В докладе представлен материал, включающий разработку таких проблем, как формирование словарей синтеза речи, создание методов синтеза неограниченного словаря, правил анализа устно-речевого текста, представления матрицы формантных структур речевого сигнала, просодической организации текста и т. д.

Исследование проводилось на материале американского варианта английского языка и имело непосредственное отношение к разработке системы преобразования «текст — речь».

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ СТИЛЯХ РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Хотя проблема изучения фонетических стилей занимает одно из центральных мест в фоностилистике, до сих пор не существует общепризнанной трактовки понятия «произносительный стиль», окончательно не сложилось представление о составе произносительных стилей русской звучащей речи.

В отечественной лингвистике можно выделить несколько этапов в осмыслении сущности понятия «произносительный стиль». На первом этапе, который нашел отражение в работах старших языковедов — Л. В. Щербы, Р. И. Аванесова, М. В. Панонова, эта категория фоностилистики трактовалась как явление, связанное с особенностями произнесения слов, поэтому при описании произносительных различий русской звучащей речи учитывались только ее сегментные характеристики. Кроме того, старшими языковедами признавалось существование особых лингвистических характеристик, присущих тому или иному языковому стилю на всех уровнях, включая фонетический, иными словами, произносительный стиль рассматривался как фонетический эквивалент стиля функционального.

Такой подход соотносим с существовавшей в первой половине XX века западной традицией осмысления понятия «произносительный стиль», представленной, например, в работах Ш. Балли и Д. Джоунза и лежащей в основе ряда описаний номенклатуры произносительных стилей современного русского литературного языка.

Второй этап в эволюции представлений о сущности произносительного стиля связан с осознанием необходимости привлечения при его описании данных суперсегментной фонетики, что находит отражение в рассуждениях о средствах стилистического варьирования русской звучащей речи, а также в определении понятия «произносительный стиль» как комплекса звуковых и интонационных средств.

Различные подходы к определению понятия «произносительный стиль», существующие в отечественной традиции фоностилистического изучения русской звучащей речи, обуславливают

и отсутствие единства в представлениях исследователей о ее стилистической дифференциации. Так, Л.В. Щерба различал полный и разговорный стили; Г.О. Винокур — два варианта образцового произношения — более строгое и менее строгое; по мнению Р.И. Аванесова, Л.Л. Касаткина, Н.К. Пироговой, система произносительных стилей имеет трехчастную структуру и включает высокий, нейтральный и разговорный стили; Г.Н. Иванова-Лукьянова предлагает дифференцировать 4 функционально-стилистических типа звучащих текстов.

Предлагаемая нами система произносительных стилей русского литературного языка базируется на трактовке фоностиля как совокупности интонационно-звуковых средств, отбор и специфика которых обусловлены взаимодействием таких экстралингвистических факторов, как сфера функционирования; регистр общения (официальный/неофициальный); соотношение смыслового и эмоционального содержания речи; форма речи (монологическая или диалогическая); подготовленность/спонтанность речи; наличие либо отсутствие письменной основы.

Различное соотношение экстралингвистических факторов дает основание выделить 7 произносительных стилей, актуальных для современной звучащей русской речи. В их числе деловой, информационно-публицистический, рекламный, декламационный, религиозно-проповеднический, разговорный и нейтральный стили.

Каждый произносительный стиль отличается особенностями звучания, которые создаются сочетанием звуковых и интонационных средств. Их описание дает целостное представление о стилистической системе русской звучащей речи.

Е. И. Риехакайнен (Санкт-Петербург)

ПРИТЧА О ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ¹

В фонологических исследованиях неоднократно указывалось на то, что русские согласные /v/ и /v^j/ (лишь парадигматически проявляющие свою звонкость) проявляют свойство

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-02042.

фонологической прозрачности для ассимилятивных процессов — в консонантных кластерах эти согласные не препятствуют озвончению предшествующего им согласного под воздействием последующего (например: *к вдове* [gvd-] и т. д.; см. обзор соответствующих работ в [Андронов 2011]). А. В. Андронов отмечает аналогичное свойство фонологической прозрачности у фонем /ts/, /tɕ/, /x/, /xʲ/ и /ɕ:/, проявляющих свою глухость лишь синтагматически, ср. *мышц бы* [mizʑbi]. Эта гипотеза, по-видимому, входит в круг тех проблем и вопросов, которые обсуждаются с точки зрения фонологии, но до сих пор не имеют экспериментального подтверждения.

С целью проверить это предположение и, возможно, тем самым прояснить фонологическую природу анализируемых согласных был составлен связный текст (объемом 661 словопотребление), который содержал 21 фонетическое слово с интересующими нас последовательностями согласных. Первыми компонентами фонетических слов являлись словоформы, заканчивающиеся на буквосочетания -*vx*, -*кч*, -*кх*, -*тх*, -*иц*, -*тч*, -*сх* (например, *притч*, *нивх*, *ветх* и т. д.). В качестве энклитики во всех фонетических словах выступала одна из трех частиц: *бы*, *де* или *же* (например, *притч бы*, *нивх-де*, *ветх же* и т. д.). Таким образом, внутри фонетического слова возникал консонантный кластер, состоящий из трех фонем, последняя из которых, по предположению А. В. Андропова, могла влиять на первую, вызывая чередование глухого со звонким, несмотря на наличие между ними глухого согласного.

Текст был прочитан 18 испытуемыми — студентами-филологами первого курса, среди которых было 10 девушек и 8 молодых людей. В ходе пилотного исследования, результаты которого будут представлены в докладе, был проведен инструментальный и слуховой анализ фрагментов речевого сигнала, содержавших интересующие нас звуко сочетания.

Сочетания с частицей *де*, к сожалению, оказались лишь отчасти подходящими для решения поставленной в исследовании задачи, поскольку в большинстве случаев дикторы делали паузу между существительным (или прилагательным) и частицей (по-видимому, из-за непривычности сочетаний), что препятствовало возникновению ассимиляции первого согласного

в консонантном кластере на конце существительного или прилагательного под воздействием начального согласного частицы.

В целом, полученные результаты свидетельствуют о потенциальной возможности ассимиляции первого согласного в консонантном кластере под воздействием последнего (например, именно таким образом дикторы произносили фонетическое слово *мышц бы* [mizʒbi]). Однако примеры, в которых не произошло изменения первых двух согласных в кластере под воздействием третьего (например: *сикх же* [s'ikxʒɛ] и другие фонетические слова с /x/ в середине консонантного кластера), также оказались частотными в нашем материале.

В докладе планируется не только детально проанализировать результаты, полученные в ходе конкретного экспериментально-фонетического исследования, и выявить факторы, которые могут влиять на особенности произнесения рассматриваемого консонантного кластера, но и обсудить более принципиальный вопрос, касающийся методологии экспериментальной проверки предположений, выдвигаемых в фонологических работах на основании субъективных ощущений.

Литература

Андронов А. В. К проблеме фонологической прозрачности в сочетаниях согласных // *Лингвистика от Востока до Запада. В честь 70-летия В. Б. Касевича: Сборник статей.* СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 107–112.

Л. В. Савинич (Москва)

ПРОСОДИЯ СТИХОВ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В работе анализируются просодические особенности стихотворений, записанных на восковых валиках С. Бернштейном, основателем аудиоархивистики. Рассматриваются ритм, фразовая акцентуация [Кодзасов 2009: 364–373], интенсивность, паузация, темп, мелодика, которая практически не исследовалась. При обработке звучащих стихотворений использовалась

компьютерная программа Speech Analyzer. Все примеры сопровождаются аудиозаписью.

В условиях лимитированного объема, мы предлагаем вашему вниманию два примера, сжато характеризующих просодическое своеобразие декламирующего поэта.

Ритм и паузация

Необходимо отметить, что в стихосложении параллельно с привычным размером стиха — метром (основанным на чередовании ударных и неударных слогов) — как бы накладывается «вторичный ритм» (чередование часто ударных и редко ударных стоп) [Гаспаров 1993: 78].

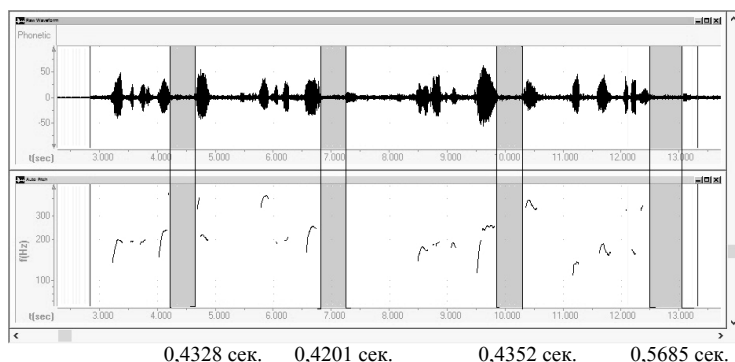
Стихотворение «Сегодня дурной день» написано двустопным амфибрахией (трехсложный размер с ударением на 2-м слоге):

Сегодня дурной день, xXx xXX
Кузнечиков хор спит, xXx xXX
И сумрачных скал сень xXx xXX
Мрачней гробовых плит. xXx xXX

В схеме «вторичного ритма», во 2-й стопе, последний слог, вместо ожидаемого безударного, — всегда ударный. Таким образом, в конце строки сталкиваются два ударных слога. Между ними поэт выдерживает продолжительную паузу. Обязательные акценты на 2-й стопе и словораздел (т.е. пауза после ударной стопы перед завершающим акцентом) — последовательность, которая абсолютно выдержана в стихотворении и настраивает читателя на ожидание следующего словораздела как цезуры, т.е. постоянного словораздела внутри строки, повторяющийся в стихотворении и облегчающий восприятие его ритма [Гаспаров 1993: 70]. В отсутствие паузы ритмическая композиция стиха меняется. На Тонограмме 1 указаны продолжительности пауз в секундах.

Мелодика стиха

Анализ основывался на концепции Б. Эйхенбаума [Эйхенбаум 1969: 327–511] о мелодике русского лирического стиха. Мелодикой называется «совокупность мелодических закономерностей и специфических черт, проявляющихся в отдельном произведении» [Кодзасов 2009: 511].

Тонограмма 1

Рассмотрим стихотворение «Я по лесенке приставной», написанное 3-х стопным анапестом (с ударением на третьем слоге):

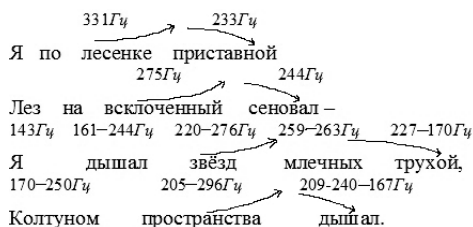
Я на лесенке приставной ххX ххх хX
 Лез на включенный сеновал – ххX ххх хX
 Я дышал звезд млечной трухой, ххX Ххх хX
 Колтуном пространства дышал. ххX хXх хX

Схема «вторичного ритма» фиксирует два акцента на 1-й и 3-й стопах (в 3-й и 4-й строках возникает третий акцент).

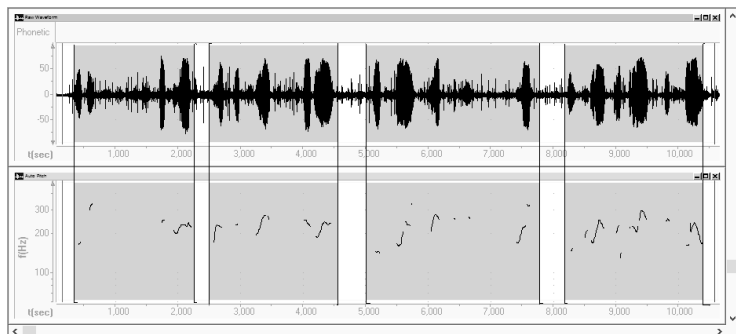
Ритмическая схема всего стихотворения неоднородная: в 1-й строфе все строки заканчиваются ямбической стопой, с конечным ударным слогом – ударной константой [Гаспаров 1993: 60]. В мелодике данного стиха завершающая стопа звучит с акцентом нисходящего тона. Первый же ритмический акцент строки сопровождается восходящим тоном и приходится или на первую стопу, или на вторую стопу (как в 3-й и 4-й строках). Аналогичный интонационный рисунок, подобный напеву, сохраняется практически в каждой строке стиха¹. Ниже приводятся показания колебаний частоты тона в герцах² над акцентоносителями первого черверостишия.

¹ Если обратиться к музыкальной терминологии, то слышимая «напевность» звучит в наиболее естественном среднем регистре человеческого голоса: начинается с ноты *фа* малой октавы, повышается до ноты *ре бемоль* 1 октавы (интервал *малая секста*), затем опускается на *малую терцию* до ноты *си бемоль* малой октавы.

² Герц (Гц) — частота периодического процесса, при котором за время 1 с. происходит 1 цикл процесса.

На Тонограмме 2 сегменты соответствуют каждой строке строфы. На нижней панели 1-го сегмента отчетливо выделяется кривая основного тона, соответствующая словоформе *приставной*, с повышением тона на ударном слоге и ровным движением после ударного слога по типу ИК-6 [Брызгунова 1980], маркируя незавершенность [Янко 2008: 128-163].

Я по лесенке приставной Лез на включенный сеновал — Я дышал звезд млечных трухой, Колтуном пространства дышал.

Тонограмма 2

Во втором сегменте два тональных пика словоформ (*лез* и *включенный*) фиксируют повышение тона на ударных слогах и понижение на заударных, если они есть, по типу ИК-3. Третий пик (*сеновал*) отражает повышение на ударном слоге, дальнейшее небольшое понижение и ровное движение тона по типу ИК-6, маркируя незавершенность. Третий и четвертый сегменты повторяют рисунок предыдущих, кроме последнего акцента на словоформе *дышал*, на которой тон повышается на предударном слоге, а затем понижается на ударном по типу ИК-1,

маркируя конец предложения. Рассмотренная интонационная фигура строки соотносится с «вторичным ритмом» стихотворения. В других стихах поэта мелодика может давать более сложный рисунок движения тона, при этом обязательно сохраняя определенную последовательность в каждой строфе.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980., с. 96–122.

Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993.

Кодзасов С. В. Просодия стиха // Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009., с. 361–397.

Музыкальная энциклопедия.— М.: «Советская энциклопедия», 1976, т.3., с. 511.

Эйхенбаум Б. Мелодика русского лирического стиха // О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969., с. 327–511.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.

Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова (Москва)

СОВРЕМЕННАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ КРАТКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СВЕТЕ ДИАХРОНИЧЕСКИХ ДАННЫХ¹

1. Как известно, в русском языке полные формы прилагательных имеют только неподвижное ударение. Подвижное ударение, а соответственно, и акцентологическая вариативность, свойственны кратким прилагательным. Для того чтобы выяснить основные закономерности этой вариативности, а также для уточнения орфоэпических правил кодификации ударения мы провели серию экспериментов и исследовали непроеизводные

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00378а «Активные процессы в просодической системе русского языка на современном этапе его развития».

односложные прилагательные, которые имеют акцентные варианты в кратких формах ж. и ср. родов ед.ч., мн.ч., а также в форме простого компаратива.

Большинство ученых рассматривают орфоэпию только с нормативных позиций, что предполагает сугубо синхронное изучение языковой системы. Однако М. Л. Каленчук показала, что существуют два основных критерия, которые необходимо принимать во внимание, кодифицируя нормы произношения: распространенность варианта в речи образованных людей и соответствие внутреннему языковому закону или тенденции. Второй критерий предполагает выход за рамки чисто синхронного описания произносительной системы. Именно поэтому комплексный анализ полученного экспериментального материала предполагал и его диахроническое исследование, что было необходимо для определения основных тенденций развития акцентуации кратких прилагательных.

2. В древнерусском языке у нечленных форм прилагательных существовало три акцентных парадигмы: *a*, *b* и *c*. Развитие морфологической системы имени в русском языке связано с категорией рода, что доказала в своих работах М. В. Шульга. С категорией рода оказывается связанным и развитие акцентной системы кратких форм прилагательных. Если сравнивать древнерусские и старорусские данные, представленные в работах В. В. Колесова и А. А. Зализняка, с материалами, полученными в ходе эксперимента, то можно увидеть, что основные отличия заключаются в следующем: в современной системе практически все краткие прилагательные в форме ж.р. имеют ударение на флексии (чаще — как основной, реже — как факультативный вариант). Ударение на основе как единственно возможное в этой форме зафиксировано только у малоупотребительных слов, которые исконно относились к парадигме *a* (у некоторых слов парадигма в диахроническом плане не определена): *áла*, *níща*, *ру́са*, *сѣ́ра*, *я́ра*. Например, парадигма *a* для кратких форм прилагательного *нищий* реконструируется не только по древнерусским и старорусским памятникам, но и устойчиво сохраняется в XVIII–XIX веках, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка. Проведенный эксперимент показал, что форма *ни́ща* с наосновным ударением характерна для речи 90% респондентов старшей и средней возрастных групп

и 80% младшей группы. Орфоэпический словарь русского языка под редакцией Р. И. Аванесова (далее ОС) кодифицирует варианты *ни́ща* и *нищá* как равноправные, что некорректно как с точки зрения синхронии, так и с точки зрения диахронии.

В целом, грамматикализация наконечного ударения у кратких прилагательных ж.р. продолжается и сегодня, поэтому в этой форме у многих прилагательных отмечается вариативность. Можно отметить, что у некоторых прилагательных в краткой форме ж.р. в речи респондентов младшей возрастной группы по сравнению со старшей увеличивается процент произнесений с ударением на основе: *бу́рна* (0% ст., 20% ср., 50% мл.), *зна́тна* (20% ст. и ср., 40% мл.), *бо́йка* (20% ст., 50% ср., 70% мл.). У других — этот процент уменьшается: *ле́стна* (100% ст. и ср., 80% мл.), *лю́дна* (80% ст. и ср., 60% мл.), *стра́тна* (40% ст. и ср., 10% мл.), *шу́мна* (70% ст., 40% ср., 10% мл.). Есть прилагательные, в которых ударение от поколения к поколению движется «волнообразно», т. е. данные старшего поколения ближе к данным младшего, чем среднего: *дро́бна* (30% ст., 70% ср., 50% мл.), *дю́жа* (90% ст., 70% ср., 90% мл.), *свя́та* (90% ст., 60% ср., 80% мл.).

3. Краткие прилагательные в форме ср.р., как правило, имеют ударение на основе. Существует небольшое количество прилагательных, которые допускают в этой форме вариативность, то есть могут произноситься как с наосновным, так и с флексийным ударением: *пестро́* и *пёстро*, *узко́* и *у́зко*. В подавляющем большинстве случаев они относятся к древней парадигме *b*. Иначе говоря, в словах, исконно относившихся к этой парадигме, идет постепенный перенос ударения с флексии на основу, что связано с актуализацией описанного выше противопоставления форм ж. и ср. родов.

Следует отметить, что инновации в исконной парадигме *b* (при стабильном сохранении парадигм *a* и *c*) фиксируются в ряде древнерусских и старорусских памятников. О том, что варианты произношения в парадигме *b* существуют уже длительное время, свидетельствуют также материалы НКРЯ. По данным проведенного эксперимента, в современном русском литературном языке практически нет односложных прилагательных, сохраняющих эту парадигму в чистом виде. Есть лишь небольшая

группа слов, сохраняющих следы исконной парадигмы *b*: *доб-рый, пёстрый, узкий, белый, жёлтый, чёрный, серый*. ОС кодифицирует для прилагательных *добрый, жёлтый, узкий* парадигму *c/c₁* (*добра́, добро́, добры́ и добры́*), а для прилагательного *серый* — парадигму *c* (*се́ра, се́ро, се́ры*), что противоречит как языковой тенденции, так и распространенности соответствующих вариантов в речи современных носителей.

4. По данным эксперимента, для форм мн.ч. характерно широкое акцентное варьирование. Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что в ряде случаев эта вариативность существовала уже в XVIII–XIX веках. Возможно, появление акцентных вариантов в форме мн.ч. связано с актуализацией в старорусском языке противопоставления атрибутивной и предикативной функций кратких форм прилагательных: накоренное ударение было характерно для предикативных сочетаний, флексийное — для атрибутивных (Колесов, с. 356). В дальнейшем краткие прилагательные утратили синтаксическую функцию определения, однако вариативность в формах мн.ч. сохранилась. Возможно, такая устойчивость вариативности связана с тем, что в отличие от форм в ед.ч., где существует тенденция к родовому закреплению места ударения, формы мн.ч. не имеют определенной тенденции к унификации акцента на гласном основы или флексии.

Исследователи пытаются найти факторы, объясняющие появление в краткой форме мн.ч. различных прилагательных того или иного акцентного варианта. Например, М. С. Суханова пишет: «В языке возможно сосуществование нормативных вариантов одного и того же слова при отсутствии смысловой и стилистической дифференциации между ними (*го́рды — горды́*), однако чаще при наличии такой дифференциации» (с.5). При этом автор не объясняет, чем обусловлена эта дифференциация. Некоторые исследователи объясняют вариативность в формах мн.ч. грамматическими или семантическими факторами, пишут о степени освоенности и употребительности. Однако, как показывают данные проведенного эксперимента, в большинстве случаев предлагаемые факторы либо не работают вообще, либо могут быть применимы только к ограниченному числу примеров.

5. С. В. Бромлей писала: «Процесс унификации места ударения в формах сравнительной степени несомненно следует

рассматривать в связи с параллельным процессом в нечленных формах женского рода, тем более, что причины того и другого были, по существу, общие» (с.32).

Данные эксперимента показали, что зависимость сравнительной степени от формы ж.р. в старшей группе скорее была исторически, нежели существует в настоящее время. Так, из 27 обследованных прилагательных зависимость между этими формами отсутствует у 10 прилагательных в старшей группе, у 11 — в средней, у 14 — в младшей. Необходимо учитывать и тот факт, что форма простого компаратива в принципе выпадает из парадигмы имени прилагательного, что ограничивает возможности грамматической аналогии. Неслучайно ряд лингвистов выводят компаратив за рамки словоизменения, рассматривая положительную и сравнительную степени прилагательных как разные лексемы.

6. Приведенный выше материал свидетельствует о том, что основным источником акцентного варьирования в синхронной языковой системе служат различные видоизменения старых парадигматических различий, формирование на их основе новых закономерностей. Однако этот процесс не приводит к глобальному изменению всей системы: по сути, материал, полученный в ходе проведенного эксперимента, «не создает нового синхронного среза, характеризующегося специфическими для него чертами», а сам процесс модификации акцентной системы кратких прилагательных не является собственно «языковым изменением» (Клейнер, 134). При этом очевидно, что существующую вариативность нельзя объяснять только действием актуальных тенденций развития грамматической системы русского языка (для кратких прилагательных — это актуализация родового противопоставления в форме ед.ч.): синхронный материал обязательно нужно рассматривать и в диахроническом ключе, что позволит при выработке нормативных рекомендаций по-новому взглянуть на существующие языковые факты.

Литература

Бромлей С.В. К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. № 8. М.-Л., 1955.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и в словаре: стратегия преодоления различий // Доклад на XLV Международной филологической научной конференции Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2016.

Клейнер Ю. А. Языковые изменения и динамика языка // Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей, посвященных юбилею профессора Л. А. Вербицкой. СПб., 2006.

Колесов В. В. Русская акцентология. Т. 1. СПб., 2010.

Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. Изд. 4. М., 1988.

Суханова М. С. Ударение прилагательных в акцентной системе современного русского словоизменения. АКД. М., 1981.

Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

К. Саннок (Бохум, Германия)

АУДИТИВНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ: ПРИМЕРЫ ИЗ КОРПУСА РУССКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ (RUREG.DE¹)

Правила корректного научного цитирования предполагают точную атрибуцию языкового материала и цитат из чужих публикаций.

Эта аксиома филологической практики является продуктом научного процесса, который развивался в XIX веке в рамках текстовой критики и действует до сих пор. Неясность или отсутствие ссылок на исследуемый материал уменьшает ценность работы и может даже повлечь за собой судебные последствия для автора.

¹ Rureg — это сокращенное название проекта «Русская Региональная Речь, акустическая база данных с дискурсивной аннотацией», который поддерживается Немецким Обществом Науки (Deutsche Forschungsgemeinschaft), проект SA 278–16, см. rureg.de/Выходные_данные.

Как реализуются эти постулаты в том случае, когда языковой материал представляет собой записи устной речи, фиксируемые на небумажном носителе? Как правило, используются методы, близкие к тем, что используются при цитировании письменных источников. Устный текст публикуется в форме транскрипции или расшифровки, и материал цитируется по этой публикации. Такой метод имеет большие преимущества:

1. Можно цитировать фрагмент материала в понятной письменной форме и в той же самой письменной версии паспортизировать приведенную цитату.
2. Тип расшифровки или транскрипции поможет читателю познакомиться с языковыми особенностями текста и его содержанием, а также позволит интерпретировать материал и использовать его для собственных исследований.
3. Письменная версия цитаты с легкостью используется в рамках презентации, доклада и дискуссии. Обычно аудитория охотно принимает и понимает подобную форму представления материала.

Цель проекта rureg.de — это развитие технических возможностей, которые сохраняют все преимущества письменного представления устной речи и передают ее текстологические особенности, позволяя при этом получить быстрый доступ к исходным звуковым данным, что существенно облегчает работу исследователей, заинтересовавшихся представленным материалом. Техническая организация этого проекта объясняется на стартовых страницах rureg.de, где не только озвучиваются подготовленные цитаты, но одновременно дается инструкция, как самостоятельно подготовить новые аудитивные цитаты [Саппок 2014].

Преимущества этой технологии будут демонстрироваться на примерах из корпуса региональной русской речи. Для иллюстраций выбраны такие примеры, для которых аудитивная работа оказывается полезной и даже неизбежной при интерпретации материала пользователями.

Восприятие **южнорусского диссимилятивного аканья** на слух — весьма нелегкая задача. Уверенность в правильной оценке примеров возрастет, если будет дана возможность непосредственного аудитивного сопоставления. Приведу пример из экспедиции в Ростовскую область с яркими случаями диссимиляции:

- (1) На **поставили** {pəstáv'il'i} среди там он хутора.

И где самая сбой народу всегда бывает.

Сюда ни человек не **дойдет** {dajd'ót}.

Ни на кого не **допросишь** {daprós'if}.

Хворают {xvərájut}

Идите да вызывайте. Да. Стоит белый этот. (ROV1-03-02-b)

Севернорусские /**о**/ и /**ѣ**/: Нелегкую задачу для аудитивного восприятия представляет и сопоставление реализаций семифонемного состава гласных, т. е. открытой или узкой артикуляции фонем среднего подъема. Приведу пример из Вологодской области [Касаткина 1991: 89]:

- (2) Нэ **робѣтала** я // дома фсе **сидѣла** / нэ гоныли / народу-ту **много** было // а у мэня **дѣдушко-то** бойко́й (BFF1-01-12-b).

Севернорусское оканье часто реализуется непоследовательно. Диапазон реализации фонем /**о**/ и /**ѣ**/ может стать интересным полем для исследования социолингвистического варьирования. Двенадцатилетняя Женя (Архангельская область) начинает отвечать на вопросы диалектолога с неразличением /**о**/ и /**а**/. После некоторого времени она станет рассказывать более свободно, и в ее речи все чаще начнут проявляться примеры оканья.

- (3) Я так люблю черемушку есть. Это такие ягоды, знаете?

Вот... дерево, такие, не могла недавно заплзти, но потом все-таки заплзла, потому-что в этом году я хорошо заплзала, а сейчас, наверно, разучилась так.

Потом **заплзла** так, а правда, там зеленая еще была черемуха. И красная. (MEZ1-13-22-a)

Примеры, озвученные в докладе, снабжены кодом, которым определяется место звука в архиве. Для звукового воспроизведения нужно зайти на сайт rureg.de/search/index и вписать этот код в поле поиска (FULL-TEXT SEARCH), потом нажать кнопку search. Таким образом, появляется возможность цитирования не только письменного источника (например, [Касаткина 1991: 89], но и акустического источника из нашего образца (2). Набирая в поле поиска код BFF1-22-tr, пользователь получает доступ к треку № 12, соответствующему тексту 22 хрестоматии, после чего он может выбрать новый фрагмент для аудитивного цитирования.

Литература

Касаткина Р. Ф. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Часть 1. Севернорусские говоры. Москва — Бохум, 1991.

Сапток К. Русская региональная речь (RuReg) — акустическая база данных и принцип аудитивной доступности. Проблемы Фонетики VI., М., 2014. С. 340-353.

Н.Д. Светозарова (Санкт-Петербург)

СЕМАНТИКА ФРАЗОВОГО УДАРЕНИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ

*Памяти Татьяны Михайловны
Николаевой — выдающегося ученого
и постоянного участника
конференции «Фонетика сегодня»*

Небольшая книга Т.М. Николаевой «Семантика акцентного выделения», вышедшая в 1982 году, ознаменовала прорыв в изучении фразовой интонации посредством анализа одной из ее составных частей — акцентного выделения. Название книги отражает важнейший аспект этого явления — способность иметь собственную семантику. При этом диапазон передаваемых им значений далеко выходит за пределы обычно упоминаемых *контраста, эмфазы, ремы, нового*. Акцентное выделение (АВ) не просто резко и слышимо выделяет одно из слов высказывания, но создает вокруг него коммуникативно-текстовую ауру, порождает высказывание-тень, передает дополнительную информацию. По мнению Т.М. Николаевой, этим свойством не обладает обычное фразовое ударение (ФУ), поскольку это явление разноплановое, первое (АВ) — семантическое, а второе (ФУ) — факт чистой фонетики. Доказательством такой трактовки считается тот факт, что эти ударения могут сосуществовать в пределах одного высказывания. И действительно, как видно из примеров, приводимых в книге, АВ — часто не единственное сильное ударение фразы. Однако следует ли из этого непременно отсутствие у иных, кроме АВ, типов фразовых ударений способности передавать какие-то значения? Т.М. Николаева

заканчивает свою книгу подведением итогов в виде семи пунктов. Последний из них гласит:

«Все сказанное мы относим, хотя бы в качестве первой попытки, к функциям в высказывании именно АВ — в его фундаментальном отличии от ФУ. Между тем вполне возможно и даже настоятельно необходимо симметричное исследование функциональных (а не экспериментально-фонетических) свойств фразового ударения» [Николаева 1982: 97].

Эта мысль созвучна тем направлениям исследований интонации, которые исходят из существования разных типов фразовых ударений (в широком значении термина), в совокупности составляющих акцентную структуру фразы, каждое из которых имеет (в отличие от ударения словесного) не только физический и позиционный, но и функционально-семантический аспект. Об этом говорит многообразие терминов для обозначения видов и типов ударений во фразе. Одни из них ориентированы на размер базовых единиц и объединяющую роль фразовых ударений (*синтагматическое, фразовое, главное, второстепенное*), другие — на их позицию (*конечное, смещенное*), третьи — на их роль в актуальном членении (*рематическое, тематическое*) и информационной структуре высказывания (*ударение нового и ударение данного*), специальные названия существуют для отражения качественно маркированных типов ударений (*нейтральное, особое, контрастное, эмфатическое, АВ Николаевой*). Несомненно, собственная семантика наиболее ярко проявляется в случае «особых» ударений, с их относительно конкретным значением и богатым набором фонетических признаков, когда ее можно наглядно проиллюстрировать добавлением иных языковых средств — частиц, оборотов — или заменой на них (ср.: *Представь себе: **Петя** не приехал!* — *Представь себе: даже {только, именно} Петя не приехал!*). Здесь фразовое ударение действует на слушателя локально, само по себе. Однако коммуникативно важные, хотя и очень обобщенные, значения передают, по нашему мнению, и вполне «нейтральные» элементы акцентной структуры фразы, в тесном взаимодействии с порядком слов и их лексическим значением. Именно нейтральные ударения разной степени, размещенные в разных позициях и на разных словах, позволяют отличить двучленную фразу (по

Щербе) от одночленной, а последнюю — от моноремы, выделенную тему от обычной, широкий фокус от узкого, структуру Тема+Рема от последовательности Рема+Тема, а также опознавать семантику «экстренного введения в ситуацию» или причины (*Тише! Бабушка спит!*), передавать информацию о данности-новизне и определенности-неопределенности составляющих высказывания. Во всех этих (и других) случаях есть основания говорить о семантике акцентного контура фразы, не содержащего «особых» выделений.

Таким образом, книга Т. М. Николаевой не только привлекла внимание лингвистов к семантике одного из видов фонетического выделения слов во фразе, но и открыла новый этап развития исследований по интонации — семантический, который представлен в современной отечественной литературе в работах Ю. Д. Апресяна, С. В. Кодзасова, Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой, А. В. Павловой, Т. П. Скориковой, Т. Е. Янко.

А. А. Соколянский (Магадан)

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК И ПОЗИЦИОННАЯ ФОНОЛОГИЯ¹

0. Все фонологические школы в той или иной степени пользуются понятием *позиция*, однако только Московская фонологическая школа (МФШ) может претендовать на то, чтобы называться позиционной. Учение о дифференциальных признаках полнее всего было разработано Пражской фонологической школой (ПФШ). Одни представители МФШ использовали это понятие (А. А. Реформатский, В. К. Журавлев, Л. Л. Касаткин), другие полагали, что построение московской фонологии может быть осуществлено без применения понятия дифференциального признака (В. Н. Сидоров, М. В. Панов). В рамках разрабатываемой нами многоуровневой фонологии учение о дифференциальных признаках является крайне важным, так как именно

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: проект «Многоуровневая фонология русского языка», № 15-04-00338.

с помощью дифференциального признака может быть установлена взаимосвязь между фонологическими единицами разных уровней.

Справедливо считается, что стремление увидеть дифференциальный признак на экране осциллографа — большой фонологический грех, так как предполагает желание установить прямую зависимость содержания фонемы от ее конкретных физических свойств (такой подход характерен для позднего Р. О. Якобсона). В то же время отказ от учета физического воплощения фонемы с неизбежностью приводит к превращению фонологии в замкнутую область чистых отношений, плохо связанных с описанием других сторон языка. Распространение позиционного подхода на понимание строения дифференциального признака, по нашему мнению, позволяет избежать обозначенных крайностей.

1. Содержание фонемы зависит от ее места в системе фонологических оппозиций (Н. С. Трубецкой). Только после выявления системы оппозиций фонологических единиц в каждой отдельной позиции можно говорить о дифференциальных признаках. Дифференциальные признаки: а) противопоставляют фонемы (n — $\bar{o}$); б) структурируют фонемы (звуки u — y представляют одну фонему не только потому, что позиционно чередуются, но и потому, что имеют общий набор дифференциальных признаков); в) объясняют явления нейтрализации ($n \times \bar{o} \rightarrow n$).

Дифференциальный признак предполагает следующее устройство.

Во-первых, он, как и фонема, может меняться от позиции к позиции, оставаясь при этом тождественным самому себе.

Во-вторых, он может дополняться сопутствующими признаками, которые взятые отдельно не являются дифференциальными. Так, дифференциальный признак *глухость/звонкость* согласных представляет собой иерархически выстроенную систему зависимостей: «глухость/звонкость $\subset$ напряженность/ненапряженность $\subset$ длительность/краткость $\subset$ придыхательность/непридыхательность».

В-третьих, признак фонемы может реализовываться на пространстве нескольких звуков языка. Так, дифференциальный признак мягкости у фонемы /т'/ в слове *мо́с'т'ик* реализуется в следующих признаках звуков языка: 1) палатализованность *т'*;

2) переднерядность *и*, перед которым на стыке корня и суффикса может находиться только мягкий согласный; 3) палатализованность предшествующего согласного *с'* (его нефонологическая палатализованность — продолжение фонологической палатализованности *т'*); 4) переднерядность *о'* в конце длительности. Все эти отдельные признаки звуков языка — способ реализации фонологического признака палатализованности /т'/.

2. С точки зрения МФШ, единство морфемы является основанием для объединения разных звуков в одну фонему. Процедура наделения этих звуков языка еще какими-то признаками представляется избыточной. Как говорил В. Н. Сидоров, «фонема — это нечто единое, целое и дальше не делимое». Поэтому любая попытка наделить фонему признаками — это выход за пределы собственно языка.

Тем не менее практически, кажется, еще никто не решался описать фонологическую систему без обращения к фонетическим свойствам описываемых единиц. Дело, наверное, в том, что, отказывая фонеме в признаках, мы при определении позиций, в которых реализуется фонема, будем вынуждены продолжать использовать сугубо фонетические характеристики. Само указание на то, что фонематическая единица находится в позиции под ударением между мягкими согласными, предполагает использование фонетических понятий. Если при описании позиции мы будем продолжать использовать фонетические понятия, то было бы нелогично отказываться от них при анализе самих единиц.

Предлагалось (К. В. Горшкова, Л. Л. Касаткин) описывать систему признаков фонем для каждой позиции. Так, в позиции под ударением после твердых согласных в литературном языке выделяется один состав дифференциальных признаков, а в безударной позиции — другой. Фонологическая единица /А/ ([*бада*] — /вАда́/) характеризуется признаком *неверхнего подъема*. При отсутствии других единиц верхнего подъема в этой позиции такая характеристика вполне достаточна для того, чтобы отличить эту единицу от всех прочих.

3. Звуки *а* — *а* — *я* объединяются в одну фонему, так как представлены в одной морфеме, а различия между ними обусловлены различиями в позиции (*вод-а́* — *земл'-а́*, *гр'-а́зныи* — *гр'я́с'*).

Морфем в языке значительно больше, чем фонем. Чередование $a // \cdot a // \ddot{a}$ будет представлено во всех случаях, где есть соответствующие позиционные условия. В силу этого позиционное чередование становится независимым от конкретной морфемы и может распространяться на вновь появляющиеся в языке слова, обеспечивая их единство. При этом тождество опирается уже не на единство морфемы, а на собственно фонетические основания.

Если различия между звуками $a — \cdot a — \ddot{a}$ позиционно обусловлены, то и различия в признаковой структуре могут быть описаны как позиционно обусловленные. Так, по нашим данным (они в целом коррелируют с результатами Г.Фанта и К.Боллы), фонема /a/ в позиции между твердыми согласными под ударением реализуется в звуке, имеющем формантную структуру $F_1 = 880$ Гц и $F_2 = 1440$ (так), а в позиции между мягкими согласными $F_1 = 805$ Гц и $F_2 = 1920$ Гц (м'ä́т'). Таким образом, в зависимости от позиции дифференциальный признак имеет разное физическое воплощение, которое не препятствует его функциональному отождествлению.

Если $/a/ = a // \ddot{a}$, то и $F_1 = f_{1(от\ a)} 805$ Гц // $f_{1(от\ \ddot{a})} 880$ Гц или $F_2 = f_{2(от\ a)} 1440$ Гц // $f_{2(от\ \ddot{a})} 1920$ Гц. Здесь символы F_1 и F_2 служат для обозначения совокупности чередующихся физических свойств дифференциального признака фонематической единицы в зависимости от позиции, а f_1 и f_2 для обозначения параметров звуков языка, в которых реализуется фонема.

4. На уровне фонематических единиц и дифференциальных признаков позиционное фонетическое чередование устанавливает тождество между физически разными сущностями. Теперь на экране монитора нельзя увидеть дифференциальный признак, так как он находит свое воплощение в позиционно чередующихся свойствах. Представляется, что предлагаемый подход к дифференциальным признакам органическим образом может быть включен в систему взглядов МФШ, не разрушая при этом, а дополняя ее.

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Невозвратные глаголы непродуктивных групп с подвижным типом ударения как без приставок, так и с приставками часто характеризуются вариативностью ударения в формах женского и среднего рода прошедшего времени. В возвратных глаголах того же типа вариативность ударения наблюдается также в формах множественного числа. Чтобы определить основные закономерности постановки ударения в исследуемых глаголах, была проведена серия экспериментов: респондентам трех возрастных групп (младшая — до 29 лет включительно, средняя — от 30 до 59 лет, старшая — 60 лет и старше), носителям литературной нормы русского языка, были предложены для чтения тексты, содержащие глагольные формы, допускающие варианты ударения. В одном эксперименте обычно принимали участие 30-35 респондентов: 10-12 в каждой возрастной группе. Общее количество опрошенных составило 103 человека. В докладе будут представлены некоторые предварительные результаты проведенного эксперимента, а также соотнесены соответствующие произносительные нормы, зафиксированные в орфоэпических словарях, с живой речевой практикой.

1. Ударение невозвратных глаголов в форме ед.ч. ср.р.

Н. А. Еськова отмечает [Еськова 2008: 375], что в исследуемых формах среднего рода, так же как в формах мужского рода и множественного числа, в XVIII-XIX веках ударение падало на приставку: *сóбрало, прѣбрало, пóплыло* и т. п.

Однако материалы Национального корпуса русского языка показывают, что, во-первых, в XVIII веке ударение в этих формах было вариативным и могло падать не только на приставку, но и на другой гласный основы (Например, у А. Д. Кантемира: *Еже праведну имение мало, / Еже праведно тицание **собрáло**...*); во-вторых, в XIX веке в формах среднего рода появляется вариант ударения на окончании: *Что под вьюгами завяло — / Снова расцвело, / Что минуло, что бывало — / В сердце **зажилó**...* [Н. Ф. Щербина (1846)].

В настоящее время в глагольных формах единственного числа среднего рода независимо от наличия приставки кодифицированным является вариант с ударением на основе (не на приставке): *гнáло, избрáло, ждáло* и т. п., именно он дан в орфоэпических словарях как основной [Орфоэпический словарь русского языка 1999]. Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о том, что абсолютное большинство опрошенных во всех возрастных группах произносят указанные формы с ударением на окончании: *разлиló, перевралó, загналó, ждалó*, хотя в словарях такие варианты даются с пометами *не рекомендуется* или *допустимо младшее*.

2. Ударение невозвратных глаголов в форме ед.ч. ж.р.

В формах женского рода в XVIII веке, как показывают примеры из поэзии, ударение в большинстве случаев падало на окончание. Однако начиная с XIX века начинают встречаться варианты с ударением на основе: *Совершенно умира́ла; / Силы все свои собра́ла* [И. П. Мятлев (1840)].

В современных орфоэпических словарях для глагольных форм женского рода кодифицирован вариант с ударением на окончании (*изжiléа, заперléа, навалá* и т. п.). Результаты проведенного эксперимента показали, что в этих формах в основном сохраняется ударение на окончании. Количество опрошенных, сделавших ударение на основе, в большинстве случаев не превышает 30-40% ни в одной из возрастных групп. Возможно, произношение варианта с ударением на основе объясняется региональным влиянием, поскольку в западной диалектной зоне русского языка, а также в других восточнославянских языках исследуемым глаголам свойственно неподвижное ударение на основе (*брáла, рвáла, спáла*). Н. К. Пирогова отмечает, что тенденция к накоренному ударению в формах прошедшего времени быстро распространяется из говоров на литературный язык [Пирогова 1967].

3. Ударение возвратных глаголов в формах ед.ч. ср. и ж.р., а также мн.ч.

В. Л. Воронцова отмечает, что если в XIX веке отступления от нормативного ударения на окончании в указанных формах возвратных глаголов достаточно редки и характеризуют одни

и те же имена (Жуковский, Мей, Некрасов, Курочкин, Кольцов), то в XX веке подобные акцентологические варианты получают всё большее распространение: *взялось, прода́лась, прорва́лись* и т.п. [Воронцова 1979: 191–192]

В настоящее время ударение на основе в описываемых формах возвратных глаголов более распространено, чем у невозвратных глаголов. В отдельных словах более 50% опрошенных вне зависимости от возрастной группы поставили ударение на основу (*погна́лись, ободрáлись, переизбрáлось*). Эта картина в целом соответствует нормам, представленным в орфоэпических словарях: варианты с ударением на основу даны с пометой *допустимо*.

Таким образом, серия проведенных экспериментов показывает, что если акцентуация форм невозвратных глаголов женского рода, форм возвратных глаголов женского, среднего рода и множественного числа в целом соответствует нормам, зафиксированным в орфоэпических словарях, то кодификация нормы ударения в формах среднего рода у невозвратных глаголов нуждается в пересмотре.

Литература

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. М.: Наука, 1979. 328 с.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под. ред. Р. И. Аванесова. — М.: Рус.яз., 1999. 688с.

Пирогова Н. К. О нормах и колебаниях ударения (на материале глагола) // Филологические науки, 1967, № 3. С. 14–22.

ПАЛАТАЛЬНОСТЬ И ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ: АКУСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСОНАНТОВ

Родственность литовского и латышского языков проявляется в большем или меньшем сходстве их звукового строя. Современные балтийские языки имеют немало общих фонетических черт, например: фонологическую оппозицию долгих и кратких гласных, большой инвентарь дифтонгов, развитую систему слоговых интонаций. Вместе с тем можно обнаружить другие свойства вокальных и консонантных систем, различающих балтийские языки. В латышском имеется фиксированное ударение, большая группа палатальных консонантов, в литовском — подвижное ударение, вторичная [и]-типа палатализация. Одновременно функционирующие в литовском языке тембровая корреляция и развитая система слоговых интонаций являются типологической редкостью.

Объект доклада — литовские палатализованные и латышские палатальные консонанты. У латышских палатальных подъём средней части языка к твердому небу является основной артикуляцией, а у литовских палатализованных — дополнительной язычной артикуляцией [и]-образного типа. В литовском языке тембровая корреляция распространяется как на шумные, так и на сонорные консонанты. У каждого непалатализованного консонанта есть свой палатализованный эквивалент. На основе литовского и латышского материала по одинаковой методике в Литве и Латвии было проведено экспериментальное исследование превокальных консонантов (в сочетаниях типа CVC). Сравнительный анализ проводился по следующим акустическим признакам: 1) долгота шумового интервала; 2) спектральные модели *FFT* (англ. *Fast Fourier Transformation*); 3) формантные максимумы; 4) относительная интенсивность; 5) формантные локусы согласных.

В результате эксперимента выявлены три акустических признака литовских палатализованных консонантов: формантные максимумы (палатализация увеличивает спектральные вершины, особенно фрикативов и аффрикат), относительная

интенсивность (палатализованные фрикативы и аффрикаты интенсивнее, чем их непалатализованные эквиваленты), формантные локусы (палатализованные консонанты имеют меньший наклон (анг. *Slope*), а пересечение с осью *y* (анг. *Y-intercept*) происходит выше, чем у непалатализованных консонантов).

Латышские палатальные консонанты по перечисленным акустическим признакам обычно занимают центральные позиции между литовскими непалатализованными и палатализованными консонантами.

Н. А. Федянина (Москва)

ДЕЛИМИТАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ

Фонетисты старой школы считали, что даже детальный фонетический анализ не может показать, где кончается одно слово и начинается следующее. Современные фонетические исследования по сегментации речи показывают, что поток речи представляет такое единство, где элементы дискретности очень редки, а перерывы между словами почти отсутствуют.

В то же время со времен санскритских грамматиков мы имеем достаточно сведений о том, что конечные позиции слов характеризуются особыми фонетическими явлениями. Н. С. Трубецкой описал многочисленные факты такого рода во многих языках и назвал их пограничными сигналами. Трубецкой утверждал, что дистрибуция пограничных сигналов в большинстве языков кажется абсолютно случайной. Кроме того, некоторые языки имеют чрезмерную склонность к пограничным сигналам, в то время как другие имеют лишь ограниченное их число.

Исходя из подобных наблюдений, Н. С. Трубецкой приходит к выводу, что делимитативная функция, сравнительно с сигнификативной, не является необходимой в языке.

В отличие от концепции Н. С. Трубецкого, я считаю делимитативную функцию первичной и обязательной функцией в языке. Ф. де Соссюр писал: «Языковая сущность (языковой факт) определяется полностью только тогда, когда она отграничена, отделена от всего, что ее окружает в звуковой цепи».

Необходимым условием существования слова является его отдельность. Слово при этом есть целостная структура, а не простая сумма его элементов.

Единство и отдельность слова достигаются в языках разными способами и средствами, в зависимости от фонологической системы языка, а, в конечном счете, от основной его грамматической тенденции.

В языках существуют два типа фонологической структуры слова — отражающие различные структурные тенденции — синтетический и аналитический. Первый тип характеризуется синтетическим способом связи компонентов слова, их слитностью, их внутренней концентрацией, нерасчлененностью синтагматических элементов слова. Синтетический тип реализует фузионную грамматическую тенденцию.

Аналитический тип характеризуется агглютинативной тенденцией, слабой связью частей слова, большей их автономностью, децентрализацией, четкой, морфемной и слоговой членимостью. Отдельность слова в этом случае достигается маркированием краевых позиций слова. Слабая связь частей слова компенсируется наличием пограничных сигналов.

Данные тенденции могут сосуществовать в языке, дополняя одна другую. Наличие двух максимумов при этом исключается: максимальная централизация в слове предполагает минимальное маркирование краевых позиций слова и, наоборот: децентрация компенсируется наличием пограничных сигналов.

Структурная несовместимость этих основных тенденций в организации слова объясняет то, что озадачило Н.С. Трубецкого: то, что в одних языках пограничных сигналов слишком много, а в других нет совсем. Дистрибуция пограничных сигналов в языках не случайна, она полностью зависит от фонологической и грамматической системы языка.

В качестве делимитативных средств важную роль играют просодии благодаря их контрастивной природе. Русское сильно централизующее ударение создает резкий контраст ударных и безударных слогов, в результате чего создается плотное единство всех синтагматических компонентов слова. Это объясняет наличие в русском языке лишь очень ограниченного числа пограничных сигналов.

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ С. Д. ДОВЛАТОВА

Информацию о языковой личности писателей XX–XXI вв. дают аудио- и видеозаписи интервью и выступлений, в которых ярко проявляются особенности произношения. Анализ видеointerview С. Д. Довлатова и записей его выступлений на радиостанции «Свобода» показал, что писатель стремился к соблюдению орфоэпических норм: отметим, в частности, [о] в безударной позиции в слове *поэт* и имени собственном *Го́ген*, произношение по «старшей» орфоэпической норме твердого [с] в слове *сентиментальный*, мягкого [р'] в имени *Гео́ргий*.

По воспоминаниям первой жены Довлатова А. Пекуровской, писатель пристрастно относился к произносительным нормам: настаивал на произношении слова *творог* с ударением на второй слог, кроме того, «по высшей мере, например, каралось неудачно оброненное «по средам», с ударением на корень, а не на окончание» [Пекуровская URL]. Ср.: «Что касается ударений, то ими он способен был довести окружающих до немоты. Я, например, заранее репетировал сложные слова. Но и это не помогало... <...> Ну, кто, кроме Довлатова, знал, что в слове «послушник» ударение падает на первый слог?» [Генис 2009: 57].

Мнение мемуаристов подтверждается тем, что в доступных нам аудио- и видеозаписях ошибки в ударениях отсутствуют. К акцентологическим особенностям относится перенос ударения на последний слог в ряде англоязычных имен собственных: *Эдисо́н*, *Вилья́м*, *Фитцджеральд*, *Босто́н*. Это соответствует традиционному произношению середины XX века.

Тем не менее, мы отметили единичные ошибки в произношении (употребление [э] вместо [о] под ударением: *поблескивать* вместо *поблёскивать*), использование предлога *об* вместо *о* (*об стену*). В качестве индивидуальной особенности выделим произношение мягких согласных перед [э] в заимствованных словах и даже в иноязычных фамилиях: *бизнесме́н* [м'], *сабве́й* [в'], *секс* [с'], *фре́йдист* [р'], *крейзи* [р'], *пепси-кола* [п'], *кемпинг* [к'], *ленд-лиз* [л']; *Хемингуэ́й* [х'], *Стейнбе́к* [б'], *Гэ́тсби* [г'].

Неполный (разговорный, сниженно-разговорный) стиль произношения [Кузнецова 2007: 51–52] реализуется в некоторых случаях сильной количественной и качественной редукции гласных и согласных: [скóкъ] (*сколько*), [п'и́с'áт] (*пятьдесят*), [ш'ас] (*сейчас*), [гр'ит] (*говорит*) и др.

В интервью отмечаем присутствие слова-паразита *значит* (14 словоупотреблений), которое может повторяться в пределах высказывания вследствие волнения (*Значит, когда мы были молодыми людьми, значит, я уже так делал какие-то литературные попытки...*) или при увлеченном рассказывании (*Они вышли, значит, с вокзала, тот сказал: «Стоп! Деньги!» — значит*). Частотны случаи использования частиц *вот* (13 словоупотреблений), *ну* (10 словоупотреблений), собственных спонтанной речи: *Ну, вот сегодня здесь присутствует наш гость Евгений Поротов, вот этот молодой человек с кинокамерой*.

Спонтанная речь Довлатова насыщена паузами хезитации, заполненными (эммм) и незаполненными (/ /), причиной появления которых является желание выбрать подходящее слово или вспомнить тот или иной факт: *У меня есть собственность, у меня есть участок земли в полтора акра, я, эммм, крашу сараи какие-то. Оказалось, что мне это интересно. Я повесил две двери // собственными руками, правда, они не закрываются, ни та, ни другая*. Нами отмечен один случай короткой паузы даже между предлогом и существительным (*от / толпы*).

Некоторые слова, намеренно выделенные Довлатовым, являются носителями логического ударения: *...Я даже как-то гордился этим галстуком, потому что галстук я надевал в общей сложности в жизни, может быть, семь раз, и это был, допустим, второй случай*.

Таким образом, при стремлении следовать всем орфоэпическим нормам, не ошибаясь в ударениях, С. Д. Довлатов однако проявлял индивидуальные особенности произношения, допускал в речи ошибки, избыточно использовал частицы, делал паузы хезитации. Свидетельства мемуаристов выделяют не только чуткое внимание Довлатова к произносительным нормам, но и его сильное влияние на языковые личности окружающих.

Литература

Генис А. Довлатов и окрестности // Генис А. Частный случай: филологическая проза. М., 2009., С. 15–216.

Кузнецова Н.И. Орфоэпическая правильность речи // Хорошая речь. — М., 2007., С. 50–56.

Пекуровская А. Когда случилось петь С.Д. и мне: <http://lib.ru/MEMUARY/PEKUROVSKAYA/dovlatov.txt>.

С. С. Хромов (Москва)

ОБ ОДНОЙ ТЕНДЕНЦИИ В ИНТОНАЦИОННОМ ОФОРМЛЕНИИ ОБЩИХ ВОПРОСОВ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

В докладе анализируется интонационное оформление общих вопросов в языках различного типа, основанное как на результатах собственного исследования, так и на результатах исследований других лингвистов.

В интонационном оформлении общих вопросов в некоторых нетональных языках, часто далеких друг от друга как генетически, так и ареально, наблюдается совпадение некоторых общих структурных черт:

- 1) двухвершинность интонационной структуры общих вопросов (например, в финно-угорских языках, румынском, македонском, арабском, суахили, мальгашском, сомали);
- 2) релевантность терминального участка интонационной структуры общего вопроса (общее восходящее направление движения частоты основного тона) в арабском, суахили, мальгашском языках, языке сомали.

Как известно, формы движения частоты основного тона в общем вопросе в языках различного морфолого-синтаксического строя неодинаковы. Так, Т.М. Николаева отмечает двухвершинную мелодику в общем вопросе в финно-угорских языках: в саамском, эрзя-мордовском, коми, финском, эстонском и удмуртском. Что касается балканского языкового ареала, то мелодическая двухвершинность обнаруживается в румынском, в одной из мелодических моделей македонского языка. При этом

автор, ссылаясь на работы В. И. Петрянкиной, приходит к выводу о том, что «интонационные типологические схождения имеют не только генетические или ареальные обоснования».

По данным А. И. Нурмахановой и А. С. Жаргалова, во многих тюркских и монгольских языках интонационная структура общего вопроса маркируется релевантным терминальным участком фразы, который в зависимости от типа языка может реализоваться восходящей, восходяще-нисходящей и общей нисходящей мелодемой. Как отмечает А. И. Нурмаханова, в тюркских языках общие вопросы оформляются восходящей мелодикой в завершении, что связано с тем, что вопросительная частица занимает финальную позицию. Помимо повышения в завершении, конечная позиция может оформляться и другими просодическими средствами: максимальной интенсивностью в казахском, в азербайджанском — резким увеличением длительности конечного гласного.

Обратимся к одному из монгольских языков, бурятскому. Как пишет А. С. Жаргалов, бурятские общие вопросы характеризуются фиксированным порядком слов. Обязательная вопросительная частица «гу» находится в конечной позиции, хотя возможно также передвижение частицы к ядру вопроса, в качестве которого выступает наиболее важное в смысловом отношении слово. Ядерный слог в собственно-общем вопросе оформляется по-разному: линейно-восходящим тоном, восходящим с малым интервалом падения в конце, восходяще-ровным. Но релевантной зоной звучания является конец фразы, завершающийся частицей «гу»: падение ЧОТ на «гу» представляет собой постоянный интонационный признак. Таким образом, во многих тюркских и монгольских языках интонационная структура общего вопроса определяется релевантным конечным участком, который в зависимости от типа языка может реализоваться восходящей, восходяще-нисходящей и общей нисходящей мелодемой.

По нашим наблюдениям анализ интонации вопросительного высказывания в суахили, арабском и мальгашском языках позволил за формальными различиями увидеть семантические. Так, двухвершинная мелодика в общем вопросе в суахили, арабском и мальгашском языках функционально мотивирована. Терминальная зона, включающая от одного до трех слогов,

маркирует коммуникативную направленность высказывания (вопрос в отличие от утверждения), а первая мелодическая вершина — рематическую зону высказывания. При реализации коммуникативного задания возможна и третья мелодическая вершина — на первом ударном слоге, конституирующая высказывание в рамках интонационной нормы языка. При условии совпадения рематической зоны с терминальной формируется единая мелодическая вершина в конце высказывания с большими показателями интонационных параметров, чем при несовпадении ядра вопроса с терминальным завершением.

Сразу дать однозначное объяснение данному феномену не просто, оно требует привлечения материалов других языков, однако его, вероятно, следует искать во внутренней логике структуры языковых систем, в их глубинном типологическом сходстве. Как известно, в 90-ые годы XX в. заметной стала общая тенденция искать и находить сходство в языках, не имеющих между собой ничего общего ни в ареальном, ни в генетическом аспектах. Вспомним в связи с этим плодотворную дискуссию о сходстве и различиях в устройстве тональных систем, например, йоруба (Западная Африка) и тональных языков Дальнего Востока, инициированную в начале 2000-х годов профессором М. И. Каплуном.

В. В. Шаповал (Москва)

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ В СВЕТЕ ВНУТРЕННЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Падение редуцированных на всей славянской территории привело к появлению новых стыков, на которых стали соседствовать согласные звуки разного качества.

1. Разные славянские языки и диалекты распорядились этими новыми группами согласных по-разному. Например: украинское *коза*[к] *молодий* ‘казак молодой’ (Гей, соколи) показывает перед сонорным следующего слова неизменность глухого [к], а польское *koza*[g] *młody* ‘казак молодой’ (Hej, sokoły) в тех же условиях демонстрирует озвончение этого звука в [g]. Это акустически

яркое различие касается также диалектных вариантов ряда славянских языков, говоря обобщенно, соседствующих со словацким. Можно, видимо, считать словацкий ареал центром этого явления.

2. В принципе можно попытаться восстановить картину падения редуцированных, опираясь на данные живых языков и диалектов. Это тем более актуально, что в научной литературе картина процесса падения редуцированных представляется на основе письменных памятников довольно противоречиво, например, позволяет на одном и том же материале делать противоположные выводы касательно относительной хронологии процесса: «...падение глухих (кратких, редуцированных. — О. Т.) в украинской языковой области имело место ранее, чем у других восточных славян...» [Аванесов 1947: 121]; «архаичная особенность украинского произношения — отсутствие оглушения конечных звонких согласных — говорит, наоборот, о задержке падения ь, ь» [Трубачев 1997: 95-96].

3. Потенциальное озвончение в срединных позициях маркировано и потенциально нейтрализуемо. Во многих случаях оно вариативно, например, в словацком: *Mu[ž] má | dlhý nos* ‘мужчина имеет | длинный нос’, но *Mu[š] | má klobúk* ‘мужчина | имеет шляпу’. Во втором примере (вторичного) озвончения не происходит, хотя в цельных словосочетаниях оно практически обязательно, например, словацкое: *dne[z]večer* ‘сегодня вечером’. Это различие необходимо учитывать, поскольку оно ускользает при обобщении материала, как, например, в таблице, где различие между польским северо-восточным и польским юго-западным обозначено как наличие оглушения звонких шумных перед сонорными и наличие озвончения глухих шумных перед сонорными [Sawicka 2013: 49].

4. При этом важно, что для восстановления истории падения редуцированных средствами внутренней реконструкции требуется учитывать не только процессы на стыке полноударных слов, но и иные позиции: стык между предлогом и словом, стык между приставкой и основой, стык между основой и суффиксом, стык между словом и абсолютным концом. Например, в сербском при отсутствии сандхи в первом случае (*cp[б]#* ‘серб’) обязательно оглушение на стыке морфем (*cp[п]ски* ‘сербский’), в ряде случаев

наблюдается оглушение на стыке приставки и имени, к которому она относится: чешское *z oknas* начальным [s] ‘из окна’, болгарское *въ* [в] *Москва* ‘в Москве’.

5. Типы сандхи по результатам внутренней реконструкции в различных современных славянских языках могут быть интерпретированы как хронологические этапы падения редуцированных: сербский, хорватский и т. д. юго-запад сохраняет наиболее высокий уровень вокализации стыка, соответствующий нулевому сонорному, а великорусский северо-восток в виде островов сохраняет наиболее низкий уровень вокализации стыка, который может быть интерпретирован как «абсолютный» фонологический нуль, никак не воздействующий на конечный согласный предыдущего слова. Однако в других позициях представлена пестрая картина различных решений, пока далекая от завершенности, не в последнюю очередь по причине отсутствия описания этих явлений в одном концептуальном ключе.

Литература

Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9.

Трубачев О. Н. В поисках единства. М., 1997.

Sawicka I. Sandhi w językach słowiańskich Toruń., 2013. 440 s.

А. В. Швабская (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АКЦЕНТУАЦИОННО-РИТМИЧЕСКИХ СТРУКТУР СО СПЕЦИФИЧЕСКИМ КОНСОНАНТНЫМ НАПОЛНЕНИЕМ В РУССКОЙ РЕЧИ ФИННОВ

Взаимодействие супraseгментного и сегментного уровней фонологического компонента языка преимущественно описывается в терминах «наложения» или же «наслоения» супraseгментных характеристик речи на сегментные, в качестве некой «надстройки». Подобный подход предполагает, что такие просодические характеристики, как ударение, тон, интенсивность существуют практически независимо от фонемного уровня.

Вопреки устоявшейся точке зрения о природе супraseгментных явлений данные различных языковых систем, полученные путем компаративного анализа, свидетельствуют о том, что именно сегментный уровень формирует и определяет характеристики супraseгментного уровня, что позволяет утверждать противоположный характер зависимости, а именно супraseгментных явлений от сегментных.

В условиях контакта родного и изучаемого языков часто наблюдается действие межъязыковой фонетической интерференции, причиной проявления которой при несовершенном владении языком являются различия в строении языковых систем, находящихся во взаимодействии в сознании индивида. Особый интерес представляет интерференция на супraseгментном уровне, поскольку просодические схемы родного языка усваиваются раньше, чем прочие составляющие фонологической системы, и впоследствии, при изучении иностранных языков, супraseгментные нарушения сохраняются в речи дольше, чем сегментные.

Устойчивые фонетические ошибки в русской речи носителей финского языка обусловлены глубокими различиями акцентуационно-ритмических систем русского и финского, а также спецификой сегментного состава и фонотактики, заключающейся в русском языке в таких особенностях консонантизма, как наличие многочленных кластеров и фонологической оппозиции мягких и твердых согласных, а в финском языке выражающейся в фонологической оппозиции геминат и кратких согласных; и такие особенности вокализма, как редукция в безударных слогах в русском и фонологическая количественная оппозиция в финском.

Нарушения, экспериментальным путем зафиксированные в речи финнов на русском языке при реализации различных акцентуационно-ритмических структур (от 1- до 6 –тислложных), отягощенных двух, трех, четырехчленными консонантными кластерами, демонстрируют у носителей финского языка наличие промежуточной фонетической системы на уровне ритмики и акцентуации даже при достаточно высоком уровне владения русским языком. Это обусловлено как значительными различиями в акцентуационно-ритмических системах русского и финского, так и тем, что, как известно, интонационный акцент вообще

и акцентуационно-ритмический акцент в частности, сохраняются дольше всего, даже при наличии соответствующих норме изучаемого языка фонетических навыков непосредственно на сегментном уровне.

Т. Ю. Шерстинова (Санкт-Петербург)

АМПЛИФИКАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ ЯЗЫКА

Амплификация (повторение) речевых единиц представляет собой весьма распространенное явление разговорной русской речи. Эмпирические исследования повседневной речи, выполненные на материале звукового корпуса ОРД («Один речевой день») [Asinovsky, Bogdanova, Rusakova, Ryko, Stepanova, and Sherstinova 2009, Bogdanova-Beglarian, Martynenko, and Sherstinova 2015] показывают, что наиболее часто встречаются повторы речевых единиц, которые в последнее время все чаще относятся лингвистами к категории так называемых «дискурсивных слов» («да», «вот», «не», «ну», «так», «нет», «всё», «ой», «ладно», «давай», «пока» и др.). Например: «*вот вот вот //*», «*понятно понятно //*», «*давай давай давай давай давай //*». Большинство регулярно повторяющихся элементов входят в верхнюю зону частотного словаря повседневной речи [Sherstinova 2010]. Однако встречаются повторы и других, иногда совершенно неожиданных, речевых единиц (напр., «*вай вай / ой ой ой //*»). В рамках одной реплики могут встречаться повторы разных речевых единиц («*да да да да / да да да да / точно точно точно / да //*»). Кроме отдельных слов, могут повторяться словосочетания и целые предложения: «*очень хорошо / очень хорошо //*», «*слава богу / слава богу //*», «*кончен бал / кончен бал / кончен бал //*».

Амплификация встречается в речи представителей разных социальных групп говорящих (мужчин и женщин, разных возрастов и профессий), преимущественно в условиях диалога

В частности, можно предположить, что трехэлементная структура «*да да да //*» с ударением на последнем слове (анapest) строится по схожему темпоральному шаблону со многими другими подобными структурами («*нет нет нет //*», «*так так так //*» и т.п.). Тот факт, что повторяющиеся элементы состоят из одних и тех же цепочек аллофонов, должен упростить выявление наиболее типовых темпоральных структур и их вариантов. Далее, есть основания предположить, что повторяющиеся структуры, состоящие из относительно большого числа элементов, в ряде случаев распадаются на более мелкие составляющие — двух-, трех- или четырехчастные: «*да да / да да да //*», «*да да (/ да да / да да да //*», «*да да да да / да да да да //*». Для проверки этих гипотез необходимо проведение статистически представительного исследования с привлечением инструментального фонетического анализа.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

Литература

Гришина, Е. А. Повторы *Да* и *Нет* в устном диалоге // М. Л. Ремнёва & А. А. Поликарпов (сост.), IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Труды и материалы. М., 2010. С. 225–226.

Шерстинова Т. Ю. Об изохронности структурных единиц в спонтанной речи (к постановке проблемы) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. 15–19 марта 2010 г. Санкт-Петербург. Выпуск 23. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб., 2010. С. 109–118.

Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., and Sherstinova, T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation of Principles and Annotation. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5729. Text, Speech and Dialogue. V. Matoušek and P. Mautner, (eds.) Berlin-Heidelberg, 2009. Pp. 250–257.

Bogdanova-Beglarian, N., Martynenko, G. and Sherstinova T. The “One Day of Speech” Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of

Everyday Spoken Russian / Ronzhin, A. et al. (eds.) *SPECOM 2015, LECTURE NOTES IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE*, Springer 2015. Pp. 429–437.

Sherstinova T. Quantitative Data Processing in the ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication. In: Grzybek, P., Kelih, E., and Mačutek, J. (eds.) *Text and Language: Structures, Functions, Interrelations*. Wien, 2010. Pp. 195–206.

А. Д. Шмелев (Москва)

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ

Церковнославянский язык можно отнести к некоторой разновидности «спящих» языков, а именно — к языкам, на которых не происходит спонтанное устное общение. Устная форма существования таких языков сводится к рецитации письменных текстов. Этому не противоречит тот факт, что на языках данного типа могут создаваться новые тексты: они создаются как письменные тексты, хотя и предназначенные для исполнения вслух.

Тем самым церковнославянская орфоэпия — это по существу правила чтения вслух церковнославянского текста. Может показаться, что эти правила удобно представить следующим образом. На первом этапе осуществляется запись текста средствами современной русской (гражданской) графики — для такой записи существует строгий алгоритм. При этом получаемая русская запись менее информативна, чем исходный церковнославянский текст, так что механически восстановить его по записи невозможно. Это связано с рядом необратимых преобразований. Во-первых, в некоторых случаях двум или даже трем разным церковнославянским буквам алгоритм ставит в соответствие одну и ту же русскую. Во-вторых, осуществляемая алгоритмом замена является контекстной (напр., после шипящих **ы** заменяется на **и**). Кроме того, имеет место раскрытие титл и еще ряд менее существенных, но также формально необратимых преобразований исходного текста, часто не связанных с орфоэпической проблематикой (расстановка знаков препинания, прописных

букв и т. д.). Полученная русская запись оказывается акцентуированной (при этом разнообразные акцентные знаки исходного текста одним и тем же знаком ударения). После того как замена осуществлена, полученная запись читается в соответствии с нормативными русскими правилами чтения, за исключением специально оговариваемых случаев (иными словами, обычно кодифицируются орфоэпические нормы, отличные от русских норм). Среди особых церковнославянских правил чтения практически всегда отмечается отсутствие качественной редукции гласных в безударных слогах и оглушения звонких шумных согласных на конце слова. Напротив того, правила чтения групп согласных обычно не упоминаются; лишь изредка говорится, что в группах согласных нет ассимиляции по глухости звонкости или что все согласные должны читаться (т. е. нет так называемых «непроизносимых» согласных). Наконец, иногда даются особые правила, касающиеся чтения отдельных букв, напр. буквы *ѣ*: указывается, что она никогда не читается как [v]; в специальных случаях предписывается читать ее как [y].

Однако можно показать, что удобнее исходить из отдельно задаваемых нормативных правил чтения церковнославянского текста «по слогам», после чего каждый слог может быть записан средствами русской гражданской графики. Реальная практика чтения вслух церковнославянских текстов представляет собою компромисс между правилами чтения церковнославянского текста (при этом соответствующие орфоэпические рекомендации иногда различаются в разных пособиях) и навыками чтения русского текста.

Особенности региональных вариантов чтения вслух церковнославянских текстов могут быть представлены посредством модификации представления церковнославянского текста средствами современной графики. Так, вариант чтения, который до сих пор распространен на Западной Украине и используется в Польской Православной Церкви (возможно, наряду с другими вариантами чтения), предполагает, что букве **Ѣ** ставится в соответствие не *e*, а *i* (при этом в прочих отношениях используется именно русская, а не украинская графика). Для описания чтения в русских приходах за границей иногда удобно использовать алгоритм практической транскрипции церковнославянского текста средствами языка окружения.

Отдельную задачу составляет описание нормативной интонации и интонационного узуса при чтении вслух церковнославянских текстов. Эта проблема практически не ставилась в лингвистическом ключе. Здесь необходима обработка представительного корпуса материалов.

М. А. Штудинер (Москва)

ОРФОЭПИЯ ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА. ОПЫТ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СЛОВАРЯ

«Словарь трудностей русского языка для работников СМИ» опирается на представление об орфоэпии как науке, «которая изучает **варьирование** произносительных норм литературного языка и вырабатывает произносительные рекомендации (орфоэпические правила)» [Панов 1979: 195]. Поэтому в словник словаря включены все случаи вариантности, вызывающие затруднения у носителей современного русского языка. Прежде всего это группы слов, существующих в языке как совокупность акцентных вариантов:

- 1) слова, имеющие акцентные варианты, фиксируемые словарями, например: *глубоко́* и *глубо́ко*, *по среда́м* и *по сре́дам*, *Флори́да* и *Фло́рида*, *Шри-Ланка́* и *Шри-Ла́нка*;
- 2) слова, испытывающие в речевой практике колебания в ударении, то есть слова, имеющие акцентные варианты, не отражаемые словарями или квалифицируемые ими как неправильные, например: формы косвенных падежей существительных *вред*, *герб* — *вредá*, *о вредé* (ср.: *врéда*, *о врéде*), *герба́*, *о гербе́* (ср.: *гéрба*, *о гéрбе*), *Балаши́ха* (ср.: *Бала́шиха*), *Вели́кий Устю́г* (ср.: *Вели́кий Устю́г*);
- 3) имена собственные, которые в энциклопедических словарях даются с ударением, не соответствующим русской традиции, например: *Балато́н*, *Вашингто́н*, *Марло́н Брандо́*, *Йога́нн Гутенбе́рг* (ср. в энциклопедических изданиях: *Ба́латон*, *Ва́шингтон*, *Бра́ндо*, *Гу́тенберг*);
- 4) слова, в акцентном облике которых к началу XXI века произошли изменения, не нашедшие пока отражения в большинстве словарей или вообще не зафиксированные другими

лексикографическими изданиями, например: *аранжировать*, *исчерпать*, *минусовой*;

- 5) слова, просторечные, то есть не соответствующие литературной норме, акцентные варианты которых широко распространены, например: *танцóвищица* (ср.: *танцoвищица*), *ходáтайствовать* (ср.: *ходaтайствовать*), *Бóстон* — США, город (ср.: *Бoстóн*);
- 6) слова, для которых характерен разнóбой в рекомендациях словарей, например: *пóедом есть* (ср.: *пoедóм есть*), *траттóрия* (ср.: *траттoрия*), *гос-во Кáтар* (ср.: *Катáр*), *Сент-Лу́ис* (ср.: *Сeнт-Луи́с*);
- 7) слова, не вошедшие пока в другие лексикографические издания, например: *сéмплер*, *тирамисú*, *А́нгела Дороте́я Ме́ркель*, *Ба́рак Хусе́йн Оба́ма*.

В словаре представлены также слова, в которых есть какие-либо произносительные трудности, например: *диéта* или *диэ́та*, *зага́дочный* или *загадош́ный*, *одноимённый* или *одноимéнный*, *те́нор* или *тэ́нор*, *Марсэ́ль* или *Марсэ́ль*?

В словарь вошли также слова с какими-либо грамматическими трудностями, например: *без погóн* или *без погóнов*, *инспéкторы* или *инспекто́ра*, *он ма́шет* или *он маха́ет*, *жить в Передéлкине* или *жить в Передéлкино*, из «*Манчéстер Юна́йтед*» или из «*Манчéстера Юна́йтед*», *заявлéние МИД* или *заявлéние МИДа*?

В словаре даются **равноправные** акцентные и произносительные варианты — акцентные и произносительные разновидности одного и того же слова, в одинаковой степени соответствующие литературной норме [Орфоэпический словарь 1997: 5-6]. Это дает возможность журналистам более толерантно относиться к своим коллегам, которые употребили в эфире не тот вариант, который традиционно звучал в передачах отечественного радио и телевидения. Но при этом в словаре указывается, какой вариант рекомендуется для эфира в настоящее время. Этот вариант помещен на первое место и, кроме того, выделен цветом. Например:

ма́ркетинг и *маркéтинг*
при́горшня и *пригóршня*
террóр, -а [*те* и *тэ*]
США [*сэ-шэ-а* и *сиа*], нескл., мн.
Флори́да и *Флóрида*

Традиция рекомендовать для использования на радио и телевидении только один вариант ударения или произношения идет от первых орфоэпических изданий, адресованных работникам эфира. Эта традиция опирается на работы отечественных русистов конца XIX — первой половины XX века, для которых было характерно стремление возвести в ранг нормативного лишь один из сосуществующих вариантов.

Акцентные и произносительные варианты, вышедшие из употребления или использующиеся редко, в словаре не даются. В некоторых лексикографических изданиях, вышедших в последние годы, указываются два варианта ударения, например, для следующих слов: *йо́гурт* и *йогу́рт*, *топина́мбур* и *топинамбур*, *тра́пе-за* и *трапéза*, *фейхоа́* и *фейхóа*, *Айда́хо* и *Айдахо*, *Айóва* и *Айова*. В данном издании в этих и подобных случаях дается только один вариант: *йо́гурт*, *топина́мбур*, *тра́пеза*, *фейхоа́*, *Айда́хо*, *Айóва*.

Литература

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И.Аванесова. Изд. 6-е. М., 1997.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Т. Е. Янко (Москва)

ОБ ОДНОЙ ИНТОНАЦИОННОЙ КОНСТРУКЦИИ, ОТСУТСТВУЮЩЕЙ В ОПИСАНИЯХ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ¹

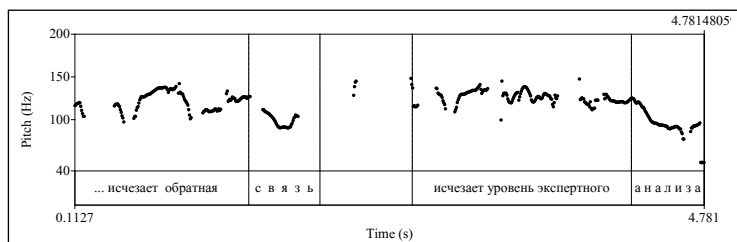
Задача работы состоит во введении в научный оборот интонационной конструкции, не описанной ранее в русистике. Разработанный для данного исследования рабочий массив звучащих записей говорит о достаточно высокой частотности этой конструкции, прежде всего, в речи деятелей массовой коммуникации, а также в жанре дружеской беседы и научного обсуждения. Для анализа звучащих данных использована компьютерная программа Praat. Материалом послужила речь жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 16-06-00226 А).

Конструкция представляет собой падение в существенном диапазоне частот на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс подъем в небольшом диапазоне частот (или вибрирующее движение тона) на заударных слогах, если они есть. Если заударных нет, интегральное нисходяще-восходящее движение тона фиксируется на ударном слоге. Таким образом, можно говорить о том, что перед нами конструкция, в отсутствие заударных подвещающаяся компрессии. Ударный и заударные слоги характеризуются повышенной интенсивностью и продленным временем звучания. Конструкция не функционирует в автономном употреблении, ее специфика состоит в необходимости повтора, что связано с ее функцией членения дискурса на отдельные смысловые фрагменты. Членение происходит достаточно независимо от синтаксической структуры предложения. В силу такой функциональной направленности конструкция часто используется в контексте перечисления аргументов говорящего в защиту определенной точки зрения. Тонोगрамма примера (1) ниже иллюстрирует речь политического комментатора одной из московских радиостанций.

Говорящий демонстрирует энергичную, «напористую», манеру артикуляции, нацеленную на желание убедить аудиторию в важности приводимой аргументации.

(1) ... *исчезает обратная СВЯЗЬ, исчезает уровень экспертного АНАЛИЗА...*

Словоформы *связь* и *анализа* служат носителями обсуждаемой конструкции. На ударном слоге словоформы анализа мы наблюдаем падение частоты до самой нижней точки частотного диапазона данного говорящего. Интенсивность и длительность повышены. На заударном слоге наблюдается небольшое повышение частоты, придающее обсуждаемой конструкции

известное сходство с нисходяще-восходящей конструкцией ИК-4, по Е. А. Брызгуновой. Основное отличие от ИК-4 состоит в том, что в обсуждаемой конструкции максимум частоты финального подъема не превышает максимума частот ударного слога (или начальной фазы ударного слога в отсутствие заударных). На словоформе *связь* наблюдается тот же частотный рисунок, что и на словоформе *анализа*, с тем отличием, что завершающий подъем в силу компрессии располагается в финале ударного слога.

Для документирования данного акцента предлагается использовать интонационную транскрипцию Дж. Пьерхамберт, плюс некоторое расширение алфавита нотации для фиксации тех параметров конструкции, которые не охватывает инвентарь Дж. Пьерхамберт.

В предлагаемой записи ((HL*-;L%):)→← фрагмент HL означает падение частоты от высоких показателей (H, high) к низким (L, low), звездочка (*) обозначает ударный слог, расположение звездочки при нижних значениях частоты, а не при верхних (HL*), обозначает крутизну падения; дефис (-) обозначает заударный слог, знак L говорит о том, что частота на заударных слогах ниже максимума частоты на ударном, а перевернутый восклицательный знак (!) говорит о том, что частота на заударном слоге выше минимума частоты на ударном, или, иначе, что на заударном слоге наблюдается небольшой подъем. Дополнительно к нотации Дж. Пьерхамберт в качестве указателя сферы действия параметра используются круглые скобки. Двоеточие обозначает пролонгированное звучание, а две направленные друг к другу стрелки указывают на то, что вся конструкция подвержена компрессии, т. е., что при отсутствии заударных слогов мелодическая кривая целиком фиксируется на конечном ударном или единственном слоге словоформы-носителя.

Доклад иллюстрируются записями звучащей речи.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация, Русская грамматика, том 1, 1998., М., С. 103–118.

Pierrehumbert J. (1980) The Phonology and Phonetics of English Intonation, MIT PhD Dissertation.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Андронов</i> (Санкт-Петербург). О природе фонологических сегментов и минимальных линейных фонологических единицах.	3
<i>Е. Л. Бархударова</i> (Москва). Иностраный акцент как показатель особенностей фонетики родного и изучаемого языков	5
<i>С. Ф. Барышева</i> (Москва). Мутабильные единицы как фоностилистика особенность церковно-богословской речи (на примере православного радиовещания).	7
<i>Д. Д. Беляев</i> (Тула). Варьирование звонких заднеязычных согласных как характеристика идиолекта	10
<i>Н. В. Богданова-Бегларян</i> (Санкт-Петербург). Фонетический тьяни-толкай: о двух разнонаправленных тенденциях в построении устного текста	12
<i>Болычева Е. М.</i> (Москва). Слог как объект научного и обыденного осмысления	15
<i>Венцов А. В.</i> (Санкт-Петербург). Экспериментальная фонетика и проблемы восприятия речи.	17
<i>Л. А. Вербицкая</i> (Санкт-Петербург). Роль фонологии и морфологии в формировании особенностей произносительной нормы (на материале современного русского языка)	19
<i>Н. С. Вербиц</i> (Киев). К вопросу о реализации звонких согласных перед глухими в середине слова в украинских говорах	25
<i>И. А. Вещикова</i> (Москва). «Свое» и «чужое» в орфоэпии телевизионных СМИ	27
<i>Н. Б. Вольская, Т. В. Качковская</i> (Санкт-Петербург). Принципы просодической разметки в новом корпусе русской спонтанной речи <i>coruss</i>	29
<i>О. М. Горбачёва, Н. А. Любимова</i> (Санкт-Петербург). Интонационное оформление эмоции удивление в общем и специальном вопросе.	31
<i>Г.-Р. А.-К. Гусейнов</i> (Махачкала). К генезису шепелявых согласных <с'> и <з'> в южнорусских говорах.	33
<i>К. И. Долотин</i> (Москва). Аналитический метод моделирования дискурса.	34
<i>С. В. Дьяченко, А. В. Тер-Аванесова</i> (Москва). О муромском ёканье.	38

<i>Е. Ф. Журавлева</i> (Салоники, Греция). Фонетико-фонологические «этюды» русского и новогреческого языков	41
<i>О. Б. Йокояма</i> (Лос-Анджелес, США). Определение места сентенциального ударения при чтении письменного текста	48
<i>М. Л. Каленчук</i> (Москва). Делимитация значимых единиц языка с помощью фонетических средств: новые тенденции.	48
<i>Л. Л. Касаткин</i> (Москва). Ударение в предложных сочетаниях в русском языке.	50
<i>Л. Л. Касаткин</i> (Москва). Старопетербургское произношение.	52
<i>Р. Ф. Касаткина</i> (Москва). Добр — добёр, остр — остёр и др.	53
<i>В. Б. Касевич</i> (Санкт-Петербург). Логика фонологии.	54
<i>Е. Ф. Киров</i> (Москва). Делимитативная фонетика русской речи (делимитатика)	57
<i>Ю. А. Клейнер</i> (Санкт-Петербург). Виды сегментации — типы границ.	59
<i>Т. Н. Коробейникова</i> (Москва). Особенности произношения русских согласных русско-немецкими билингвами	61
<i>Д. А. Кочаров, Т. В. Качковская, П. А. Скрелин</i> (Санкт-Петербург). Редукция безударных гласных в просодически выделенных словах .	63
<i>О. Ф. Кривнова</i> (Москва). Современное состояние терминологического аппарата теоретической и прикладной фонетики	66
<i>А. В. Кухто, А. Ч. Пиперски</i> (Москва). Ритмическое правило в русском языке.	69
<i>Е. И. Литневская</i> (Москва). Об особенностях отражения разговорного произношения на письме	72
<i>И. М. Логинова</i> (Москва). Формирование и функционирование интонационной синонимии в русском высказывании и тексте	74
<i>Ю. Ю. Магерамова</i> (Магадан). Безударный вокализм в старожильческих говорах крайнего северо-востока России	76
<i>Б. И. Осипов</i> (Омск). Проблема иерархии фонологических единиц . .	80
<i>М. Б. Попов</i> (Санкт-Петербург). Еще раз о сакраментальном вопросе русской фонологии: фонематический статус [i]	84
<i>Р. К. Потапова, В. В. Потапов</i> (Москва). Фонетическая основа систем преобразования «текст — речь» (на примере американского варианта английского языка).	87
<i>О. А. Прохватилова</i> (Волгоград). К вопросу о произносительных стилях русской звучащей речи	89
<i>Е. И. Риехакайнен</i> (Санкт-Петербург). Притча о фонологической прозрачности	90
<i>Л. В. Савинич</i> (Москва). Просодия стихов Осипа Мандельштама . . .	92

<i>Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова</i> (Москва). Современная акцентуация кратких прилагательных в свете диахронических данных	96
<i>К. Саппок</i> (Бохум, Германия). Аудитивное цитирование: примеры из корпуса русской региональной речи (rureg.de)	101
<i>Н. Д. Светозарова</i> (Санкт-Петербург). Семантика фразового ударения: продолжение	104
<i>А. А. Соколянский</i> (Магадан). Дифференциальный признак и позиционная фонология	106
<i>А. Е. Сомова</i> (Москва). Особенности акцентуации глагольных форм прошедшего времени в современном русском литературном языке.	110
<i>Й. Урбанавичене, Ю. Ярославене</i> (Вильнюс, Литва). Палатальность и палатализация в современных балтийских языках: акустический анализ консонантов.	113
<i>Н. А. Федянина</i> (Москва). Делимитативная функция	114
<i>М. А. Хлупина</i> (Москва). Произносительные особенности как средство характеристики языковой личности С. Д. Довлатова	116
<i>С. С. Хромов</i> (Москва). Об одной тенденции в интонационном оформлении общих вопросов в языках различного типа	118
<i>В. В. Шаповал</i> (Москва). Падение редуцированных в свете внутренней реконструкции	120
<i>А. В. Швабская</i> (Санкт-Петербург). Особенности реализации акцентуационно-ритмических структур со специфическим консонантным наполнением в русской речи финнов	122
<i>Т. Ю. Шерстинова</i> (Санкт-Петербург). Амплификационные структуры повседневной устной русской речи в контексте исследования темпоральных паттернов языка.	124
<i>А. Д. Шмелев</i> (Москва). Церковнославянское произношение: проблемы кодификации	127
<i>М. А. Штудинер</i> (Москва). Орфоэпия для журналиста. Опыт создания специализированного словаря.	129
<i>Т. Е. Янко</i> (Москва). Об одной интонационной конструкции, отсутствующей в описаниях русской интонации	131